

ДЕМЬЯН
БЕДНЫЙ

Демьян Бедный

3

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1954*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

*СТИХОТВОРЕНИЯ, ЭПИГРАММЫ,
БАСНИ, ПОЭМЫ, СКАЗКИ*

1921—1929

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1954*

Составление и подготовка текста

А. А. ВОЛКОВА

Примечания

И. С. ЭВЕНТОВА

РАЗБОЙНАЯ ЖАЛОСТЬ

(Перевод с польской... действительности)

Французское правительство, войдя в бедственное материальное положение Польши, могущее дать вспышку большевизма, решило оказать помощь Польше присылкой... пушек и снарядов.

(Из дипломатической хроники.)

Студеным днем, зимой,
Крестьянин шел глухой дорогой
В сермяге горестно убогой,
С пустою нищенской сумой.
«Стой! — кто-то вдруг его в лесу окрикнул
грозно.—

Стой! Иль ответишь головой!»
Бедняк, от страха чуть живой,
Узрев разбойника, пред ним взмолился слезно:
«Голубчик, пожалей!.. Я третий день не ел...»
И нищего разбойник пожалел:
В разбойный стан увел его с собою
И там вручил ему покрытый кровью нож,
Громадный нож, который гож
Не для работы — для разбою!

ЗМЕИНОЕ ГНЕЗДО

По словам издающейся в Берлине кадетской газеты «Руль», меньшевик Л. Мартов — по поводу советского сообщения о том, что белогвардейские покушения отразятся на судьбе буржуазных заложников — требует от немецких рабочих «дружного и энергичного протеста с целью воздействовать на большевистское безумие».

Дух злобный Каина витает над Берлином.
Спасая головы от пролетарских пят,
Сюда сползлись и здесь, в пристанище змеином,
Лихие гадины ярятся и шипят.
Здесь, с «брестским Гофманом» сплетясь в клубке
едином,
Гучков и Милюков едят и вместе спят,
И, положить спеша начало козням новым,
Скрепляет Мартов вновь былой союз с Черновым.

*

Отставленных господ зачумленный слуга
Клянет большевиков с «безумным их угаром»,
С их «адским замыслом» — на злой удар врага
Ответить «массовым, жестоким» контрударом.
Предатель предпочел дыханию Москвы
Дыханье города, где в дни порабошенья
Всех, кто пред подлостью не клонит головы —
Кровь Розы Люксембург и Либкнехта, увы,
Ждет запоздалого отмщенья.

ИСКУПЛЕНИЕ

*Рассказ царского гвардейца-инвалида о том,
как питерские рабочие 9 января 1905 года к
царю ходили.*

Дело, братцы, давнее.
Помню, как сейчас,
Как на службу царскую
Отправляли нас.

«Эй, садись, ребятушки!
Уж второй звонок».
«Ну,— отец нахмурился,—
Прощевай, сынок!»

«Ваня!» — пуще прежнего
Зарыдала мать.
От меня родимую
Стали отнимать.

Сват Вавила трешницу
Сунул мне в карман.
Стал мне очи ясные
Застилать туман.

В третий тут ударили,
Свистнул паровоз,
Ухнул, понатужился
И повез, повез!..

Серый, неотесанный
Деревенский пень,
Очутился в Питере
Я на третий день.

Новобранцу робкому,
Тяжко было мне.
Что велели, делал я,
Делал, как во сне.

Под слова площадные
Строгих унтеров
Шел, носки вытягивал,
Прыгал через ров.

Круто грудь выпячивал,
Отдавая честь,
Зенки выворачивал —
Чтоб «начальство есть»,

На плечо «приемами»
Вскидывал ружье,
Инда тело делалось
Словно не мое.

С плацу как воротишься
В душный каземат,
Камнем повалился бы
На плетеный мат.

Ан морока новая,
Надо привыкать —
Офицер словесностью
Станет допекать.

Закружит те голову,
Задурит мозги.
Тут тебе и внешние
Всякие враги,

Тут тебе и внутренний
 Беззаконный враг:
У врага у этого
 Знамя — красный флаг.

Знамя ж наше — царское.
 Мы, вступивши в бой,
За него обязаны
 Жертвовать собой —

За царя с царицею
 И за их приплод
Проливать обязаны
 Мы и кровь и пот.

Слушай. Зазеваешься —
 Ткнет начальство в бок.
Всю словесность мудрую
 Знал я назубок.

И на той словесности
 Присягал царю.
Вот какой был дурень я.
 Верно говорю.

Время-то катилось.
 Год, и два, и три.
Сам уж был я унтером,
 Шут меня дери!

Стану пред командою,
 Этакий-то хват.
Тоже грел, не миловал
 Молодых солдат.

От казармы вблизи
 Завелась кума.
Глядь-поглядь, четвертая
 Подошла зима.

Служба, значит, царская
Близилась к концу.
Стал я тут подумывать:
Как вернусь к отцу?

Знал: придется маяться,
Жить бедным-бедно.
А кума заладила
Каждый день одно:

«Оставайся, миленькой,
В Питере служить.
Поступай в полицию,
Вот как будем жить!»

Долго я прикидывал:
То ль идти домой,
То ли оставаться мне
В Питере с кумой?

То ли мне крестьянствовать
В нищете опять,
То ли на прищепке мне
С шашечкой стоять,

Палочкой помахивать,
Рявкать во весь рот:
«Эй, чаво столпилися!
Р-расходись, народ!»

Как мне быть? Тяжелая
Шла во мне борьба.
Но решенье сделала
За меня — судьба.

Как-то в ночь январскую
По тревоге — бац! —
Весь наш полк с оружием
Вывели на плац.

А оттуда ротами
В разные места.
«Бунт большой на фабриках»,—
Шло из уста в уста.

С нашей ротой — первую
С правого конца —
Довелось у Зимнего
Мне стоять дворца.

Ночью было так себе,
Но средь бела дня...
Острой болью ёкало
Сердце у меня.

На своих товарищей
Не глядел... Куда!
Чуял, надвигается
Страшная беда.

И беда надвинулась...
Вспомнить не могу...
Стать врагом такому ли
Думал я врагу?

Люди — тени бледные,—
Мирною толпой
Труженики бедные
Шли к царю с мольбой.

Шли, с собою малую
Детвору вели...
Ротный вдруг скомандовал:
— Смир-рно... Р-рота... пли!!

Сразу все смешалось:
Крики и пальба...
Топот... Стон... Проклятия...
Женская мольба...

Вон старик... Не я ль ему
Пулей в лоб попал?
«Будьте все вы прокляты!»—
Крикнув, он упал.

Вон свалилась девушка
С ангельским лицом...
Буду помнить до смерти
Площадь пред дворцом!

Рота наша вечером
Вся была пьяна
От подарка царского —
Водки и вина.

Пил и я — не с радости, —
Воя, как шальной.
Зрела мысль упорная
В голове хмельной.

Щеки заливались
Краскою стыда.
Твердое решение
Принял я тогда.

С той поры я, милые,
Стал на путь прямой:
Отслужив солдатчину,
Я ушел домой.

И берег, лелеял я
Мысль одну, одну:
Искупить январскую
Страшную вину.

Как потом случилась
С немцами война,
Чашу искупления
Выпил я до дна.

Выпил чашу горькую,
Ох, не я один:
Вся Расея огненных
Дождалась годин!

С глаз народных черная
Спала пелена.
Правда-то рабочая
Стала всем видна!

Злую волю барскую
И царев указ
Довелось солдатакам
Проклинать не раз.

Средь полей погибельных,
В глубине траншей,
Мы собою мало ли
Выкормили вшей?

Сколько люду сгублено
Чертовой войной!
Искупленье куплено
Дорогой ценой!

Вот и я теперича
На кого похож?
И рукав болтается,
И штанина — тож.

Виноватить некого.
Виноват я сам.
Все мы провинилися,
Покоряясь псам,

Лбами ò пол стукая
У крестов, икон
За царя за батюшку,
За его закон.

Защищая ирода
От «бунтовщиков»
Острою оградюю
Из стальных штыков.

Кривда нами правила,
Правду прочь гнала.
Правда-то над кривдою
Все же верх взяла!

Вот она, рабочая
Правда, какова.
Ею нынче родина
Только и жива.

Верю я, девятое
Помня января:
Кровь свою рабочие
Пролили не зря.

Верю, что искуплена
Их святая кровь,
*И все зло, что сгинуло,
Не вернется вновь!*

ПРЕДАТЕЛЯМ

*(О Кронштадтском матросско-
белогвардейском мятеже)*

Всё те же карты, та ж игра,
И козырь той же подлой масти.
Всё те же игроки — враги Советской власти:
Предатели-офицера,
Дворянские сынки — минувшего осколки,
Правозсеровские волки
И меньшевистская икра.
В Кронштадте — новом государстве —
Превосходительный подлец сидит на царстве.
Эй, вы, шипевшие по всем углам вчера,
Предатели, рабы, антантовские мавры,
Куда вы спрятались? Кричите же «ура»
И бейте в гулкие литавры!
В Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке в этот час
Все биржи молятся за вас,
Готова спешно вам заслуженные лавры.
Лакеи верные врагов страны родной,
Вы, черви, севшие на всходы нашей нови,
Наденьте же венки, надвиньте их на брови.
Венки оценены великою ценой —
Народных слез, народной крови!
В какой проклятый час, какой лукавый дух
Внушил вам веру вновь в успех дворянской шпаги?
Каким шептаньям внял ваш поврежденный слух,
Что в наших боевых, стальных рядах потух
Огонь испытанной отваги?

Да будет то, к чему зовет нас мстящий Рок.
И если суждено нам перейти порог
 К высокой цели — через трупы,
Что ж? На удары мы в бою не будем скупы
И, исторический сметая сор и хлам,
Обрекши всех врагов народному проклятью,
Мы проведем метлой с железной рукоятью
 По омерзительным телам,
Отмеченным предательской печатью!

ПРЕДРЕШЕННОЕ

С тех пор как мир стоит, — не три, четыре года, —
Две силы борются: владыки и рабы, —
И он неотвратим, как приговор судьбы,
Час предрешенного исхода
Их титанической борьбы.

Чем ближе этот час, тем яростнее схватки
И тем опаснее наш каждый ложный шаг.

Пускай порой ликует враг:

«Рабы отброшены! Ряды их стали шатки!»

Мы, маневрируя и обходя рогатки,

Несем уверенно наш пролетарский стяг.

Отчаянье родит безумие героев,

Готовых жертвовать и делом и собой.

Но мы не прельщены отвагою слепой

И отступаем мы, чтоб, нашу мощь утроив,

С тем большим мужеством вступить в последний бой!

Сегодня, празднуя со всем рабочим миром

Наш праздник красный, трудовой,

Мы, может, встретимся не раз с церковным клиром

И будем видеть, как советскою Москвой

То там, то здесь пройдет молящаяся группка.

Да, это темноте народной, вековой

Есть тоже грустная уступка.

Но кто, какие господа

Дерзнут уверить нас с насмешкою холодной,

Что светом знания мы темноты народной

Не одолеем никогда?!

Да, может, вы не раз, герои-ветераны,
Отступите то здесь, то там перед врагом,
Уступите в одном, чтоб выиграть в другом,
Но близок час, когда, воспламенив все страны,
К твердыне вражьей вы приставите тараны,
Громя убийц, круша последний их оплот,
Свершая наш обет и боевые клятвы.
Все жарче солнца луч. И близко время жатвы.
Мы сделали посев. И мы получим плод.

БРАТСКОЕ ДЕЛО

С весны, все лето, ежедневно
По знойным небесам он плыл, сверкая гневно, —
Злой, огнедышащий дракон.
Ничто не помогло: ни свечи у икон,
Ни длиннорясые, колдующие маги,
Ни ходы крестные, ни богомольный вой:
Ожесточилась земля без доброй влаги,
Перекаленные пески сползли в овраги,
Поросшие сухой, колючею травой,
И нивы, вспаханные дважды,
Погибли жертвою неутоленной жажды.
Пришла великая народная беда.

*

Есть, братья, где-то города:
Раскинув щупальцы, как спруты-исполины,
Злом дышат Лондоны, Парижи и Берлины.
Туда укрылися былые господа,
Мечтающие вновь взобраться нам на спины
И затаившие одно лишь чувство — месть.
О, сколько радостных надежд несет им весть,
Что солнцем выжжены приволжские равнины,
Что обезумевший от голода народ,
Избушки бросивши пустые и овины,
Идет неведомо куда, бредет вразброд,
Что голод, барский друг, «холопскому сословью»

Впился когтями в грудь, срывая мясо с кровью,
И что на этот раз придушит мужика
Его жестокая костлявая рука.
А там... ах, только бы скорее!.. Ах, скорее!..
И рад уже эсер заранее ливрее,
В которой будет он, холуй своих господ,
Стоять навытяжку, храня парадный ход:
— Эй, осади, народ!.. Не то чичас по шее!..
Эй, осади, народ!..

*

Поволжье выжжено. Но есть места иные,
Где не погиб крестьянский труд,
Где, верю, для волжан собратья их родные
Долг братский выполнят и хлеб им соберут.
Пусть нелегко оно — налоговое бремя,
Но пахарь пахарю откажет ли в нужде?
Мужик ли с мужиком убьют преступно время
В братоубийственной, корыстной, злой вражде?
Пусть скаредный кулак для хлеба яму роет,
Тем яму роя для себя,—
Тот, кто голодному в день черный дверь откроет,
Об участи его, как о своей, скорбя,
Кто, с целью побороть враждебную стихию,
Даст жертвам голода подмогу в трудный год,
Тот и себя спасет и весь родной народ.
Спасет народ — спасет Россию!

Л И Б Е Р А Л

Я уверен, что всякий предпочтет Ленину даже царя Павла. Я ни одной минуты не колебался бы. Со всеми шпицрутенами, со всеми Аракчеевыми, со всем безумием самодержавного самодурства — предпочитаю Павла.

(Александр Яблоновский.

Из белогвардейского
«Общего дела».)

То-то, братцы, и оно.
Яблоновский, bravo!
Возвращай уж заодно
Крепостное право!

Се — Аника из Аник,
Белый рыцарь без забрала.
*Поскребите либерала,
Перед вами — крепостник!*

С В Е Р Х - Л И Б Е Р А Л

Недавно я писал о русских либералах,
Помешанных на белых генералах.
Царь Павел был на что самодержавный зверь,
А либералы ждут: «Такого б нам теперь!»
Я удостоился на выпад свой ответа,—
От бешенства не взвидя света,
Какой-то либерал мне пишет напрямки
(Без подписи и, значит, без обмана):
«Что Павел? Павел — пустяки.
Не Павла жаждем,— Тамерлана!»
Так вот он, либерал, каков, когда он гол:
Не крепостник уже, а кочевой монгол!

АЛТЫННИКИ

В Москве, в Рогожско-Симоновском районе, торговцами пожертвовано в пользу голодающих волжан всего 45 коп. серебром и один кочан капусты.

(Из отчета.)

«За именинницу!»
«Ур-ра!»
«Ур-ра!»
«Ур-ра!»
«Парфентьевна, всего!»
«Мерси вас!»
«Дай вам боже!»
«Сысой Сысоич, э, ты что же?»
Пей водочку до дна!»
«Уж больно, брат, остра».
«Отвык, хе-хе?»
«Отвык».
«Привыкнешь, милый, снова.
Торговля как?»
«Нельзя сказать худого слова».
«А ну-ко-ся, под осетра!»
«Я под икорочку».
«М-да, знатная икра!»
«Нет, вы северюжинки попробуйте, какая!»
«Сыр, не угодно ль, со слезой?..
Сысой Сысоич... э... Сысой!
Не допиваешь, брат, не дело».
«Чего не допил? Перепой!»
«С такой-то малости? Едва ли,

Уж мне ль не помнить, как с тобой
 В былое время мы пивали!»
 «Вот — на! —
 Поскреб Сысоич темя.—
 Так то ж в былое время!»
 «Эй, старина,
 Да ты в уме ли? —
 Все гости сразу зашумели. —
 Чем плохи нынче времена?
 Так расторгнемся...»
 «Сысоич, брось лукавить.
 Пред кем ломаешься? Ты говори, как есть:
 Прибытку, чай, наскреб вчера мильенов шесть?»
 «Мильенов шесть, хе-хе, да шесть еще
 прибавить!—
 Осклабился Сысой. — И то сказать, вчера
 От покупателей с утра
 В Москве ломились магазины.
 Ведь что ни дом, то именины». —
 «За р-ривалюцаю... ур-ра!!» —
 Вдруг у какого-то купчины
 С отрыжкой выпер тост из самого нутра.
 «За р-р-ривалю-ца-ю!!» Купцы хватили дружно,
 А громче всех хватил Сысой:
 «Теперь особенно считаться нам не нужно
 Со всякой сволочью босой!»
 «Чтоб ей подохнуть, окаянной!!»
 Тут с рожей плачущей, притворно-покаянной,
 Стал обходить Сысой гостей,
 Протягивая им тарелку из-под каши:
 «По-дай-те, милостивцы наши,
 Для голодающих волжан и их детей!»
 «Что?! Ох-хо-хо-хо-хо!»
 «Ох, в рот те сто чертей!»
 «Ой, уморил нас, шут плешивый!»
 «Ой!»
 «Ой! — за животы хватились купцы.
 Ты сам-то... жертвовал?»
 «Пожертвовал, отцы...
 Пятиалтынничек... фальшивый!!»

●

Я мог бы дать мораль, и даже не одну!
Но дело вовсе не в морали,—
И соль не в том, что мы в гражданскую войну
Не дочиста (пока!) Сысоев обобрали,—
Нет, не к тому я речь веду.
Сысоев много ли? Сысой на виду.
И будь все горе в них, мы б их прижали разом.
Но вот Сысойчики... Густую их орду
Окинуть трудно глазом.
Для революции стократ
Орда Сысойчиков опасней.
Как с ними справиться, не скажешь краткой
басней.—
Тут надобно писать не басню, а трактат.
Прибавлю все-таки алтыннику Сысою,
В честь «ривалюцаи» кричащему ура:
«Сысой, прошла твоя цветущая пора.
Смерть за тобой стоит с косою.
Ты и Сысойчики — вы ожили на срок,
Но вас не пощадит неотвратимый рок.
Настанет некий час, «его же вы не весте»,
Час пролетарского суда,
Победный, грозный час, когда
Вы вашей подлости плоды пожнете вместе!»

РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ

Большая торговая площадь. Деревянный помост. На помосте торговый комиссионер по продаже «вольнонаемных» рабов. Рядом с ним, шеренгой, «продающиеся». Вокруг помоста — громадная, тысяч в десять, толпа: покупатели, любопытные и т. п.

Комиссионер

Эй, честные господа,
Подходите сюда!
Товар лицом.
Полюбуйтесь этим молодцом!

Голос из публики

Рубаху-то с себя он пропил, видно?

Комиссионер

Слов нет, парень выглядит несолидно:
Одет не по последней моде.
Пролетарий, в некотором роде.
Всего на нем штаны да поясок.
Одну рубаху променял на хлеба кусок,
А другой рубахи не нашел в комодке,—
Да не в рубахе дело.
Полюбуйтесь на это тело:
Сложение Геркулеса,
Широкие плечи, могучая спина...
Не пьяница, не повеса...

Голос из публики

Какая цена?

Комиссионер

Кто больше даст, тот и купит!
Товарец, можно сказать, еще сырой.
А вот вам второй.
Первому не уступит.
Годен ко всякой работе.
Служил добровольцем во флоте.
По случаю побед и одоления
Ищет работы и прокормления.
Отличался. Имеет ордена.

Голос из публики

Какая цена?

Второй голос из публики
Да у него как будто нога не в порядке!

Комиссионер

Годится, чтоб ходить по огородной грядке.
Чай, ему не придется танцевать по паркету.
Особой беды нету.
Нога повреждена на войне.
Сойдет за здоровую вполне,
Хоть и не имеет настоящего вида.

Первый голос из публики
На кой нам ляд такого инвалида!

Второй голос из публики
Наплачешься с такой покупкой!

Комиссионер

Зато продается с уступкой!
Третий! Третий! Третий!
Без всяких таких междометий.
Парень хоть куда.
Фигура маленько худа.

А вообще все исправно.
Стукнуло двадцать лет недавно.
Еще не в полном соку.
Претерпел всего на веку.
Отца на заводе придавило лебедкой.
Мать померла, болела чахоткой.
Парнишка к работе внимателен,
В еде невзыскателен.
Может, теперь не всякому понравится,—
Он на хороших хлебах поправится...

Второй голос из публики
Да на нем кожа одна!

Первый голос из публики
Какая цена?

Второй голос из публики
Он ведь шатается от малокровия!

Комиссионер

Согласен на любые условия!..
Четвертый! Четвертый! Поглядите!
Тоже скажете: калека?
Да его хватит на два века.
Сколько, мил-сдари, дадите
За этого прекрасного молодого человека?
Этот — и остальные прочие —
Клад, а не рабочие!
Все бывшие солдаты.
Постой, дуралей, куда ты?

(Четвертый, отойдя в сторону, закрывает глаза руками, плачет.)

Возмущенные голоса рабочих
из толпы

У, сволочи!
Отольются вам наши слезы!

Проходящая мимо дама с лорнетом
Какие... странные.. курьезы...

«ВЛАДИМИРКА»

«Н-но!.. Туда же, брыкаться... Нашлась недо-
трога!»...

Туго врезалась в твердую землю соха.

«Здравствуй, дядя! Гляжу я: земля не плоха».

«Да крепка. Утоптали. Была ведь дорога.

Слышь, в Сибирь, значит, гнали по ней в старину...

Эй, ты, н-ну,

Шевелись, сухопарая!»...

Борозда к борозде... Ком ложится на ком...

Кто узнал бы тебя нынче в виде таком,

Роковая путина, «Владимирка старая»?!

Брат мой, пахарь! Погибших бойцов помяни.

Окруженные серым, суровым конвоем,

Пыльной летней порой — под мучительным зноем,

Хмурой осенью — в тускло-ненастные дни,

И студеной зимой — в ночи темные, выюжные,

Кандалами гремя, испытые, недужные,

По «Владимирке старой» шагали они.

Не склоняя голов непокорных,

Не смыкая усталых и скорбных очей,

Мимо жалких лачуг, покосившихся, черных,

Мимо пышных усадеб своих палачей,

Подло-мстительной царской покараны карой,

В рудники за бойцом посылавшей бойца,

Шли они — без конца, без конца, без конца —

По «Владимирке старой!»

Сколько скорбных, невидимых нами теней,
Может быть, в это время проходят по ней
И дивятся на новые яркие восходы!
Пахарь! Празднуя праздник труда и *свободы*,
Не забудь благодарной слезой помянуть
Всех, кто в оные, злые, проклятые годы
Ради нас проходил этот жертвенный путь!

А З Б У К А

Я не скажу, что нынче вёдро.
Тут правды незачем скрывать.
Но все же я настроен бодро
И не намерен унывать,
Хоть на унынье нынче мода.
Из большевистского прихода,
Хоть человек я и не злой,
Я б гнал всех нытиков долой.
Одна любительница позы,
Из крайне-«левых» героинь,
Вчера шептала мне: «Аминь»,
Рисуя мрачные прогнозы.
Я ей сказал: «Шалтай-болтай!
Не хочешь петь, так улетай!»

Осточертели эти бредни,
Что, дескать, «мы уже не те».
Письмо крестьянское намедни
Пришлось прочесть мне в «Бедноте».
Письмо — великого значенья.
Вот образец для поученья!
Мужик стал просо разводить,
Да не умел за ним ходить:
Впервые стал он просо сеять.
Ан, урожай-то вышел плох.
Мужик не хныкал: «ах да ох!» —
Он просо стал усердно веять,
Чтоб приготовить семена
Лишь из отборного зерна.

Посеял. Вновь — одна кручина.
Мужик слезы не уронил,
Стал разбираться: где причина?
Не так он просо взборонил.
«Блажной!» Жена уж смотрит косо.
Но в третий раз он сеет просо.
И получились чудеса:
Вся золотая полоса,—
Согнулись мягкие метелки
Под тучной тяжестью зерна.
«И ведь земля-то не жирна!»
Пошли по всей деревне толки:
«Да на моей бы полосе...»
Решили просо сеять все!

Все это азбучно, бесспорно,
Но в этой азбуке — урок.
К чему стремится кто упорно,
То он получит в некий срок.
А в срок какой, ответить трудно.
Пороть горячку безрассудно.
Кому медлительность тяжка,
В том, стало быть, тонка кишка
Иль растянулась от натуги,—
Тогда для этаких кишок
Партийный нужен ремешок.
«Эй, подтянитесь, мил-други,
Чтоб близкий, может быть, всполох
Не захватил бы вас врасплох!»

«ВАШИНГТОНСКОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ»

(Современная баллада)

В аду пошел тревожный гул
Из-за вестей о Вашингтоне,
И сам великий Вельзевул
Заерзал в ужасе на троне:
«Эй, — закричал он, — Асмодей!
Ты — черт хитрейший в преисподней,
Ты посмотрелся на людей,
Служа в их шашнях первой сводней,—
Ты знаешь, что у них к чему,
Ловя оттенки в каждом тоне...
Я — понимаешь? — не пойму,
Что там творится в Вашингтоне?
Кто Хьюз? Святой или дурак,
От чьих проектов уши вянут?
Впрямь, на земле для новых драк
Вооружаться перестанут?
Иль блеск «гуманнейших» идей
Там служит только для парада?...»
«Олл райт!» — ответил Асмодей
И пулей вылетел из ада.

Недели не прошло одной,
Как, образец природы пылкой,
Плут-Асмодей пред Сатаной
Предстал с лукавою ухмылкой.
«Ну что? С разоруженьем как?» —
Владыка ада зубы стиснул.

Черт, рожу скорчивши в кулак,
Так прямо со смеху и приснул.
И — от стены и до стены —
Весь ад сотрясся вдруг от смеха:
То мощный хохот Сатаны
Встревожил все четыре эха.
Все черти, вторя Сатане,
Визжа, каталися по аду,
И даже грешники в огне —
И те смеялись до упаду.
А через час в аду — глазей!—
Висели (чудо! без изъяна!)
Портреты «адовых друзей» —
Ллойд-Джорджа, Хьюза и Бриана.
Портреты надпись обвила,
Вонючей писаная смесью:
«Склонился ад за их дела
Пред их заслуженною спесью!»

ВЕЛИКИЙ ПАМЯТНИК

Не знаем в точности, в каком уж там году,—
Про это разные доселе ходят толки,—
Но достоверный факт: львы, кабаны и волки
Пустили как-то слух, что жить хотят в ладу.

Не воевать же, дескать, вечно.

Львы довели до сведенья волков,
Что уважают их и любят их сердечно.
А волки стали выть, что нрав-де их таков,
Что мирное житье для них всего дороже,

И если б знали кабаны...

Им кабаны в ответ захрюкали: «Мы тоже
Готовы сделать все, чтоб избежать войны».

В конечном результате

Таких речей — от львов, волков и кабанов —

В торжественном трактате

За подписью ответственных чинов

(Чьих мы имен опять не знаем, к сожаленью)

Объявлен был всему лесному населенью

И населенью «прочих мест»

Особенный такой наказ, иль манифест,

«О прекращении звериных войн навеки

И о характере опеки

Над теми, кто...»

Увы, кто в старину влюблен,

Тот нашу грусть поймет: сей акт отменно важный,—

Не знаем, каменный он был или бумажный,

И протестантским ли он знаком был скреплен,

Иль католическим, иль знаком православья,—
Суть в том, что, окромя неполного заглавья
(Его нашла одна ученая овца),
К нам больше не дошло ни одного словца:
 Великий памятник великой
 Древне-звериной старины —
Погиб он в пламени всесветной, зверски-дикой,
Не прекратившейся до наших дней войны.

ОТ ЖИЗНИ К ТЛЕНЬЮ

Живу в грязной сербской гостинице, переполненной русскими, бежавшими от большевиков. Стены тонкие, все разговоры слышны. В соседней комнате с утра до ночи гвардейский полковник кого-то убеждает: «Я меньше чем на крепостное право не пойду!»

(Белогвардейское письмо из Сербии.)

Где-то в Сербии, в Белграде,
Не достать отсель рукой,
Ходит он при всем параде,
Неуступчивый такой!

Уж мы молим: «Бога ради!
Сделай милость, уступи!»
Но... в гостинице, в Белграде,
Ходит он, как на цепи.

Ходит он и все бормочет
Неизменные слова:
«Уступить?! — Он зло хохочет.—
Нет уж, дудки! Черта с два!»

Что нам делать, боже правый?
Как подумать, жуть берет:
Неужель полковник бравый
Так, не сдавшись, и помрет,

Чтоб затем, зловещей тенью
К нам являясь раз в году,
Бормотать: «От жизни... к тленью...
Я на меньшее нейду!»

СЕМЕНА

(Из моего детства)

Самовар свистал в три свиста.
Торопяся и шалая,
Три румяных гимназиста
Уплетали кренделя.

Чай со сливками любовно
Им подсовывала мать.
«Вновь проспали! Девять ровно!
Надо раньше поднимать!

Все поблажкам нет предела!» —
Барин ласково гудел.
Мать на младшего глядела:
«Вася будто похудел...

Нету летнего румянца!..»
Состоя при барчуках,
Тягька мой три школьных ранца
Уж держал в своих руках,

А за ним пугливо сзади
Я топтался у дверей.
Барин снова: «Бога ради,
Мать, корми ты их скорей!

Вот! — он к тятке обернулся.—
Сколько нам с детьми хлопот.
Из деревни твой вернулся?
Разве зимних нет работ?

*Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!*

*Там уж поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!»*

ОБМАНУТАЯ МАДАМ
(Беглая русская буржуазия)

Английская газета «Морнинг пост» сообщает, что международное бюро труда Лиги Наций (Франция, Англия, Италия и др.) решило произвести точную перепись всем русским беженцам, живущим сейчас за границей. Лига Наций намерена переправить их в Южную Америку. Правительствам южноамериканских республик послан срочный запрос — подготовили ли они работу для русских беженцев?

Два миллиона саранчи
Про нас трещало за границею:
«Ах, коммунисты-палачи!
Ах, мы отплатим им сторицею!

Нас приневоливать к труду?!
Да что мы — сволочь? Черноблужники?
Зачем нам дома жить, в аду,
Когда в Европе есть «союзники»?!

— Мы все, мы все тебе вернем;
О Франция гостеприимная!
У нас с тобою с каждым днем
Растет симпатия взаимная!»

Увы, расчетливый француз
Над симпатичной русской странницей
Стал издеваться, — о конфуз! —
Как над невестой-бесприданницей:

«Пардон, мамзель!.. Пардон, мадам!..
(Ну, как там в паспорте означено?)
Я ни сантима вам не дам...
И так уж сколько зря истрачено!

На ваши прелести мне — тьфу!
При всем при вашем обаянии
Для вас расходную графу
Я продолжать не в состоянии:

Увы, немецкие долги
Блистают... русскими оттенками.
Знать, с немца снимешь сапоги,
Лишь став на грудь ему коленками.

Мадам, прошу вас... Же ву при!..
Позвольте ручку... До свидания!..
Не хнычьте ж, черт вас побери!
Вот где мне ваши все «страдания»!

Не я ль спасал вас столько лет
От большевистского насилия?..
Вот чемодан... и вот билет:
Прямой маршрут — «Париж — Бразилия».

Ах, там чудесная страна!..
Природа — вроде как в Валенсии...
Вы там устройтесь... одна...
Не век же быть у всех на пенсии!

Пора... работать наконец!!»
«Работать?.. Где же? У плантаторов?..
Вы... вы — мерзавец! Вы — подлец!..
Вы — хуже всех эксплуататоров!

Вы... Что мне делать, боже мой?—
Мадам ударилась в истерику.—
Нет, нет... в Москву... в Москву... Домой...
Чем на плантации в Америку!..

Там... там... в Москве...»

Ну, что же «там»?

Что до меня (без слов язвительных) —
Я б вас в Москву пустил, мадам,
И дал... три года «принудительных».

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПАРАД

(К четырехлетию)

Приидите вси нетруждающиеся,
Рабоче-крестьянской власти чуждающиеся,
Сегодня на площадь Красную,
В погоду этакую ясную,
Сухую да морозную,
Поглядеть на силу грозную,
На ее праздничный парад,
Которому будет рад,
Конечно, не всякий:

Перекрестится в страхе поп Акакий,
Купец Дерунов чертыхнется,
Кадет Лизунов поперхнется,
Спекулянт Appetитов зажмурится,
Эсер Бандитов нахмурится,
Меньшевик, несмотря на все усилия,
Не вспомнит, какая у него фамилия,
И шмыгнет поскорее в сторонку —
За кадетом и эсером вдогонку...
«Прячься, прячься, покуда...»

А я, средь рабочего люда,
С открыто-веселой миной
Буду любоваться картиной,
Как герой за героем

Пройдут перед нами железным строем,
Боевым революционным парадом,
И, впиваясь ласковым взглядом
В каждого проходящего смельчака,
Я буду кричать: «Да здравствует *ве-че-ка!*!»

ТРУД И ПОРЯДОК

В нашем государстве мы — партия порядка. Этот порядок достался нам дорогой ценой. И мы обязаны всеми средствами охранять его против всех врагов — и внутренних и внешних, — которые посягают на него, разрушая то, что добыто с такими усилиями рабочим классом России.

(«П р а в д а», передовая статья 9 декабря 1921 г.)

Мы бурю подняли не бурелома ради.
Уничтожая гниль, гремели мы: — Вали!!
— Старью, глушившему молодняки, ни пяди,
Ни пяди отнятой у темных сил земли!
— Долой с родных полей, со всенародной пашни
Всю чужаядную, ползучую траву!!
И падали дворцы, и рушились башни,
И царские гербы валялися во рву!
Но разрушали мы не разрушенья ради.
Сказавши прошлому: «Умри и не вреди!» —
С цепями ржавыми весь гнет оставив сзади,
Мы видели простор бескрайный впереди,
Простор — для творчества, простор — для жизни
новой,
Простор — для мускулов, для чувства, для ума!
Мы знали: школою тяжелой и суровой
Добьемся мы, чтоб свет стал жизненной основой
Для тех, чей ум века окутывала тьма.
И потому-то так трясет их лихорадка,
Всех гадов, коим так мила назад оглядка,
Когда мы говорим: «Всему своя чреда.
Все — к пашням и станкам! Мы — партия труда
И партия порядка!»

БЫЛИ, ДА ПЕРЕВЕЛИСЬ

Мистеру Ллойд-Джорджу. Доверительно.

Так вы, мистер, настроены вполне примирительно?
Справлялись вы у мусью Бриана,
Какого он мнения насчет мусью Демьяна?
Решил признать нас окончательно?
Прямо замечательно!
Может, еще кто-нибудь
Хочет стать на этот путь?
С нашей стороны не будет отказа,
Только признавайте, пожалуйста, не все сразу.
А то едва наметились контуры первого признания,
Как мы уже имеем два знака препинания:
Прощупывают нам бока
Два кулака,
С запада и с востока.
Какого же нам ждать от признаний прока,
Раз каждое признание будут сопровождать два
наскока?

Мистер, мы ведь люди не без понятия:
Если бы вы даже раскрыли нам свои объятия,
Мы бы очертя голову в них не ринулись,—
Сели бы рядом... и маленько отодвинулись...
И с величайшим к вам — гм! гм! — расположением
Следили бы за каждым вашим неосторожным
движением,
Чтобы вы, не приведи бог, как-нибудь...
случайно...
Мы верим вам, конечно, чр-р-резвычайно,—

Но если признание сопряжено с насюками...
Можно хоть кого разжечь такими «намеками»,
А мы... Подивитесь нашей деликатности:
Несмотря, что мы нынче сторонники «платности»,
Мы насюки оставляем без... полного возмещения
Это ли не тонкость обращения?!

Когда пойдут наши совместные заседания
Об условиях «признания», —
Не знаю, насколько сие вам будет любо,—
Вы нашу тонкость оцените сугубо,
Убедившись, что в Советской Руси
Перевелись караси,
Водившиеся на святой Руси ране,
Которые, дескать, *любили*, чтоб их жарили
в сметане.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА

*Радостная новость ожидает
всех, тоскующих по родине... Исключительные
способности ясновидящей мадам Осма Бедур
облегчили уже немало русских сердец.*

(«Последн. нов.», № 504, Париж.)

«Мадам... Весьма приятно...—
И взгляд из-под очков.—
Я-с, — произнес он внятно,—
Профессор Милюков».

Гость новый — без доклада...
«Пардон, я — без чинов...»
«Мусью, я очень рада...
Ву зет...» — «Мусью Чернов!»

Гость третий. «Виновата,
Здесь двое...» — «Милль пардон!
Вождь пролетариата —
Мусью Мартов Леон!»

Что делать? Без отказа
И лишних процедур
Троим гадает сразу
Мадам Осма Бедур.

Троим она гадает
О ждущей их судьбе,
И каждый ожидает
Приятного себе.

Мадам нашла решенье,
Мадам дала ответ.
«М-да, это утешенье!» —
Осклабился кадет.

«И я, — сказал Мартушка, —
Обрадован весьма».
Чернов сиял: «Вы — душка,
Ма шер мадам Осма!»

Теперь сюрприз устроим.
Загадку всем задам:
Так что ж троим героям
Ответила мадам?

1922

ПОСЛЕ УЖИНА ГОРЧИЦА

Большевиков уничтожит только удар в голову — Петроград. В 1612 году освободить Русь — значило взять Москву, а в 1922 году Минину с Пожарским надо идти в Петроград.

(А. Амфитеатров в «Общ. деле».)

Амфитеатров, ба! Тож в роли подходящей!
Аврамий Палицын какой!
Брось, милый, запоздал! Бери мотив другой:
Над эмигрантщиной смердящей
Пой «со святыми упокой»!
Пусть вас утешит всех загробная награда
За ваши муки здесь. А что до Петрограда,
То в нем из всех квартир для вас едва-едва
Очистится одна: «Гороховая, два»!¹

¹ Гороховая, 2—помещение Петроградской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

СОВЕТСКИЙ ЧАСОВОЙ

Баллада

Заткало пряжею туманной
Весь левый склон береговой.
По склону поступью чеканной
Советский ходит часовой.

Во мгле туманной берег правый.
За темной лентою Днестра
Припал к винтовке враг лукавый,
В чьем сердце ненависть остра.

Кто он? Захватчик ли румынский?
Иль русский белый офицер?
Иль самостийник украинский?
Или махновский изувер?

Пред ним, дразня его напевом
Рабочей песни боевой,
На берегу на том, на левом,
Советский ходит часовой.

Лукавый враг — стрелок искусный,
Послал он пулю, знал куда.
Но не ушел убийца гнусный
От справедливого суда:

В кругу ль убийц, ему подобных,
Наедине ли, все равно,
Под вихрь и чувств и мыслей злобных
Ему мерещится одно:

Там, над Днестром, во мгле туманной,
Все с той же песнью боевой,
Все той же поступью чеканной
Советский ходит часовой!

МЕНЬШЕВИСТСКАЯ ПЛАЧЕЯ¹

Буржуйский прихвостень и верный подголосок,
Друг шейдемановцев, марксистский недоносок,
Зломеньшеви́стская кликуша-плачея,
Мартушка в горести льет слезы в три ручья.
Несчастный, Генуей и день и ночь он бредит,
Туда — в мечтах своих — он, гость незванный, едет,
И, у Антанты взяв и пропуск и пароль,
Там выполняет он предательскую роль.
Предатель искренний и яростно-упорный,
Он фанатически творит свой подвиг черный:
Не в силах будучи погнать Россию вспяť,
Он воет в бешенстве: «Распяť ее! распяť!!
Пусть, бравшей верх по-днесь над вражеской
расправой,
Ей станет Генуя — Голгофою кровавой!!»
Но... «агнец» жертвенный из жертвенной Москвы
На агнца непохож и голову, увы,
Пред кем-нибудь склоняť не выявил желанья...
И шею подставлять не хочет для закланья.
Нет, как нам мирные условия ни нужны,
Но мы не думаем наш меч влагать в ножны.
Мы в Геную пойдем для сделки, нам полезной,
Уступчивы в одном, другом, но не во всем,
И руки мирные мы мирно потрясем...
Рукой, обтянутой перчаткою железной.

¹ Плачея — плакуша, плакальщица, женщина, которая по найму воит, воет, плачет, причитает по покойнику.

ВСЕ ЯСНО

*По поводу разоблачений эсеровской работы:
убийства Володарского и Урицкого, покушения
на Ленина и т. д.*

Внешний лоск, из лакейской — манеры,
А на деле — бандитам родня.
Социал-р-р-революционер-р-ры
Снова сделались темою дня.
 О делах их читаю без боли:
 Много чести такой мелкоте.
 Политические Р-р-рокамболи
 Перед нами во всей наготе!
Приютит ли их «двухполовинный»?
Или выгонит даже «второй»?¹
Злодеяний их перечень длинный
Ставит крест над их тайной игрой.
 Буржуазной капеллы хористы,
 Шайка трижды продажных Иуд,
 Господа «социал-кураристы»
 Ничего уж не спрячут под спуд.
Ясно все! Никаких отговорок.
Все гнилое нутро — напоказ.
Пусть же будет недремлюще зорок
Наш испытанно-бдительный глаз!
 Мстя убийцам, что рыщут тропами,
 Сторожа пролетарских предтеч,
 Пусть над медными их черепами
 Пролетарский опустится меч!

¹ Двухполовинный и второй Интернационалы.

«G O L O S R O S S I I»

Russische Tageszeitung für Politik.
Berlin, Friedrichstrasse. Einzelpreis 1 Mark¹.

Поль Милюков — в интересах общего дела — переуступил В. Чернову свою берлинскую газету «Голос России».

Берлин... «Как много в этом звуке
Для сердца «русского» слилось!»
С Россией подлинной в разлуке
Там швали всякой набралось.
Как черви в уличном отхожем
(Ни с чем иным сравнить не можем!),
Скрепляя внутреннюю связь,
Клубится эта гниль и мразь.
Под треск черновской балаболки
Она свивается плотней,
Того не чуя, что над ней
Уже навис... ушат карболки.
Про то пронюхав, Милюков
Вильнул хвостом — и был таков!
Кичась эсеровским паролем,
Чернов, подарок подхватив,
Заголосил на тот же, Полем
Ему завещанный, мотив.
Певцы несходного обличья,

¹ «Голос России». Русская ежедневная политическая газета. Берлин. Фридрихштрассе. Цена отдельного номера 1 марка.

Но Golos — нету в нем различья.
И Врангель пишет: «Мой дюша,
Ваш голёс — ошин карашà!»
Чернов польщен. Кому не лестно?!
А Мартов с Даном тут как тут!
«Вас Носке с Адлером зовут...
Мы с вами выступим совместно...
Единый фронт и общий рейс...»

*

Rossii ...Golos... Einzelpreis!..

ЛЬВИНОЕ УГОЩЕНИЕ

(Перевод с арабского¹)

Позарившись однажды на быка,
Но с крепкими его считаюсь рогами,
Лев стал хитрить и речь повел издалика:
«Дружище, мы с тобой живем как бы врагами,
Хотя в открытой мы не состоим войне.
Ягненка жирного зарезав для обеда,
Сегодня я тебя, как доброго соседа,
Прошу пожаловать ко мне!»
Хоть не влекла быка совсем мясная пища,
Пошел к соседу он, скрывая тайный страх,
Но, увидав у львиного жилища,
Как много хворосту пред ним, а на кострах
Шипят громадные какие сковородки,
Он, не пытаясь уже свой страх прикрыть
Солидной важностью медлительной походки,
Помчал назад во всю бычачью прыть.
«Др-р-руг! — рывкнул сзади лев с великим
возмущеньем, —
Ты что же? Брезгуешь соседским угощеньем?!»
«Почтенный мой сосед,— бык молвил,— извини,
Но я давно уж из пеленок.
Вид сковород твоих... Готовились они,
Видать, для большего кого-то, чем ягненок!»

¹ Арабские басни Лукмана, издание «Всемирн. литер.», стр. 65, басня «Лев и бык».

*

Арабской басни я дал точный перевод.
Искать не надо в ней особенной загадки.

Но если б к злобе дня я сделал в ней подход,
То я бы высмеял Ллойд-Джорджевы повадки,
Затем сказал бы я, не скрывши наших нужд,
Что и когтисты мы, не только что рогаты,
Что, не в пример быку, мы опытом богаты
И что нам всякий страх пред львиным рыком чужд:
Того не будет ввек, чтоб в каторжных колод-

ках

Мы приняли чужой, злой, вражеский устав,—
Чтоб Русь зажарили, на части распластав,
На генуэзских сковородках!

НЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАТОБОРСТВО, А ЮРИДИЧЕСКОЕ КРЮЧКОТВОРСТВО

*Наша задача и наши намерения состоят
исключительно в юридической защите эсе-
ров.*

Вандервельде и К^о

Что Вандервельде нюх имеет преизрядный,
Тому пример наглядный:
Политик с ног до головы,
Нюхнув эсеров, он сказал им: «Не взыщите!
Я ль не защитник ваш? Но факты таковы,
Что мне приходится держаться при защите
Лишь юридической канвы!»
И вот мы все увидим в сроке скором,
Как будет сей отъявленный... юрист
(Чуть не сказал: авантюрист!)
Бороться не с судом, а с строгим приговором:
Статья не выручит, так, может, манифест.

*

Так шустрый адвокат заране ставит крест
Над окончательно «засыпавшимся» вром!

ДОГЕНУЭЗИЛСЯ

(Телеграмма)

Радио-агентства Гаваса:

«После выпитого пуншу из русского кваса
И шампанского парижской марки
Ллойд-Джорджу всю ночь прикладывали к голове
припарки.

Больной в бреду произнес 4711 речей.
Утром состоялся консилиум врачей,
Которым Ллойд-Джордж сделал заявление,
Будто его (бредовое представление!)
*Переехала русская нефтяная цистерна,
Вся обклеенная плакатами Коминтерна!»*

КТО ПОРУЧИТСЯ?..

(Современная буржуазная антология)

Член британского парламента и редактор журнала «Джон Буль» Боттомлей приговорен к каторжным работам на 7 лет за незаконное присвоение денег, собранных по подписке на английский «заям победы» во время войны.

Боттомлей шел в «Джон Буле» во время войны самую кровавую, человеконенавистническую кампанию во имя победы «культуры и права» против германского империализма. Процесс разоблачил этого героя, набившего свои карманы на патриотической травле.

(Из телеграмм.)

Вот образ красочный, хоть вставь его в киот:
Парламентский крикун, прожженный «патриот»,
В листовках пламенных натравливавший «Джона»
На «некультурного и подлого тевтона»,
Он, не сумевши скрыть бесчисленных улик,
Внезапно выявил свой благородный лик.
Но это уж не лик, а четкий тип героя
Всебуржуазного покроя.
Подобной сволочью везде хоть пруд пруди:
Во всех парламентах, на заседаниях бурных,
Среди погромщиков изысканно-культурных —
Она бурнее всех и вечно впереди.
И кто поручится, что в Генуе, к примеру,
Не такая мразь «сгущала атмосферу»,
То «разрезала» вновь пары,
Чтоб и «улики» скрыть и не сорвать игры,
И, напоровшись на красную отвагу,
Спешит свою игру перенести в Гаагу?

ВОЛЧЬЯ ЗАЩИТНИЦА

Отнюдь не солидаризируясь с деятельностью эсеров, которая сделана сейчас предметом судебного разбирательства, решительно расходясь с учением и программой, с тактикой и методами борьбы с.-р. партии, в частности с ее ролью в гражданской войне, наша партия тем не менее решила делегировать защитников на упомянутый процесс.

(Из заграничной декларации русских меньшевиков.)

Что у волков бандитские ухватки
И что у мужиков законный им отпор —
Иль пуля, иль топор, —
Об этом знают все. Тут разговоры кратки.
Случилось: некий волк, попавши в западню,
На помощь стал сзывать звериную родню.
Большая поднялась тревога в волчьем стане:
«Проклятье мужикам!» — «Товарищ наш в
капкане!»
Ан, глядь: мужик с ружьем идет на волчий вой.
Завидя мужика, идущего к капкану,
Лиса, как водится, решив прибечь к обману,
К тревожным голосам прибавила и свой
И стала — издали, конечно, —
Корить злодея-мужика:
«Меня ты знаешь, чай. Скажу чистосердечно,
Сколь от разбойных всех волков я далека.
Но различать, однакож, надо:
Карать ли волка за разбой,
За то, что ночью он в твое ворвался стадо,
За то ль, что просто днем он встретился с тобой?»

Суди волков, но справедливо.
Есть волки честные, в том слово я даю.
А этот, пойманный, волк честный особливо:
Я знаю и его и всю его семью.
Старик хозяйственный, суровый, богомольный,
Его отец всю жизнь морил себя постом.
Сын весь пошел в отца: не жадный, сердобольный,
Увидевши овцу, берет он путь окольный...
Он даже и не волк, клянусь моим хвостом!..»
«Хвостом? — сказал мужик. — Ах, язви ты короста!
А ну-ка повернись. Ба! Ты ж совсем бесхвоста!
Да не в капкане ль хвост? В капкане, так и есть!
Кого ж ты думала своим враньем провесть?
И волк твой кормится травую луговою,
И ты, защитница его, во всем чиста...
Благодари судьбу, оставшиися живою,
Что там, где волк своей ответит головою,
Ты лишь отделалась потерею хвоста!»

*

Прогнившей совести все расплескав остатки,
Зломеньшевицкая распутная кума,
Благодари судьбу, что от суда сама
Ты в дальний лес могла подрать во все лопатки,
Но, потерявши хвост, замаранный весьма,
Чтоб вновь не сесть в капкан с великого ума,—
Не суйся в волчьи адвокатки!

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ В МОСКВЕ

I

Г Р Я Д И: Г Р Я Д И:

*(Приветствие эсеровскому защитнику,
господину Вандервельде)*

С блудливой миной, сановный морща лоб,
Се к нам грядет министр и преданный холоп
Его величества бельгийского, Альберта.
Чтоб помнил он всю жизнь об этом «светлом» дне,
Устроимте ж ему мы «встречу»! Он вполне
Достоин доброго «кошачьего концерта»!
Пускай же облетит весь шар земной молва,
Как, пролетарская Москва,
Прошла ты с шиканьем, насмешками и свистом
Пред подлым гоф-социалистом!

*

Нет, не забыли мы кровавой той поры,
Когда он русскому царю был гость желанный,
Когда предателю весь царский штат охранный
Под ноги подстилал ковры.
«Приди на помощь нам, союзник наш почтенный,
Пусть чернь фабричная, услыша голос твой,
Усвоив сдуру твой социализм подменный,
Патриотический поднимет снова вой!»

2

Сел в калошу

Подарок «Эмилию Версальскому», Вандервельде тож
Рабочими красного «Богатыря»
«Другу» последнего русского царя
И французского маршала Фоша
Готовится — огромная калоша.

III

ЧУДАК ПОКОЙНИК

Мне Наркомюст сказал: «Садитесь. Я вам рад.
Садитесь». — «Куда?! Благодарим покорно!» —
«Садитесь». — «Нет, уж я... Я постою, камрад». —
А он — «Пардон, мусью», — мне говорит упорно.
Ну, что же? Пусть «мусью». Мерси за прямоту,
«Пардон», однакож, есть. Хоть вежливы по тону.
Но «Правда» — прямо мне горчичник к животу —
Заладила, что день: «Ату его! ату!»

Громит без всякого пардону!
Уж переводчик мой язык себе свихнул,
Переводя ее свирепые нападки.
Намедни в зеркало я на себя взглянул:
Лицо прорезали две новых скорбных складки.
Мон-дье! С каким домой вернусь-то я лицом?!

*

Не беспокойтесь, почтеннейший Иуда!
Я уповаю, что отсюда
Вы политическим вернетесь мертвецом!

IV

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СОВ. РОССПИ ЗНАТНОГО ПИОСТРАНЦА

(Из записок министра Эмилия Версальского)

Не узнаю этих мест.
В прошлый мой приезд
При покойном российском государе
Был я в большом ударе,
Слыша, как все шептали вокруг:
«Мусью Вандервельде!.. Наш друг!..»
Встреча во дворце была столь интимна,
Мне жал руки сам державный лейб-гусар,
А я под звуки царского гимна
Кричал: «Вив ля Рюсси! Вив ле цар!»

А нынче, переехав границу,
Попал я ровно в сумасшедшую больницу:
При виде меня все дрожат от ярости
И, не уважая моей относительной старости
И моего социального положения,
Сыплют такие выражения,
Коиx смысл... не совсем переводим.
Все ж приехал я в Москву невредим,
Хоть по пути мне кричали при всякой оказии:
«Эй, ты, холуй буржуазии!»
На станции Себеже
Какому-то русскому невеже,
Оравшему: «Ей, ты, двухсполовинный!»—
Мой спутник, Курт Розенфельд, сделал упрек
невинный:

«Мейн герр, эс ист нихьт вар!
Мой Интернационал не двухсполовинный,
а Венский!»

На что невежа запыхтел, как их самовар:
«Ты — плут венский, а я — мужик деревенский!
Вот ты сытый, а я голодный, —
Ты лакированный, а на мне рогожа,
Но я красной Россеей гражданин свободный,
А ты! — собачий хвост, подхалимская рожа,

А кабы мне поручили тебя принимать —
Показал бы тебе я кузькину мать!»

На станции Великие Луки
Натерпелся я муки:
Какая-то товарищ Фекла
Чуть не вышибла в вагоне стекла.

А уж Москва себя показала:
Тысячи рабочих вокруг вокзала
Встречали меня столь... бурно,
Что мне чуть не сделалось дурно.

За что столько свисту, брани, угроз,
За что — букеты не из красных роз,
А из травы сорной
И жгучей крапивы подзаборной?
За что эти черные, позорные плакаты?
Пусть эсеры сто тысяч раз виноваты,
Но я же адвокат,
Я только адвокат,
А потом уже социал-демократ,
Чьи, хе-хе-хе, убеждения
Заслужили высочайшего утверждения!

*

Ах, ма тант,
Антант!
Как я возвращусь отсель
В Версаль? В Брюссель?
Не то мне страшно, что эсеров осудят,—
От мысли иной берет меня жуть:
Какими «розами» будет,— ох, будет!—
Усыпан в Европе мой обратный путь?!

*

Перевел с социал-предательского

Демьян Бедный.

У

А Х, П О З В О Л Ь Т Е В А С П О З Д Р А В И Т Ь ..

Еще две телеграммы

Оплачены антантовской валютой

В Париже под председательством миллиардера Моргана открылась конференция банкиров.

Р а д и о.

И з Б е р л и н а

Из нашего печального изгнания
Приветствуем ваши великие начинания.
Вы соль земли и светочи мира.
Да здравствует творческая мысль банкира!
Да здравствует предмет нашей бескорыстной
симпатии,
Представитель американской развернутой демократии,
Гордость человечества, Морган!!
От лица сотрудников «Социалистического вестника»
Подписали два меньшевистских прелестника
Мартов и Дан.

И з М о с к в ы

Переваривая впечатления московских приветствий
(Не имевших, к счастью, физических последствий)
— Ах, вырваться бы отсюда скорее! —
Скорбим, что не можем, каждый в своей ливрее,
Потолкаться в передней вашей конференции,
Чтоб сквозь двери послушать ваши мудрые сентенции
И усвоить их высокоблагородные мотивы.
Клянемся выполнять ваши новые директивы
И проводить их в жизнь всеми «социалистическими»
мерами.
Лично от себя и уполномоченные эсерами,
Этими жертвами большевистского насилия,
Подписали: мамзель Эмилия,

Вокерс, Курт Розенфельд, переводчица Розенталия
И еще одна каналаия
(Коммунистов коробит ее кровно поруганная фамилия).

С подлинным верно
Демьян Бедный.

VI

КОРОЛЕВСКАЯ ШАНСОНЕТКА

Я явилася сюда,
Вот сюда
И сюда
Для... вот этого... суда,
Для суда,
Да!

Посмотрите ж, наркомюст,
Наркомюст,
Наркомюст,

Что за ножки, что за бюст,
Что за бюст,
Бюст!

Содержанка короля,
Короля,
Короля,
Я спою вам: тру-ля-ля,
Тру-ля-ля,
Ля!
До-ре-ми! Ре-ми-фа-соль!
Ми-фа-соль,
Ми-фа-соль!

*

Всем понятно, в чем тут соль?
В чем тут соль?
Соль!

VII

ПОД ХОВЯЙСКОЕ КРЫЛЫШКО

Вступив с Антантою в единый, тесный блок
И доброго от нас не чая хлебосольства,
В Москвей он разыскал уютный уголок
В лакейской конуре английского посольства.

VIII

ПРОЩАЙ, ЭМИЛИЯ!

Романс

«Я ухожу! — жеманно ты сказала, —
Пусть ангелы моих друзей спасут». —
И ты ушла торжественно из зала,
Презревши наш, рабочий, «хамский» суд.

Молчали все, от изумленья немые,
А я рыдал, почувствовав беду:
«Ушла... ушла... И я лишился темы,
Какой, увы, уж больше не найду!»

Твои слова звучали так напевно,
Но вера им свелась у всех к нулю.
И ты ушла, суду швырнув гневно:
«Я к своему вернусь королю!»

Потупившись, две глупеньких гризетки
Твой гардероб тащили впереди,
И — злой символ! — три *желтеньких* розетки
У всех троих дрожали на груди.

О три красы! О желтое созвездье!
Презрев наш суд, идите же туда,
Где в некий день настигнет вас возмездье
Не менее сурового суда!

ВОТ ИМЕННО!

«Здорóво!»

«Здорóво!»

Встретив эсера матерого,

Какой-то наивный чудак

Стал корить его так:

«Послушай, дружище!

Ведь я считаю, что эсеры чище,

Чем принято о них говорить.

Бросили б вы, милые, дурить.

Вот я был на эсеровском процессе

(Сужу, стало быть, не по ненавистной вам прессе),

Так сам я слышал, как один свидетель

Аттестовал антантовскую добродетель,

От которой вы, эсеры, без ума.

Антанта, задуши ее чума,

Вас в восемнадцатом году на большевиков

натравливала,

А сама... кадетское министерство подготавливала!

Обрадовалась бы Россия такому подарку?

Революцию, стало быть, на смарку?

Опять оседлать рабочего и мужика?»

«Эх,— вздохнул эсер на слова чудака,—

Гляжу я на тебя, дурака отпетого.

Да почему ж ты думаешь, что мы были... против
этого?»

В МАЛОМ ВЕЛИКОЕ

Коммунистическая ода

30 июня 1922 г. комячейка ф-ки Гознак справляла торжественный выпуск учеников партшкол двух ступеней.

Из учеников особенно выделялся один рабочий-печатник 47 лет, обремененный большим семейством при очень тяжелом материальном положении, И. П. К о н с т а н т и н о в, который, проходя эти две школы как I, так и II ступени, был самым примерным и внимательным учеником, — он не пропустил ни одного дня занятий партшколы.

Общее собрание рабочих-коммунистов приветствовало этого ученика — рабочего от станка, который, посвящая себя занятиям политическими науками, не останавливается ни перед какими преградами.

В ответ на приветствие Константинов заявил: «Я рабочий, а рабочий при Советской власти должен знать, что он сам должен найти правильный путь — в ученье и знании».

Рабочие, ученики партшколы, постановили тов. Константинова за его твердое стремление к знанию занести на красную доску.

День трудовой отбив, усталый от натуги,
Порою, может быть, больной —
Не самогонкою хмельной
Ты отравлял свои голодные досуги,
Не в церковь тупо брел — глотать гнилой дурман,
Не на базар спешил с продажной зажигалкой,
Чтоб, сбыв ее, бумажкой жалкой
Заштопать кое-где дырявый свой карман,—
Презрев мещанские насмешки и уколы:

«Туда ж, с мальчишками учиться, бородач!» —
Ты шел к порогу новой школы
Для разрешения неслыханных задач.
Среди нехоженных, огромных
Российских наших пустырей,
Таких, как ты, невидных, скромных
Немало есть уже у нас богатырей.
Рабочий рядовой, «товарищ Константинов»,
Сознанием классовым могуч,
Ты — исполин среди исполинов,
В твоих руках — к победам нашим ключ.
Всем меньшевистским злым кликушам,
В решающие дни пошедшим с нами врозь,
Всем чванным и гнилым интеллигентским душам,
Презрением кастовым отравленным насквозь,
Всей эмигрантщине зверино-плотоядной,
Парализованной, но все еще живой, —
Какой угрозой убийственно-наглядной
Является культурный подвиг твой!
К серпу и молоту прибавив силу *знанья*,
Ты, у врагов кому иного нет названья,
Как «обнаглевший хам», «разнузданный вандал»,
К серпу и молоту прибавив силу *знанья*,
Все наши замыслы, все наши упованья,
Все наши общие труды и начинанья
Ты укрепил и оправдал,
Ты, в ком, свершая путь великого страданья,
«Как солнце в малой капле вод»,
Отообразил себя рабочий наш народ!

ЗА ЭТОЙ ЛИНИЕЙ

(Основной припев)

Я опоздал с моею сказкой.
«Гааги» нету. Не беда.
Ведь мы гаагскую развязкой
Не обольщались никогда.
Так суждено уж — прогореть ей,
Чтоб — через сколько там недель? —
На конференции на третьей
Продолжить ту же канитель.
А может, песенкой иною
Начнет лиса нас угощать?
Блокадой новой иль войною
Опять попробует стращать?
Ну что же, мы себе на плечи
Врагов не думаем сажать.
Красноармейцы, вашей «речи»
Не стану я опережать!
Скажу лишь то, что непреложно:
Мы уступаем, сколько можно,
Но если нас биржевики
Начнут пугать — серьезно? ложно? —
Мы твердо скажем: «Осторожно!
За этой линией — штыки!!»

ПУГАЛО

*(Надпись на памятнике Александру III
в Ленинграде)*

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного беславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Предпоследний самодержец всероссийский
Александр III.

ЮНОЙ ГВАРДИИ

Время темное, глухое...
И забитость и нужда...
Ой, ты, времечко лихое,
Мои юные года!

Перед кем лишь мне, парнишке,
Не случалось спину гнуть?
К честным людям, к умной книжке
Сам протапывал я путь.

Темь. Не видно: ров иль кочка?
Друг навстречу или гад?
Сиротливый одиночка,
Брел я слепо, наугад.

Вправо шел по бездорожью,
Влево брал наискосок, —
И дрожал пугливой дрожью
Мой незрелый голосок.

Нынче красной молодежи
В дядьки я уже гожусь.
На ребяческие рожи
Все гляжу — не нагляжусь.

Зашумит ли резвым роем
В светлых залах новых школ,
Иль пройдет военным строем
Предо мною Комсомол,

Я, состарившись паружно,
Юным вновь горю огнем:
«Гей, ребятки! В ногу! Дружно!
Враг силен. Да шут ли в нем?»

Враг стоит пред грозной карой,
Мы — пред заревом побед!»
Юной гвардии от старой
Героический привет!

СПОКОЙСТВИЕ И ВЫДЕРЖКА

*По распоряжению британских властей
выход из Черного моря в Босфор закрыт.*

(«Э к о д е П а р и»)

Ллойд-Джордж, исполненный возвышенных мотивов,
Из моря Черного закрыл нам вход в Босфор,
Любому дураку тем разъяснивши спор:
Что называется «свободою проливов»?

Но мы-то не глупцы и, зная с давних пор
Неисправимую английскую привычку,
К замку разбойников, нас взявших под запор,
Сумеет — дайте срок! — соорудить *отмычку*.
Пускай тогда враги поднимут злой галдеж
Про большевистский взлом, про наглый их грабеж:
«Скорей, скорей замок в починку!»

Но... коль с мечом опять пойдут к нам и с огнем,
Мы так их нашею отмычкой долбанем,
Что небо им тогда покажется с овчинку!

Так будет. Скоро ли? Увидим. А пока,
Не склонные к шагам рискованно-задорным,
Мы будем изучать с усердием упорным
Секреты вражьего замка!

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЕЛ «КРОКОДИЛ»

В пещере Маабде близ Монфалута,
На правом берегу реки Нила,
Там, где у Фив он поворачивает круто,
Лежат предки нашего «Крокодила».
Окутанные пещерною мглою,
В полотнах, пропитанных смолою,
Древней-предревней тайной запечатленные —
Лежат их мумии нетленные.
Словом, не имеет нынче земля
Такого царя иль короля,
Чья бы родословная так далеко заходила,
Как родословная нашего «Крокодила».
Он, чья слава в эти дни
Начинает греметь повсеместно,
Был рано оторван от отца и родни.
Когда он родился, никому неизвестно.
Как жил его отец и на какие средства,
Кто были его друзья детства,
Кто ему внушал первые начатки знания, —
Об этом он сохранил смутные воспоминания.
Не будем говорить о Ниле и пирамидах,
О всех претерпенных «Крокодиллом» обидах,
О его упованиях на будущее лучшее, —
Об этом расскажем при подходящем случае.
Главное то, что в 1883 году
Очутился он в питерском Зоологическом саду
И — в России такие случаи были нередки —
35 лет не выпускался из железной клетки.

Выставленный всем напоказ,
Потеха для праздных глаз,
Пугало для барынь чувствительных,
Сколько претерпел он насмешек язвительных,
Сколько получил плевков и пинков
От пьяных озорников,
От мещан, в саду очутившихся,
На полтину раскутившихся,
От почетных и непочетных гостей,
От важных и неважных властей,
От всех, до городского включительно,
Торчавшего у клетки многозначительно,
Толстые усы разглаживавшего,
Публику осаживавшего:
«Осади... Осади!.. Осади!..
Экого чуда не видали!..»
Болтаясь, блестели у него на груди
Медали, медали, медали...
Публика «Крокодилу», бывало, дивится:
Ахает дебелая девица,
Шустрая барынька рукавом закрывается:
«Ужас! Ужас! Ужас!»
А лакированный хлыщ за ней увивается:
«Похож на вашего мужа-с!»
Другой муж с прилизанной внешностью
Жену от клетки отводит с поспешностью:
«Не гляди!.. Не гляди!.. В твоём положении...
(«Положение» ясное: платье не сходится)
Будешь иметь крокодила в воображении,
Потом крокодил и уродится!!»

.....
Был «Крокодил» в унижении,
У всех в пренебрежении,
Кормили его, чем попало,
Колотили по крокодильей коже.
Натерпелся он горя немало
И насмотрелся тоже.
Был для всех он примером безобразия,
Издавалась над ним знать и буржуазия,
Особливо ж терпел он от мещанства,
От мещанского нестерпимого чванства.

35 годиков — шутка!—
Не знал он светлого промежутка.
Один царь помер, другого — скинули:
Казалось, дни беспросветные минули,
Но и керенская пора
Не принесла «Крокодилу» добра.
Только после большевистского переворота
Выпустили «Крокодила» за ворота:
«Иди, гуляй на полной воле,—
Самим есть нечего боле!»
И вот наш «Крокодил», везде шатающийся
Теперь «Крокодил» самопитающийся,
В довольстве и почете,
На собственном, как говорится, расчете,
Заведя немалую семеечку,
Не обходится государству и в копеечку.
А польза от него несомненная.
«Сторонися, «публика почтенная!»
Не дай бог в его страшную пасть
Спекулянту-буржую попасть,
А тем паче — проплеванному мешанину:
Сделает из них «Крокодил» мешанину —
Косточки только — хрусть, хрусть!
Вот тебе «Не рыдай» и «Кинь грусть!»,
Вот тебе эрмитажное увеселение!
Вот тебе новобалетное оголение!
Вот тебе нэповская литература
С откровенным белогвардейским лейтмотивом!
Вот тебе волчьи зубы и шкура
Под скрыто эсэровским кооперативом!
Вот тебе бюрократическая повадка!
Вот тебе наглая взятка!
Вот тебе хозяйский прижим!
Это тебе не старый режим:
Заехал в зубы — получи обратно!
Хозяйничай, сволочь, аккуратно,
Барыши к барышам прикладывай,
А в «трудовой кодекс» поглядывай,
Потому что не уйдешь от беды:
Есть у нас «Крокодил» и суды.

В суд попадешь — наскочешься,
В «Крокодил» попадешь — наплачешься,
От слез твоих каменная отсыреет плита,
По всей улице делается слизко.

*

*Эй, сторонись, берегись, сволота!
«Крокодил» прохаживается близко!*

ПАНСКИЕ ПОСУЛЫ
У ХОЛОЦОВ БОЛЯТ СКУЛЫ

Недавно в Польше, в Каттовицах, было крупное забастовочное движение горнорабочих и металлургических рабочих.

Теперь газета «Речь Посполита» в № 241 публикует объявление о конкурсе главного полицейского управления в Каттовицах на поставку двух тысяч пар наручных кандалов.

Смотри фотографический снимок с этого объявления в питерской «Правде», № 230.

Пилсудский — пан гонористый,
Без чести и стыда,
Гонористый, напористый,
Вояка хоть куда.

С Советской властью, с русскою,
Он долго воевал.
Одежку французскою
Жолнежей сдевал.

Французскими подарками
Жолнежей он дарил
И пред боями жаркими
Им сладко говорил:

«Орлы мои коханные,
Вперед на москалей!
Большевики поганые
Жандармов царских злей.

Советскими невежами
Плетется вам капкан!»—
Так врал перед жолнежами
Пилсудский, польский пан!

За подвиги военные
Зарапе их хвалил,
Награды преотменные
За храбрость им сулил.

Жолнежи пану верили, —
Такой хороший пан!—
Шагами версты мерили
Под гулкий барабан.

Бредя тропами узкими,
Тянулись по полям,
«Подарками» французскими
Грозили москалям.

Французскими снарядами
Косили их ряды,—
Нарядными отрядами
Шли супротив «орды».

Простившись с рабской долею,
Ведя с панами спор,
«Орде» пришлось неволею
Жолнежам дать отпор.

Зафыркали над Вислою
Советские кошки.
Пилсудский с миной кислою
Считал свои деньки.

Паны вопили властные
Над кучей векселей.
Шумели близко красные
Знамена москалей!

Шли москали с угрозою
Шановному дерму.
Но Врангель злой занозою
Торчал у них в Крыму.

Они барона выбили.
Сказал он, стерва: «Пас!»
Себя не спас от гибели,
Зато шляхетство спас.

Спаслись вельможи чванные.
Пилсудский «бардзо» рад.
Жолнежи — хлопы рваные —
От пана ждут наград.

Ждут год, и два, и более,
И дождались «орлы»:
«Знай, хлоп! За своеволие —
Ручные кандалы!

Ты никуда не денешься
От панской кабалы,
А если взъерепенишься,—
Получишь... кандалы!»

*

Что ж? Панство, хлопа мучая,
Дождется судных дней!
— Хлоп! Упустив два «случая»,
Будь в третий раз умней!

СОЦИАЛ-МОШЕННИКИ

Ода

(подлежащая переводу на немецкий)

*Долой стиннесовскую социал-демократию,
выдающую рабочий класс баронам железа и
стали!*

*(Из воззвания Исполкома
Коминтерна, 18 окт.)*

Лакеи Стиннеса, опьянены изменой,
На коммунистов брызжут пеной
И, одобрительный ловя хозяйский взгляд,
У ног хозяина восторженно скулят.
Старайтесь, верные собачки,
Авось хозяин ваш удвоит вам подачки!
Но не дивитесь, коль потом
Придется вам, упав со страху на карачки,
Зализывать свои зловонные болячки
Под гинденбурговским кнутом!

В Т О Й Ж Е С В Я З И

Пану Пилсудскому. Мое шанованье!
Какое у вас на выборы упованье?
Рабочих арестовано много ли?
Вы меня окончательно растрогали.
Ценю «чистоту» вашей работы:
Насчет чести никакой заботы,
Хотя б какой-нибудь фиговый листок!
Свистите в полицейский свисток,
Орудуете ручными кандалами,
Как будто весь век занимались такими делами!
Нет нужды ни красками, ни карандашом
Расписывать ваши социалистические прелести:
Вот вы весь стоите нагишом,
Свирепо сжавши челюсти!
Что еще можно о вас сказать?
Что могут добавить укоризненные обращения?
Достаточно пальцем на вас указать:
«Любуйтесь... до отвращения!»
Давний ваш корреспондент,
Я в настоящий момент
Перехожу на безработное положение,
Тем более что, впавши в «консервативное
окружение»,
Ллойд-Джордж, мой адресат другой,
Шаркнул ногой
И ушел с политической авансены.
Какие, с божьей помощью, перемены!
Вот только разве вести с берегов Сены

Дадут материал для моего пера.
Давно пора.
И не зря я решил, что стану
Приглядываться к французскому «Тану»:
Там начали писать так умно,
Как не писали давно.
В связи с такой ситуацией
Пахнет интересной комбинацией.
Я не собираюсь делать из этого секретов
(Я частное лицо и пишу приватно),
Но для некоторых французских клеветов,
Воображаю, как все сие неприятно.
Но ведь своих клеветов господа
Не спрашивают никогда.
Господа так решили! Следственно,
Клеветы должны поступать соответственно.
Так повелось не со вчерашнего дня.
«Слуги господам — не родня,
Но являются частью живого
Господского инвентаря».

Мудрое это изречение не ново
И почерпнуто мной — слово в слово —
Из польско-французского политического словаря!

ХОДИТ СПЕШЬ НАДУВАЮЧИСЬ

В передовице «Последних новостей» от 6 октября Милюков пишет:

«Большевиков терпят потому, что не знают, кем их заменить: не Кириллом же и даже не Николаем Николаевичем. Если вот эта эмигрантская демократия громко кричит: «Мы здесь», то дело освобождения России сразу подвинется к развязке».

Нам сей пример — он тут уместен! —
Из Иловайского известен:

Противник Цезаря, Помпей,
Был Милюкова не глупей.
«Что Цезарь мне и Рубикон! —
Помпей хвалился. — Хлам какой!
Да стоит топнуть мне ногой,
И вырастают легионы!»

Конец Помпея был каков?
«Протопал» он свою карьеру!
И вот лапаша Милюков
Такому следует примеру?!
«Мы — здесь, — кричит, — мы здесь! Мы
здесь!»

«Да где ж?»
«В Берлине и в Париже!»
Подумаешь, какая спешь!
Рискните сунуться поближе!!

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ ГЕРОЯМ

Простор бескрайный океана.
Знамен победных алый цвет.
Бойцы! От Бедного Демьяна
Примите пламенный привет!

Владивосток! Теперь ты вправе —
Права дала тебе борьба!—
Стать назло вражеской ораве
Красой ценнейшею в оправе
Советско-русского герба!

«ЖЕСТИКУЛЯНТЫ»

В Германии вводится принудительное распределение некоторых предметов продовольствия. В ближайшее время вводятся карточки на сахар.

Гуго Стиннес приобрел треть всех акций одного из руководящих германских банков.

Немецкая социал-демократ. партия, оказавшись в меньшинстве в вопросе о хлебных ценах, отложила приведение в исполнение своих угроз. У соц.-демокр. партии — по словам «Дейче альгемайне цейтунг» — хватило благоразумия, чтобы все свои угрозы свести лишь к энергичным жестам.

Рабочему беда как туго.
Кому там важно: ел он? пил?
Зато великий Стиннес Гуго
Уж треть Германии скупил!
А социал-прохвосты рады
И каждый день — не устают!—
Читают умные доклады,
Где гимны Стиннесу поют.
А коль на острую занозу
Решатся в ход пустить угрозу,
То Стиннес только скажет: «Тут!»
И циркуляр напишет трестам:
«Весь этот грозный шум раздут.
Они угрозы все сведут,
Как и всегда, к фальшивым жестам!»

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Поэма

1917—7/XI—1922 г.

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется — клубный делец накрахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный,—
Мечется каждый, тревожно-взволнованный
Гулом и криками, издали слышными,
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы,—
Русский и немец, француз и еврей,
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!
— Скорей!

- Скорей!
- Скорей!
- Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки! —
С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
- Скорей!
- Скорей!
- Что же вы топчетесь, будто калеки?
Или измена таится и тут!
Духом одним с этой сволочью дышите?
- Слышите?..
- Слышите?..
- Слышите?..
- Слышите?..
- Вот они... Видите? Вот они, тут!..
- Идут!
- Идут!

С силами, зревшими в нем, необъятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков,
Темных, размытых, разрытых, извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин,
Вышел — и все изменилось вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье,—
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:
— Это — мое!!
Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,

Золото, ткани, и снедь, и питье,—
Это — мое!!
Библиотеки, театры, музеи,
Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье,—
Это — мое!!.

Воем ответила Улица Главная.
Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
Вмиг оцетинясь штыками и пиками,
Главная Улица — страх позабыт!—
Вся огласилася воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фырканием конским и дробью копыт.
Прыснули злобные пьяные шайки
Из полицейских, жандармских засад:
— Рысью... в атаку!
— Бери их в нагайки!
— Бей их прикладом!
— Гони их назад!
— Шашкою, шашкой, которые с флагами,
Чтобы вперед не сбирались ватагами,
Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,
Так их! Так!
— В мире подобного нет безобразия!
— Темная масса!..
— Татарщина!..
— Азия!..
— Хамы!..
— Мерзавцы!..
— Скоты!..
— Подлецы!..
— Вышла на Главную рожа суконная!
— Высыпала им жандармерия конная!
— Славно работали тоже донцы!
— Видели лозунги?
— Да, ядовитые!
— Чернь отступала, заметьте, грозя.
— Правда ль, что есть среди рабочих убитые?

- Жертвы... Без жертв, моя прелесть, нельзя!
- Впрок ли пойдут им уроки печальные?
- Что же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные.
Всюду кровавые смыты следы.
Улица злого полна ликования,
Залита светом вечерних огней.
Чистая публика всякого звания
Шаркает, чавкает снова на ней,
Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
Меряя срок своих чавканий вечностью,
Веруя твердо, что с рабской судьбой
Стерпится, свыкнется «хам огорошенный»,
Что не вернется разбитый, отброшенный,
Глухо рокоцущий где-то прибой!

Снова...

Снова.

Бьет роковая волна...

Гнется гнилая основа...

Падает грузно стена.

— На!..

— На!..

— Раз-два,

Сильно!..

— Раз-два,

Дружно!..

— Раз-два,

В ход!!.

Грянул семнадцатый год.

— Кто там?

Кто там

Хнычет испуганно: «Стой!»

— Кто по лихим живоглотам

Выстрел дает холостой?

— Кто там виляет умильно?

К черту господских пролаз!

— Раз-два,

Сильно!..

— Е-ще
Раз!..
— Нам подхалимов не нужно!
Власть — весь рабочий народ!
— Раз-два,
Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!
— Кто нас отсюда тронет?
Силы не сыщется той!

.....
 Главная Улица стонет
Под пролетарской пятой!!

Э п и л о г

Петли, узлы — колеи исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Грозные годы борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью льстивому:
«Вы победители! Падаем ниц».
Хныканью также не верьте трусливому:
«Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть нашу Улицу числят задворками
Рядом с Проспектом врага — Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем, уже не живым?!

Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катились вспять?
Но, отступая пред силой неравной,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрими звуками,
Громом живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний всемирный редут!..

НА БОЕВОЙ СТРАЖЕ

Угрюмый страж порядка,
Средь шумной мостовой,
Во времена былые
Стоял городской.

Смотрел он, хмуря брови,
Туда, сюда, кругом,
Постукивая грозно
Тяжелым сапогом.

Гроза простого люда,
Подвального жильца,
Он весь тянулся в струнку
У барского крыльца.

На барской кухне в праздник
Топтался он с утра,
«Промачивая» складки
Пропойного нутра.

И рявкал — «рад стараться»,
Заполучив на чай:
«Свое я дело знаю:
Тащи и не пушай».

Тащил в участок, знамо,
Он только черный люд.
Был крут он на расправу
И на поживу лют.

Зато, когда стряхнули
Мы всех его господ,
Холуй господский тоже
Пожал не сладкий плод.

Средь завали и хламу,
От страху неживой,
Был в мусорную яму
Сметен городской.

*

Простилась Русь навеки
С проклятой стариной.
Страж нового порядка
Имеет вид иной.

Геройски охраняя
Завод и Исполком,
Уж он не козыряет
Пред барским котелком.

Советской власти — око
И твердая рука,
Он — бдительный и строгий
Защитник бедняка.

С бандитом уголовным
В отчаянном бою
Не раз уже на карту
Он ставил жизнь свою.

Вокруг него соблазны,
И подкуп, и разврат,
Что шаг, то самогонный
Змеится аппарат.

И много нужно силы,
Чтоб вдруг не разомлеть,
Чтоб злые все соблазны
Презреть и одолеть.

Наш страж — его работа
Труднее с каждым днем.
Наш общий долг — забота
Любовная о нем,

Чтоб, ею укрепленный,
Свершая подвиг свой,
Стоял он, закаленный
На страже боевой.

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

По заявлению Стиннеса, германские рабочие на восстановление «народного» (стиннского?) хозяйства должны в течение 15 лет отдавать ежедневно 2 часа добавочного и безвозмездного труда.

«Пятнадцать лет под каторжным ярмом!»
«Пятнадцать лет закабаленья!»
«Пятнадцать лет... с гарантией продленья!»
Речь Стиннеса составлена с умом
И смелостью, достойной удивленья!
Рабочим дан нагляднейший урок,
Который им пойдет, я верю, впрок:
Их не смутят холопские внушенья.
Судьба дала рабочим два решенья:
Вот выбор ваш — «борьба иль кабала!»
А третьего решенья не дала.

НЕ С ТОГО НАЧАЛИ

Кадетская газета «Руль» заявила, что отныне кадеты «будут бороться с большевизмом—крестным знамением».

(«Р у л ь».)

Советский строй стал утверждаться,
И на году его шестом —
Чего пришлось нам дожидаться?—
Иосиф Гессен ограждаться
От большевизма стал... крестом!

К чему послания синода,
Коль есть кадетская печать?
Выходит: белая порода
Зря просражалася три года.
С креста б ей прямо и начать!

ДЕРУНОВ 1001-й

*(Хроника в десяти баснях
с двумя эпилогами)*

Басня первая

сон

«Мать-богородица!.. С чего бы вся причина?..
Аль торговал ты без почина?..
Гордеич!.. Батюшка!.. Очнись!.. Христос с тобой!» —
Купчиха плачется. Но в тяжком сне купчина
Ревет белугою: «Ограбили!.. Разбой!..
У... воры... у... злодеи!..
Вишь... грамотей!..
Каки
Таки...
Идеи?»
Гордеич, почернев, сжимает кулаки.
«Федосьюшка! — купчиха с перепугу
Зовет прислугу.—
Воды!» Окаченный чуть не ведром воды,
Свалился наш купец с постели:
«Тьфу! Сны какие одолели!..
Впрямь, не дожить бы до беды!»
«Спаси нас, господи!» — заохала купчиха.
«Спасешься, мать, дождавших лиха.
Сон, чую, не к добру.
Что снилось-то, смекай: как будто поутру

Ты мне... сочувствовать... должна аль не должна..
Перед бедою неминучей?»
«Перед какой бедой? Не смыслию, хоть убей.
Должно, мерещится с похмелья?
Вот... говорила я: не пей!
На что ты стал похож от дьявольского зелья?»
«Ну-к, что ж? Хочу — и пью. Хочу — за ворот
люю.
Спросила б лучше ты, коль знать тебе охота:
С чего я пью?»
«С чего ж, Гордеич?»
«То-то!..
Ты думаешь, поди, что досадил мне кто-то.
Так знай: не кто-то—свой: приказчик старший Нил.
Я как его ценил!
Смышленный, разбитной... и преданный парняга:
Добра хозяйского при нем никто не тронь,
С подручными — огонь,
С хозяином — смиряга.
Почтительный такой допреж был паренек:
Захочет отдохнуть один-другой денек,
За месяц раньше клянчит.
А нынче черт его, поди-ко-сь, не унянчит.
Глядишь: да точно ль это Нил?
Как будто кто его, злодея, подменил!
Вечор потребовал получку.
«Зачем?»
«Как я в отлучку».
(А сам впился в меня глазами — чуть не съест!)
«Спросил бы загодя. Куда с такою спешкой?»
«В Москву я,— говорит, да с этакой усмешкой.—
В Москву... на съезд».
«Дорожка ровная: ни кочки, ни ухаба.
Садись — кати... на съезд. Скажи хоть, на какой?»
«А на такой...
Приказчиий».
Смекаешь, дура-баба?!
Все молодцы стоят кругом и ни гу-гу...
А я уж совладать с собою не могу
(Чай, есть и у меня... вот эти, как их... нервы!):
«Так вот вы по каким пошли теперь делам!

Так вот о чем вы по углам
Шушукались, стервы!..»
А кто всему виной? Приказчиный журнал!
Он, он, проклятый, им мозги так взбудоражил!
Да, нечего сказать, беду себе я нажил.
Нет, Нил-то, Нил каков? Да ежели б я знал!
Спасибо, милый, разуважил:
«В Москву — на съезд!..» Убил! Зарезал! Доконал!..
На съезде, дьяволы, затеют разговоры
Про наймы, договоры,
Про отдых, про еду... Найдется, что сказать!
Столкуются сынки с отцами,
Сведут концы с концами.
Там долго ль круговой порукой всех связать?
Попробуй, сладь тогда с моими молодцами!
И выйдет: у себя ты в лавке — не хитро ль? —
Сиди, как англицкий король,
Не на манер расейский:
Законами тебя к стене-то поприпрут...
Ох, матушка, скажи: я ль был не в меру крут?
Аль чем был нехорош обычай наш житейский?
Ведь всем им, подлецам, я был родным отцом.
Ну, приходилося, обложишь там словцом,
Ино потреплешь малость, —
Так по вине: прогул, аль воровство, аль шалость...
Неблагодарные!.. Как дальше с ними жить?..»

Тут наш Горденч стал так горестно тужить,
Что самого меня взяла за сердце жалость.
Так басенку опять придется отложить.

1913 г.

Басня третья

сп л а

Купчиха в горницу глядит сквозь щель украдкой:
«Ох, господи!.. Войти ль!»
Гордеич возится у образов с лампадкой:
Вправляет новенький фитиль.

Решилася. Вошла. Глядит убитым взглядом.
«Что, мать? — мычит купец. — Садись со мною
рядом...

Гляди-ко веселей.

Про съезд приказчиий пришли какие вести!

Ну, прямо, будто кто, заместо векселей,

Наличностью поднес мне тысяч двести!

Как, значит, съехался весь этот подлый сброд,

Так с первых слов: «Мы — кто? Мы — трудовой
народ...

Мы, дескать, сотворим... свободные... скрижали!»

Ан, тут им, голубкам, хвосты и поприжали!

«Мы»? Что за важность: «мы»??

«Мы — пролетарии... Мы — сточки зренья нашей...»

«Что? — тут начальство им. — Так вы смущать умы?!

Городовой! гони их взащей!

Чего, мол, с ними толковать

Да драть напрасно глотку?»

Того-другого — хватя!

И за решетку!

Где, мне узнать бы, Нил? Влетело ль и ему?

Аль дал, мошенник, тягу?

Сюда заявится? Ну, я ж его приму,

Бродягу!

Метлой его! Метлой, злодея, за порог!

Я нынче строг!

Я покажу, чья сила:

Всех молодцов скручу, согну в бараний рог!

У, дьяволы! Чума б вас всех скосила!»

.....
.....
.....

Гордеича сейчас, пожалуй, не унять.

И потому, как ни обидно,

А басне без конца придется быть опять.

Надолго ль, — будет видно.

1913 г.

Басня четвертая

ЗАЩИТА

Приказчиный союз

Гордеич потчует в трактире Кузьмича:
«Пей,— просит, кулаком о грязный стол стуча,—
Пей, деревенский боров!..

Не ладно, говоришь? Бунтуют батраки?
Эх-ма, на мой-то норов,
Я б не жалел руки.

Ведь у тебя народ — деревня, дураки.
Не то, что вот мои: псы, нет на них пропа́ду!
Как был разогнан их — слышал? — разбойный
съезд,

Ну,— думал я,— теперь добьются с ними сладу.
Не выдаст бог — свинья не съест.

Затешил с радости лампаду.

Так нет! Куда!

Планида, знать, такая:

Ушла беда,

Пришла другая.

— Ну, что теперь вы все? — зажав мальцу вихры,
Я в тот же день пристал к Микитке,—

Угомонились? Навек? Аль до поры?

Запляшете, небось, все по хозяйской нитке!

Журналы? Вечера? Рабочие кружки?

Да балалаечки? А нутка балалайкой

Потешьте, милые дружки,

По божьим праздничкам хозяина с хозяйкой!..

Жидок есть у меня в галантерее, Кац.

«Товарищи! — он взвыл.— Ответьте же...

сатрапу!»

«А, говорю, ты так?» И, что есть силы, бац

По храпу!

Да заодно еще вlepил кому-то: р-раз!

Все — в крик. Кого-то там зовут по телефону.

Гляжу: каких-то два паршивца прут в лабаз:

«За самодурство, мол, тово... мы по закону».

«Закон? Здесь я — закон!

Чего суетесь? Вон!»

Зову городского:
«Бери вот этого, такого-растакого,
И этого!» Так что ж?
Ну, прямо в сердце нож.
Городовой-то к ним. Они ему бумажку...
С печатями, как след... Из думы депутат!..
Городовой сейчас и руку под фуражку:
«Не наше дело,— грит,— их право... виноват!»
Да, так-то, брат...
Не наше дело. Чье же дело?
К паршивцам этим я опять (не так уж смело!):
«Вам, собственно, чего-с?»
Как объяснили мне, так я повесил нос.
Выходит: молодцам защита от союза.
Как ежли у меня вновь... эта... кутерьма:
Обижу зря кого аль хрясну там по роже,—
Союз меня — к суду, и... штраф или тюрьма!
Кузьмич! Ведь это — что же?!
Счастливец ты: царьком кати себе домой!..
«Ну, у меня, брат, тоже —
Не бог ты мой!» —
Кряхтит Кузьмич со злобой.
Но Кузьмича рассказ — уж в басенке особой.
1913 г.

Б а с н я п я т я

з а д а т о к

Сомлевши от жары, раскисши весь от поту,
Бранясь, кряхтя и дух переводя с трудом,
Купчина вечером в субботу
Ввалился в дом.
«Гордеич! — расплылась купчиха,— с легким
паром!»
«Чего?!»
«Из баньки?..»
«Во!»
Попарился... задаром.
Так вспарили, что ой-ой-ой,
Не надо чище.

«Вот,— говорит,— тебе, мил-друг, на первый раз!
Платеж потом — бери задаток!»
Да как посадит мне кулак промежду глаз,
Так я не всчувствовал ни головы, ни пяток,
«За-да-ток!..» Матушка, что ж будет, ты скажи,
Когда настанут платежи?!»

И смех с Гордеичем и горе.
Что будет — все увидим вскоре.

1914 г.

Б а с н я ш е с т а я

У Т Р О

Гордеич утром в воскресенье
Беседует с женой:
«Ну, ладно, старая, не ной!
Подумаешь: землетрясение.
Ей-богу, дело — пустяки.
И чем лишь только я вчера был так напуган?
Ну, был избит, ну, был обруган.
Буянил кто? Озорники!
Вот невидаль! Кулак велик, да плечи узки:
Вся храбрость-то, небось, до первой же кутузки...
За «Правдой» бы послать... Есть? Подавай сюда.
И где она взялась, треклятая газетка?
Вот... про вчерашний бой заметка:
«Товарищи! — холера их возьми! —
Вчера вы около семи,
С хозяйской жадностью начав борьбу спокойно,
Закончили её позорно, недостойно!»
Слыхала, матушка? Изволь-ка тут, пойми:
«Борьба решается не схваткой рукопашной,
Не тем, чтоб стекла бить... Враг дрогнет,— для
него
Вы силой явитесь... неодолимой, страшной,
Лишь став один за всех и все за одного...
Объединяйтесь! Тогда-то... общей силой...»
«Гордеич!.. Господи, помилуй!..
Очнися, миленький!..»

«Тог...да...»
 «Федосья!.. Марья!.. Фекла!..
 Фекла!..»
 «Воды!»
 «Вот, батюшка, вода!..»
 «Спа...си...бо... Душно как... Ох, вся рубаха
 смокла...»
 Так вот оно к чему! Так вот они куда!
 «Объеди-няйтесь!..» Ох, били б лучше стекла!!
 1914 г.

Эпilog первый

Где по миру пошло от голода село,
 Там, смотришь, мироед купил себе именье.
 Уж это так всегда: что доброму во зло,
 То злomu во спасенье..

Корней Гордеичу нежданно повезло:
 Успел он начисто забыть то воскресенье,
 Когда за «Правдою» его всего трясло.
 Пришла война, с войной — подряды и поставки.
 Купчина даром не зевал:
 Ему уж стало не до лавки,—
 За покупателем он не сойдет в подвал!
 Не та купецких дел основа:
 Иной размах, другая ось!
 Растет «Торговый Дом Корнея Дерунова».
 Откуда что взялось:
 Лес, фабрика, завод, товары — склад на складе!
 Свои флотилии на Волге, на Неве...
 Контора главная на Невском в Петрограде
 И отделение в Москве.
 Узнав все выходы и входы,
 Приумножал купец всю свои доходы.
 Что хищникам другим с рук сходит не всегда,
 То удавалось Гордеичу на славу:
 Когда на хлебников устроили «облаву»,
 Сумел улепетнуть Гордеич от суда.

Вдругорядь худшая над ним стряслась беда:
Поддевки паклею подбивши вместо ваты,
 «Чтоб не распарились солдаты»,
Их в армию купец за ватные сдавал.
 Попался! Следствие! Провал!
Но... с князем снюхавшись каким-то или с графом,
 И тут отделался Гордеич только штрафом.

.....

Ни капли совести да капелька ума —
Вот все, что надобно теперь для наглой плутни.
Живут Гордеичи! Их развелось — тьма!
В годину черную к добыче жирной трутни
Летят со всех сторон, восторженно гудя.
Но... правда вся о них немного погодя.

1916 г.

Басня седьмая **КАПИТУЛЯЦИЯ**

*В воскресенье 26 мая состоится лекция
члена ВЦИК Н. Суханова: «Капитуляция
Ленина».*

Купчиха горестно над чашкою вздыхала.
Гордеич разбирал газету по складам:
«Ка-пи-ту-ля-ци-я... Ле... Ле-ни-на». Слыхала?
Что б это значило? Все смыслу не придам.
Ка-пи-ту-ля-ци-я... Уж эти мне словечки!
Опять налог аль что? Так прямо б говорить.

 Семь шкур дерут с одной овечки.
То стригли, а теперь, никак, уж будут брить?
Пойти на лекцию? Послушать, что ль? Занятно.
Такого отродясь словечка не читал.

 На звук, так вроде бы приятно:
Ка-пи-ту-ля-ци-я... Похоже: капитал.
Был капитал, да сплыл. Все обобрали шпанка.
Все, все захвачено проклятой голытьбой.

 Идти случится мимо банка,
Так не владеешь сам собой!
Где фабрика моя? Завод? Лесные склады?

Свели хозяина на ноль.
Прибрали все к рукам, всем завладели, гады.
Ввели приказчиий контроль.
Не разберешь теперь: убыток аль прибыль?
У самого себя воруй.
Дают по мелочи в неделю на прожиток.
Живи, пируй.
Не жизнь — раздолье.
У, черти, взять бы вас в дреколье!
Что, мать, с тебя возьмешь? Ты — баба, ты — глупа.
Тебе в усладу брех монаха иль попа.
Ты хоть утетишься, сходяв на богомолье.
А каково, скажи ты, мне?
Куда свое я горе дену?
Молиться у Кремля ободранной стене,
Когда мне хочется башку разбить о стену?
Какой по смерти ад, коль жить пришлось в аду?
Кажинный день несет тревогу.
Подай скорей сюртук. На лекцию пойду.
Ка-пи-ту-ля-ци-я... С ума сойдешь, ей-богу!»

25 мая 1918 г.

Басня восьмая

«К О Н Т А К Т»

*26 мая состоялась лекция члена ВЦИК
Суханова: «Капитуляция Ленина».*

Гордеич с лекции вернулся.
Купчиха подала на стол того-сего.
Но опечаленный купец ни до чего
Рукой не прикоснулся.
«Ну, что же ты не ешь?»
«Отстань. Не до еды».
«На лекции-то был?»
«Был. Утешенья мало.
Хоша б какой-нибудь был выход из беды.
Хоша б какой-нибудь. Все, вижу я, пропало,
Весь свет сошел с ума.
Суди сама.

Вхожу я, значит, в помещенье.
М-мое почтенье! —
Обшарил глазом все концы:
Все свой народ — тузы, купцы!
Гляжу на каждого. По роже по угрюмой
Видать: пришел, как я, с одной и той же думой.
«Ка-пи-ту-ля-ци-я!» Как это понимать?
Надеяться ль на что? Аль никакой надеи?
Вернут хоть что-нибудь нам эти все злодеи
Аль с нас последние портки начнут снимать?
Сижу. В ушах звенит. В глазах рябит от света.
Вздыхаю: «Господи, чем я твой гнев навлек?»
Вот вышел этакий пред нами фитилек.
А вот, поди ж ты, член Центрального Совета.
Мужчина в возрасте, а с виду неказист:
Безусый, вроде гимназист, —
В хороший магазин не взял бы и в мальчонки:
Годится, скажем так, для мелочной лавчонки.
Не то чтоб парень из заик:
Язык как следует подвешен.
«Я, — лепортует, — меньшевик!»
Обрадовал! Признаться, грешен,
Большевика б хотел послушать я хоть раз.
Товар мне нужен без подделок.
А этот, видно и на глаз:
Не большевик, породой мелок!
Весь ходит ходуном. Бьет кулаками в грудь.
Не разговор — какой-то танец.
Ты что же думаешь? Я понял что-нибудь?
Я, мать моя, не иностранец.
Ты речь со мной веди по-русски. Вынь — положь,
А я уж разберусь, какая в чем подкладка.
С «капитуляцией» одной кидает в дрожь,
А тут что ни словцо, то новая загадка!
«Дипломатический... оркестр»,
«Коммунистический... секвестр»,
Да «девальвация»,
Да «реставрация»,
Да ... дьявол сам не разберет:
Что, собственно, к чему и кто кого дерет.
«Капитуляция» — позиций, значит, сдача.

Выходит: Ленина постигла неудача.
Что сила богачей есть — «абсолютный факт».
И Ленин с нами-де готов вступить... в «контакт»!
Скажи, пожалуйста! Мы, значит, входим в силу.
Спасибо за... «контакт». Учены на былом,
И без «контакта» нас вогнали уж в могилу,
Ну а с «контактом» что ж? Проткнут еще колом?
Нет, брат, втирай очки какой-нибудь там дуре.
Зря перед нами стал себя ты утруждать.
Мы на своей узнали шкуре,
Чего от Ленина нам ждать.
Послушал лекцию. Спасибо.
Зря только ввел себя в расход.
Я думал, дельное расскажут мне что-либо,
А он... меньшевики никчемный, впрямь, народ, —
Нет ни силенок в них, ни смысла.
Да ты почто так, мать, раскисла?»
«Ну, что же ты не ешь?»

«Ты со своей едой!

Поели... Будет с нас... Я ль не был мастер
кушать?!.

«Контакт», хе-хе, огня с водой!..

А как бы все-таки мне Ленина послушать?!»

30 мая 1918 г.

Басня десятая

СЛАДКИЕ МЕЧТЫ

Корней Гордеич... Боже мой!
Давно забыл дорогу к банку.
Напялив пальтецо дырявое, зимой
На рынок саночки тащил он спозаранку.
За грошевой барыш судьбу благодаря,
До часу позднего топтался у ларя,
Но, потеряв давно купецкую осанку,
В душе, однакоже, надежды не теряя,
Что беды все пройдут, как наважденье злое:
«Вернется времечко былое!»
Свои надежды он супруге поверял.

В квартире, новыми жильцами уплотненной,
Имея комнату одну,
По вечерам купец мечтою затаенной
Подбадривал себя и утешал жену:
«Слышь, не серди меня, старуха.
Пустыми вздохами наводишь только жуть.
Все знаю, вижу сам. Ну, голод, ну, разруха.
По-твоему, беда. По-моему, ничуть.
Поди, не мы одни с тобой спадаем с тела.
А ты б чего хотела?
Обилья общего? Что хошь, то выбирай?
Хоть обожрися всякой сластью?
Чтоб говорили все, что вот не жизнь, а рай
Под этой самою... антихристовой властью?
Умом ты, мать моя, всегда была слаба.
Да в этой нищете и есть вся заковычка.
Вот как натерпится вся эта голытьба
Да вспомнит наши-то, хозяйские, хлеба,
Тут и проснется в ней холуйская привычка;
Сумей кормежки ей не дать, а посулить, —
К хозяевам она начнет валом валить.
Польстясь на сытый корм и на хмельное пойло.
Все клячи тощие придут в былое стойло
И, увидав хозяйский кнут,
Уже брыкаться не начнут,
А, ублажая нас усердным прилежаньем, —
Хоть до смерти их всех в упряжке загони! —
На брань и окрики хозяйские они
Ответят ласковым, любовным, робким ржаньем.
У, псы! Дождаться б лишь до этакого дня,
Так вы поржете у меня!
По рылу каждого, ха-ха, собственноручно!
Посмей лишь кто дерзнуть. Как муху... в
кипяток!..
М-да... Размоталась жизнь, как шерстяной
моток!..
Дел никаких... Без дела ж, ой, как скучно...
Винца не сыщешь, мать?.. Хотя б один глоток...»
Купчиха слушала, закутавшись в платок,
И что-то шамкала беззвучно.

1919 г.

Басня десятая

НЕТ УВЕРЕННОСТИ

События неслись во весь опор,
И в баснях надолго расстался я с купчиной.
Гордеич... Лекция... «Контакт»... Прошло с тех пор

Четыре года с половиной.

И вот Гордеича теперь мы застаем
В трактире с музыкой, вином и пьяным шумом.

Купец беседует вдвоем

С Пров Кузьмичом, своим приятелем и кумом.
Кум, деревенский туз — он тоже нам знаком:

О ком — о ком,

А уж о нем пришлось писать мне сколько басен!

Да что нам говорить о давней старине,

О том, как был кулак тогда для нас опасен?

Он нынче стал для нас опаснее вдвойне.

Кулак был под конем, и вновь он на коне.

И мне о нем писать еще придется много.

Сейчас в трактире за столом

Кузьмич, беседуя с купчиной о былом,

О настоящем тож выпытывает строго.

Гордеич охает: «Ох-ох-ох-ох, Кузьмич!

Хлебнули горя... Настрадались...

Я так считаю: божий бич.

Но сжалился господь,— все ж лучших дней

дождались.

Что было? Вспомнишь, жуть берет,

Боялся, веришь ли, загадывать вперед.

Прикинешь так — ан выйдет хуже.

Прожить ба как — не то что думать про доход.

На шее петля, что ни год,

То все затягивалась ту же.

За спекуляцию пришлось сидеть раз пять.

Вот уж надеешься: с тюрьмой совсем расстался.

Ан, не успел чихнуть, как загребли опять.

Не знаю, как и жив остался,

Как не оглох и не ослеп.

Отчаялся во всем... Не жизнь была — мученье!

И вдруг, негаданно-нежданно, облегченье:
Явился этот самый *нэп*.
Сначала думалось: «Взамен оглобли — дышло,
Ан, вышло...»
«Эвона что вышло!—
Осклабился подвыпивший кулак.—
Вон на себя Москва какой наводит лак!
Опять же у тебя... опять забил подвалы...
Вновь, слышно,ходишь в капиталы.
Какого ж те рожна? Теперя знай одно:
На лад былой — гони монету!»
«На лад былой, ох-хо!.. Вот то-то и оно,
Что счастье наше не полно:
Нет главного... былой уверенности нету!»
1922 г.

Эпизод второй

о ж и л и

Товарищ, погляди на них... хозяйским оком...
Пусть на Тверской они пасутся вечерком,
Пусть наливаются, скотинки эти, соком
И покрываются жирком,
Пусть шерстью обрастут они! Зевать не надо,
А надо их стеречь, как мы их стережем,
Грозя кнутом, а не ножом.
А должный срок придет, и мы все это стадо
Как захотим, так обстрижем!

1922 г.

Случилось это все с десяток лет назад,

А вот что вышло в пору нашу:
Вавила, выборный от местных прихожан,
Брал в церкви ценности — на помощь для вол-
жан:

«А ну-ка, поп, давай серебряную чашу!
Для бога все равно, что серебро, что медь».
А поп шипел ему: «У, чтоб те очуметь!
Вот чаша... на... бери!..

Противиться не смею...
На, недовенчаный... и подавился ею!»

ОТВЕТ НА ОТВЕТ

Наблюдателю. В прежнее время, товарищ, мелкобуржуазные газеты следили за мелочами, вроде падающих столбов или мусорных ям. Наше время налагает на красную печать широкие боевые задачи, и мелочами газете заниматься некогда.

(Ответ в «Почтовом ящике» газеты «Правда Грузии».)

Коль дан «ответ» в рассудке здравом,
Боюсь, рассудок не дорос.
Такой ответ мы с полным правом
Должны поставить под вопрос.

Мы здесь на этот счет упрямы:
Твердим про мелочи, дабы:
Не гнили мусорные ямы
И не валилися столбы.

Мы здесь гордимся, облекая
Почетом черный труд крота,
А там, подумайте, какая
Партийных взглядов широта!

Как не сказать тут (без злорадства,
Но чтоб от спеси излечить!),
Что широту от верхоглядства
Порою трудно отличить!

МАРИЯ ГОЛОШУБОВА

*В деревне Маховище первая, выписавшая
«Бедноту» на 1923 г., была крестьянка Мария
Яковлевна Голошубова.*

(«Беднота», 5 января 1923 г.)

Был у нас товарец ходкий,
Смех над бабьей головой:
— Волос — долгий, ум — короткий!—
Это голос вековой.

Муж, нажравшись самогону,
Знал к жене одну лишь речь:
«Из-зу-ве-чу... по закону...
Ежли дура — не перечь!»

Мудрецов таких великих
Прежде было — пруд пруди,
Все понятий самых диких,
Хоть с крестами на груди.

Да и крест от дури тоже.
Одолей-ка эту тьму.
«Не учены, сла те боже!
Нам книжонки ни к чему!»

«А газеты и подавно.
Шут нам в этом баловстве!»
«До чего ж мы с кумом славно
Напились на рождестве!»

Вот деревня Маховище
Средь равнины снеговой,—
Словно в волчьем логовище,
В ней стоял кулацкий вой.

Ночь и темень без просвету.
Не избушки — ряд могил.
Кто ж от сна деревню эту
Вещим словом разбудил?

Кто, нарушивши обычай,
В зиму внес весенний шум?
Оказалось: не мужичий
А «короткий» бабий ум!

«Что нам делать с Марьей этой?!»
«Денег куры не клюют?»
«Привязалась тут с газетой!» —
Мужики, озлясь, плюют.

Закуривши козьи ножки,
Густо в нос пускают дым.
«Поищи другой дорожки.
Сунься к дурням... молодым!»

Марья билась, не сдавалась.
«Ну и черт же!» — «Баба — во!»
Наседала, добивалась
И добила своего.

В Маховище — шутка ль дело? —
Повели там жизнь не ту.
«Слышь, в башке, брат, загудело,
Как прочли мне «Бедноту»!»

«Вот статеечка, к примеру,
«О посевах», прямо шик!»
«И охотно дашь ей веру,
Потому — писал мужик:

Дескать, сеял без кадила,
Без кропила, без попов,
А земля, где сноп родила,
Уродила пять снопов».

«Вот она, наука, братцы!»
«Говорить на прямоту:
Сеешь хлеб — гляди не в святцы,
А в газету «Бедноту!»»

«Каждый в ей найдеть што-либо!»
«Прикопим ума с зимы!»
«Ай да Марьюшка! Спасибо!»

То же скажем ей и мы.

СОЦИАЛ-ТРАУРНЫМ ПРЕДАТЕЛЯМ

В бессильном трауре немецкая столица,
Повсюду траурные лица.
Что ни процессия, то — вот она, гляди! —
Колонна социал-прохвостов впереди,
Предатели! Трусы! Забейте ватой уши
И трауром густым закройте зеркала:
Вы обнажили догола
Свой развращенный ум и слякотные души!
Две силы разные теснят вас с двух сторон.
Ни тут, ни там не ждет вас прибыль,
Но вражеский кулак вам причинит урон,
А пролетарская рука сулит вам гибель.
О, жалостная тля, ты жалости ни в ком,
Ни в ком не вызовешь и никого не тронешь,
Ты, в траур обрядясь, сама себя хоронишь!
Даря тебя своим презрительным плевком,
На твой позорный гроб бросаю первый ком!

Р И С К

(с древнегреческого)

Фалей, лукавый грек, сквалыжный плут-купец,
Корил носильщика Демада:
«Обол? За этот груз? Опомнись, голубок,
Корзина не ахти какая уж громада.
Будь я моложе, сам я б снес ее домой,
А ты — «обол»! Грабеж прямой!

А впрочем,
О чем мы зря хлопочем!
Не в деньгах, милый мой,
Не в деньгах счастье.
Я к беднякам привык питать всегда участие,
Да, на своем веку,
И долгом и суровом,
Не одному, брат, бедняку
Помог я... добрым словом!
Обол, ты говоришь? Бери, мне все равно.
Но слово доброе... оно...
Э... Как, бишь, звать тебя? Демадом?
Корзину снес бы ты, Демадушка, мне на дом,
С посудой она с хрустальнойю. Неси,
Да не тряси.
За бескорыстную услугу
Три мудрых правила скажу тебе, как другу».
Польстяться на мудрые слова,
Простец-Демад себе на спину
Взвалил огромную корзину.

Пыхтя, кряхтя, едва-едва
Под тяжкой ношею волок бедняга ноги.
«Фу! — Одолевши треть дороги,
Носильщик стал.—
Передохну. Вконец устал.
Ну, что ж,— открой, Фалей, одно из мудрых правил!»
Фалей Демада не заставил
Ответа слишком долго ждать:
«Демад, не верь тому, кто станет утверждать,
Что для рабочего народа
Милее рабство, чем свобода». —
«Вот на! — сказал Демад. — Какой же дуралей
Чушь эту утверждать осмелится, Фалей!»
Понес Демад корзину дале.
«Послушай, милый друг! — Так на втором привале
Демаду стал Фалей вещать.—
Коль кто-нибудь тебя попробует смущать:
Мол, богатеть куда как вредно,—
Что только бедняки способны жить безбедно,
Не зная ни хлопот, ни риску, ни потерь,
Ты этому... не верь».
«Благодарим на добром слове,
Хотя и это нам не внове!»—
Вздыхнул с досадою Демад.
Пошли опять. Фалей наш рад:
«Сюда, Демад... Хе-хе... Вот ты и разумеи-ка...
Сюда, в переднюю, направо, где скамейка...
Ну, что ж ты стал, как пень? Снимай корзину, что ль!»
«Постой. Успеется,— гудит Демад в передней,—
Делися мудростью... последней».
«Изволь, — заезозил Фалей. — Изволь, изволь...
Коль скажет кто тебе... Ну, все равно, что скажет...
Чего ты смотришь, словно зверь?..
Иной, брат, так тебе распишет да размахет...
А ты... не верь...»
Тут, изловчившись, Демад плечами двинул
Да бзеть так корзину кинул,
Что только звон пошел от хрусталя вокруг.
«Друг,— полумертвому от ужаса Фалею
Сказал он,— пусть я околею,
Коль ты неправ, любезный друг...

Большое за твои три правила спасибо...
Слышь? Если скажет кто: в корзине, мол, теперь
Есть, кроме битого стекла, еще что-либо,
Так ты ему... не верь...»

*

«Культура старая. Хрустальная лампада».
Ну что ж. Культуре — исполать.
Но коллективного российского Демада
Фалеям нынешним уже не оседлать.
«Три мудрых правила»... Подобную мякину
Уже не пустишь в ход, чтоб жить чужим трудом.
Хоть все «культценности» Демад, согнувши спину,
Охотно понесет, но не в Фалеев дом,
А в дом свой собственный, который, по фасаду
Судить, Фалеев был, но перешел к Демаду!

МАХРОВЫЕ ЦВЕТЫ

Сотрудник «Воронежской коммун» «пропечатал» начальника уголовного розыска города Задонска, некоего Белых.

Белых, встретив этого сотрудника, набросился на него:

«Ты што, мать твою, пишешь про меня?.. Посидишь в тюрьме, так лет пять писать не будешь...»

(См. «Известия В Ц ИК», 19 янв.)

Самодуров вроде Белых
Развелось у нас — беда!
Много их, ребяток смелых,
Ждут сурового суда.

Вот они орут площадно:
«Упеку!.. Сгною!.. Мал-чать!»
Раскрывай их беспощадно,
Пролетарская печать!

Посвящаю эти строчки
Всем собратьям по перу:
— Присылайте мне «цветочки»,
Я в «букет» их соберу.

Сволочь каждую отметим,
Воздадим ей «похвалы»,
Чтоб потом букетом этим
Подметать в тюрьме полы!

СОЦИАЛ-БОЛОНКИ

Вы полюбуйтесь, что за франты
Лакеи верные у госпожи Антанты.
Рабочие кричат им издали: «Эй, эй!
Чего вы, ироды, копаетесь? Живей!
Пора всеобщую начать нам забастовку!»
«Нет, ни за что! Нет, нет! —
Лакеи им в ответ. —
Намедни поднесли мы барыне листовку,
В которой наплели вы дикой ерунды,
Так барыня, когда листовку в руки взяли
И прочитали всё: «Нехорошо! — сказали,—
Держитесь далее от уличной орды.
Всё это варвары, всё дураки и дуры,
Они — вне общества, прогресса и культуры!
Пора на цепь их посадить!»
Все это барыня сказавши, стали хмуры
И не велели к вам ходить!»

*

Собачек комнатных, товарищи, видали?
Породистые есть, носящие медали.
Впридачу блеска их собачьей красоте
Им вяжут бантики на шее и хвосте
И проманежиться на свежем ветерочке
Их водят барыни на шелковом шнурочке.
Вот Вандервельде! В нем болонку узнаю,
Которая медаль и бантики носила.
Так допустимо ли, чтоб барыню свою
Такая стерва укусила?!

НА ФРОНТЕ ПОБЕДНОМ

Ко дню присяги в 15-й Сивашской дивизии грамотность будет доведена до 100 проц.

(«Правда», 27 янв. 1923 г.)

Опять — прорыв и одоление.
Бойца неграмотного нет!
Орлам сивашским поздравленье
И мой восторженный привет!

Враги, дивясь такому чуду,
Завоют: «Дети — не в отцов!»
А я с двойным усердьем буду
Писать для этих молодцов.

Дорогу пламенным идеям!
Какая радость жить, борясь,
И с новым красным грамотеем,
Евтеем, Силюю, Авдеем,
Держать упроченную связь!

«БИЛ БЫ ЛБОМ»

Посвящается многим «пролетарским» поэтам

Гений шествует за гением!..
— Эй, послушайте, юнцы,
«Пролетарским» самомнением
Зараженные певцы!

Я с тревогою сторожкой
Наблюдал ваш детский рост.
Вы пошли чужой дорожкой,
За чужой держася хвост.

Увлекаясь «стихопластикой»,
Возведя в канон — «курбет»,
Вы дурацкою гимнастикой
Надломили свой хребет.

Вы, привив себе клинически
«Пролеткультовский» порок,
Дали визг *неврастенический*
Вместо мужественных строк.

Брюсов, Белый и Компания,
Вот какой шмелиный рой
Втиснул ваши начинания
В свой упадочный настрой.

Яд условности и сложности
В души юные проник,
Замутив до невозможности
Пролетарских дум родник.

Отравив себя отравую
Опьянительной и злой,
Вы кичитесь лукавою
Буржуазной похвалой.

Сквозь смешок пренебрежения —
Лести каверзной прием:
«Да! Вот это — достижения!
Браво, Кузькин! Признаем!»

Кузькин пыжится, топорщится,
Сочиняет: «Бил бы лбом!» —
У станка читатель морщится:
«Ах, едят те!.. Бил!.. Был!.. Бом...»

Для земного пролетария
Тошен вид твоих красот.
Кузькин! Ждет тебя авария!
Снизься с дьявольских высот!

Иль непонятым прелестником
Ты умрешь в конце концов
Одnodневною, предвестником
Новых, подлинных певцов!

ЕЩЕ РАЗ О ТОМ ЖЕ

Писатель боевой, задорный,
С виду я легкий да проворный,
На деле ж я — труженик упорный.
Корить меня есть чем, к сожаленью,
Но только не ленью
И не брезгливостью к черной работе.
Поработал я в поте.
Работал много лет без отказа,
Не фыркал капризно ни разу,
Кричал и «караул» и «ура»,
И все почти в одиночку.
Но всему своя пора.
Пора и мне поставить точку
Или хоть какой-нибудь знак препинания,
Чтоб завершить кой-какие начинания
Подлинней очередного фельетона.
Прошу у «заказчиков» пардона!
Они по всякому случаю
Налетают на меня тучею:
Приказы, просьбы, напоминания,
На мои отговорки ноль внимания,
А иные даже стыдят язвительно:
«Зазнался же ты, брат, удивительно!
Ну, что тебе стоит: четыре строки!
Пустяки?!»
Пустяки!
А вот ежели я, преисполнясь азарта,
Попытаюсь дать всем отклик на одно лишь
«восьмое марта»,

То это пустяки, коль я к женскому юбилею
Надорвусь, околею,
Раскорячусь пластом
Над саженым бумажным листом?!

Вот почему я порою оплакиваю
Свой не совсем-то завидный удел
И при телефонном звонке с диким криком
привскакиваю:

«Опять... женотдел?!»
И, не разобрав, кто про что, ору по телефону:
«Прошу прощенья!..
Что!.. Юбилей!.. Из парткома?..
Это не я!.. Меня нет дома!..
Ничего не слышу!.. Оглох!!»
Словом, целый переполох.

Коль снова нам кто угрожать отважится,
Коль над гладью морской покажется
Броненосцев антантовских дым,
В грозный час я пробью боевую тревогу!
А пока — я певцам молодым
Очищаю дорогу:
«Будет вам, ребятки, баловать
Да дробь выбивать,
Танцуя у чужих рысаков на пристяжке!
Время вам, братцы, на свой лад запевать,
Стариков подменяя в партийной упряжке!!»

ЛЮБИМОМУ

Живые, думаем с волнением о живом
И верим, хоть исход опасности неведом,
Что снова на посту ты станешь боевом,
 Чтоб к новым нас вести победам.

В опасности тесней смыкая фронт стальной,
Завещанное нам тобой храня упорство,
Мы возбужденно ждем победы основной,
Которой кончишь ты, любимый наш, родной,
С недугом злым единоборство!

ПРЕМЬЕР-МИННЕУДЕЛ'У
МИСТЕРУ ЛЛОЙД-ДЖОРДЖУ

Старому другу. Совершенно секретно.

Как, мистер, ваше отсутствие заметно!
Нынешние властители,
Ваши заместители,
Скажу — между нами! — с первой строки
Так-кие удивительные... дураки,
Что переписываться с ними нет охоты.

Как жаль, что вы без работы,
Какие б я вам закатывал ноты!
Каждый ваш шаг был объясним.
А Керзон... Поговорите с ним!
Куда он гнет, неизвестно?
Я признаю борьбу, ведущуюся честно,
То есть когда убийцы и грабители
Не притворяются монахами из святой обители,
Не придумывают придирок несущественных,
А без всяких глаголов божественных
Берут вас за глотку и очищают карман:
«Подавай мне Мурман!!»

Хоть о прошлом вспоминать неудобно —
Вы, мистер, поступали бесподобно:
Наскочили, ожглись и на попятный.
Повели с нами разговор приятный,

А у Керзона иные подходы:
Заводит он спор про «территориальные воды».
Мы, извольте ли видеть,
Умудрились безводных англичан обидеть,—
У них ни морей, ни океанов, как известно,
Им у наших берегов тереться лестно,
Им мурманская рыбка не дает покою,
А мы им этой рыбки не даем!

Нет, Ллойд-Джордж не оскрамился бы по-
литикой такою,
Если б знал, что в силах нас съесть живьем!
Он бы зыкнул: «А, совдепская каналия,
У тебя объявилась Курская аномалия,
А я должен в сторонке околачиваться?
Изволь со мной аномалией расплачиваться!»
И не приводил бы 1123 резона,
Будто Курск — нейтральная зона,
И что туда, ради небывалой приманки,
Англичане могут послать свои танки.

Танки... Добро бы,
Вы, мистер, не делали этой пробы,
Но ведь Курск уже был в ваших руках,
И всё ж вы остались в... в дураках.

СССР не пуганая ворона:
У нас нынче в чести слово «оборона»,
И если ваши преемники рискнут нас прижать
Или просто будут «пужать»,
Все равно нас не взять ни на какую «пушку»—
Отстоим мы свою советскую избушку!
Оградим свои «территориальные воды»,
Чтоб не лезли в них ваши пароходы,
Чтобы вы в наших водах рыбки не удили,
Чтоб наши берега не обезлюдели!

Переговорите об этом с Керзоном в одиночку.
На этом ставлю точку,
Не вгоню вас длинным письмом в тоску.
Я же, кстати, в бессрочном отпуску.

КРОВАВЫЕ ДОЛГИ

Памяти В. В. Воровского

Рать пролетарская знамена преклонила.
Семьей рedeющей друзья стоят вокруг.
— Еще одна священная могила!
— Еще один неотомщенный друг!

Ну что же! Клятвой боевою
Мы честно подтвердим зарвавшимся врагам,
Что — не в пример иным долгам —
Долги кровавые мы возместим с лихвою!

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

*Антибольшевистский доклад меньшевика
Абрамовича сконфузил даже социал-предателей.*

(Из газет.)

Абрамович! Вот он, вот!
Гадом стал заметным.
Машет русский патриот
Знаменем трехцветным.

А на нем-то, вот герой,
Новый вид ливрейки:
Модный гамбургский покрой,
Цвета — канарейки.

Не оратор — Ювенал
Подлого фасона:
В краску, вражий сын, вогнал
Даже Гендерсона!

«Мистер! — крикнул Гендерсон. —
Вы бестактны, право.
Вашей речи сам Керзон
Может крикнуть: «браво!»

Хоть у вас со мною, да,
Масса общих точек,
Всё ж... полезен иногда
Фиговый листочек!»

Но зарвавшийся прохвост
Гнул свое упорно:
Обнажившись в полный рост,
Лаялся заборно.

Этот лай — скажу о том
Без лицеприязни —
Есть убийственный симптом
Злой водобоязни.

Это бешеные псы
Рвутся в перепалку.
Но... им жить еще — часы.
А потом — на свалку!

ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО

На итальянском пароходе «Анна», стоящем в Одессе, возник конфликт между владельцем и моряками. Моряки обратились с жалобой в одесский райкомвод.

(«П р а в д а», 27 мая 1923 г.)

Одесскому райкомводу — поздравление!

Это ль не знаменательное явление?

Наши пролетарские соломоны,
Осуществляя советские законы,
Вынесут итальянскому судовладельцу приговор,
Какой ему не снился до сих пор:
«Вот какова наша коммунистическая линия.
Это тебе не твоя Муссолиния!»

Придравши домой из Одессы,
Синьор отслужит три благодарственных мессы,
А потом возьмет своих матросов в зажим:
«Это вам не советский режим!»

Матросы, после столь наглядного обучения,
Поймут, откуда их злоключения,
Каким путем усмиряются фашистские нравы
И где искать на хозяев управы.
Хозяин будет кивать на фашистский Рим,

А у матросов станет в моде
Ответ в таком, примерно, роде:
«Уж мы, подлец, с тобой поговорим
В Одесском райкомводе!»

*

— Эх, матросы, матросы! Народ вы боевой.
Пора вам райкомвод устраивать свой!

НЕИЗБЕЖНОЕ И СТРАШНОЕ

То есть все, как нарочно
Не успел я отдохнуть бессрочно,
Как этот Керзон — ни дна ему ни крыши! —
Не дает от ультиматумов передышки!

Последний ультиматум с издевкою,
С ласковой припевкою:
Не надо больше лишних фраз,
Ставлю, дескать, ультиматум в последний раз.

В последний ли? Будет видно.

Досадно и обидно.

Затянулась канитель

На несколько недель,

А то, пожалуй, и поболее.

Расканителиться не в нашей воле.

Канитель все же лучше драки,

Не мы тут задираки.

Это Керзону неможется,

Это Керзон тревожится,

Это Керзон принимает меры предупреждения

Против нашего хозяйственного возрождения.

Это нас прощупывает буржуазная саранча:

Как-то мы изворачиваемся без Ильича?

Хватит ли у нас сноровки —

Не поддаться на вражьи уловки?

Если мы сразу когтей не покажем,

То много ли можно с нас урвать шантажем?

Урвать! Урвать! Урвать!

Большевики не хотят воевать.

Большевики увлекаются мирной работою.

Какой бы ошпарить их нотою,
Насколько увеличить давление,
Чтоб они пришли в иступление
И сделали то сгоряча,
Чего хочет буржуазная саранча,
То-бишь поддались провокации злобной
В обстановке, для Керзона удобной!

Совет мой Керзону таков:

Искать дураков
Не на столь большом от себя расстоянии,
Они есть и в Британии.
Это их злобно-шалый, звериный напор
Обостряет наш спор,
Это их наступленье на нас бесшабашное
Приближает тот день и тот час роковой,
Когда мир весь разделит чертой огневой
Неизбежное нечто и... страшное!

КОСТРОМА

Что нам английские ноты!
Есть свои заботы!

В минувшую субботу
Имел я одну заботу:
Ухмыльнуться так над керзоновской угрозой,
Чтоб со мной засмеялась вся Москва.
И вот стал я выводить прозой
Такие слова:

Георгу Натаниелю, маркизу Керзону оф-Кедль-стону, графу Кедльстонскому, виконту Скарсдельскому, барону Равенodelьскому, кавалеру наиболее благороднейшего ордена Подвязки, члену почетнейшего Тайного Совета Его Британского Величества, кавалеру и великому командору почетного ордена Звезды Индии, рыцарю и великому командору знаменитейшего ордена Индийской империи и проч., и проч., и проч., и Его Величества главному секретарю и министру иностранных дел.

Революционной милостью, мы, Демьян Бедный, Мужик Вредный, Всея Советския России и иных Советских республик рабоче-крестьянский поэт, наиболее благороднейшего в мире боевого Ордена Красной Звезды кавалер, славных 27-й и 51-й, громивших Колчака, Деникина и Врангеля, стрелковых дивизий почетный стрелок, многих заводов и фабрик действительный и почетный депутат, наипочетнейшей коммунистической партии член и Его Величества Пролетариата неперемный секретарь и проч., и проч., и проч.

Возымели мы желание
Написать вам сие послание,
В коем, осуществляя данное нам полномочие...
Многоточие!!!

Стоп, Керзон, обожди!
Я попал в замвридвожди!

Осталась нота без конца,
Так как явились ко мне два гонца
И заговорили со мной в таком соблазнительном
тоне,

Что... я очутился на вокзале в вагоне.
В вагоне заснул, все еще с Керзоном в уме,
А проснулся в городе Костроме,
Оказавшись в безвыходном положении:
В губисполкомском окружении!
Товарищ *Огибалов*, предгубисполком,
Заговорил со мной таким языком:
«Товарищ Демьян, делать неча!
Не зря вам такая встреча!
У нас в селе Шунге зажглось электричество,
Будет на торжестве народу необозримое
количество.

Из Москвы мы ждали больших гостей,
А от них ничего, кроме вестей,
Что, дескать, заняты по горло.
У нас же вот как приперло.
Говоря иносказательно,
Нужен свадебный «генерал» обязательно!»
Короче сказать, после такого привета
Я вышел из вагона не в качестве вольного поэта,
А в качестве члена Московского Совета.

Так как при этом
Господь бог наградил нас «условным летом»,
То пошел я на пароход по лужам,
Под надоедливом, мелким дождем.
Шел таким государственным мужем,
В некотором роде — замвридвождем!

О советских чудесах
В костромских лесах

Шутка шуткой, а дело делом.
Много есть чудес на свете белом,
Теперь на них прямо полоса.
Но что все эти чудеса,
Сколь там они ни громки,
Перед чудом в селе Шунге на берегу Костромки!
Хотя тут покуда
Еще и нет чуда,
А лишь зерно размера малого,
Но зерно — чуда небывалого,
Чуда такого,
Что описать его толково,
Каким оно будет, достигнув зрелости,
Ни у кого не хватит смелости.
Может, это только по плечу
Одному Ильичу,
Чей образ был со мной неотступно.
Я же со всеми гостями купно
На новое электроздание
Глядел, затаив дыхание,
И, видя восторги местного населения,
Готов был заплакать от умиления.

Буржуи! Интеллигентные книжники!
Смотрите: вот где подвижники!

Сорок деревень
Изо дня в день,
Не три дня, а три года,
Погода — непогода,
Выбивались из сил,
Каждый рубил, и возил, и носил:
В черных дебрях дорогу прокладывал свету!
Серяки-мужики
Сорока деревень у Костромки-реки,
Описать ваш подвиг какому поэту?

Был великий у нас и развал и разор.
Нам враги вопияли: позор!
Позор!

За Советскую власть вам расплата!—
«Советская власть во всем виновата!»

Нынче стали мы наши прорехи чинить.
А в Шунге уже вона какая «заплата»!
Что ж? Попрежнему ль будут враги нас винить?
— *Все Советская власть виновата?!*

Шунгенский герой и его завет —
Да будет свет!

«До-го-ра-ай м-мо-я луч-чи-на!»
Не коптеть тебе в Шунге зимней порой! —
Крестьянин *Стругов* коренастый мужчина,
Вот кто подлинный шунгенский герой!
Его слова — электросвечи.
Даю осколок из его удивительной речи:
«В 19-м годе всякий видел, что деется в родной
стране.

Надо становиться на крепкие ноги.
Сказал я советским властям:
«Устрою электрическую станцею». —
«Трудно!» — говорят.
«Беру на себя ответ. Поддерживайте
только».

«Поддержим», — говорят.
Обратился я к народу:
«Братцы! Поддерживай!»
«Поддержим!»

А когда народ говорить и обещаить, ето все уже.
Поддерживали. Я народ забивал у кажную щель.
Нужно в один день 30 000 пудов выгрузить,—
выгружали.

Лошадей запрягали, сами впрягались.
— Давай! Давай! Давай!
Видя теперь здесь усех людей, забываешь усе,
что было пережито.

И твердили весьма настоятельно,
Чтоб приехал я к ним обязательно.
А тому их мотивы:
«В Шунге орудуют кооперативы.
Хоть в Шунге огороды и высокого качества,
Но в ней еще много кулачества.
А в «Минском», селе,
Беднота вся сидит на земле.
Она нынче богаче.
Одначе
О делах ее дивных посольство не скажет,
А дела все... на деле покажет».
Два работника местных, земотдельцы,
похоже,—
В оба уха мне стали гудеть:
«В Минском вам побывать надо тоже.
Есть на что поглядеть!»

Вот это чудо так чудо,
И другим деревням поучиться б
не худо

Через день поглядели.
Чудеса, в самом деле!
Не дошли мы до первого двора —
Навстречу с флажками детвора,
Румяная, курносая,
Звонкоголосая.
Солнце, кстати, не важничало,
За облаками не саботажничало.
Мужики и молодки приветливо шурились.
Старики тоже не хмурились.
Ну, прямо сказать, дорогая родня!
Ждали, мил-лай, два дня,
Хлеб в других деревнях весь подмоченной, хилый,
А у нас, погляди ты, каки зеленыя.
Рядовую все сеялкой сеяли, мил-лай!
Межи к черту! Засеяли все под одно,
Сортировкой выбрали семя-зерно.
Вон в 20-м году все кругом голодали:

Наказал, дескать, бог.
Знамо, глупость одна. Мы же весь продналог,
Не натужившись, сдали.
Ноне тоже не страшно. Не будет заминки.
А теперь погляди-ко на наши новинки!»

Новые машины — урожаю надбавка,
«Соха-матушке» — отставка!

А новинок не счесть.
Все тут есть:
И плужки, и сеялки,
И особые веялки,
Борона к бороне на подбор —
Полон двор!

Из всех других деревень мужики прибывали,
Головами кивали.
Деревенский парад — не парад, —
В оны годы сказал бы: «Это все маскарад!»
А теперь это явь была самая точная,
Быт советский, действительность прочная:
Мимо веялок,
Сеялок,
За плохую
Сохою,
Лохматый,
Горбатый,
Истомленный мужицкой истомою,
Подпоясанный желтой соломою,
В рваной шапке, в дырявых лаптях,
Измочаленных на невозвратных путях,
Шел, согнувшись, дед — Хренов, седой комсомолец
Из деревни Подолец.
Завязив свою соху умышленно в грязь,
Дед ее топором сразу — хрясь!
Хрясь!

«Вот те, старая ты! Разледащая!
Соха-матушка ты распропащая!
Это ты мужиков превращала в калек!
Это ты менягнула к земле весь мой век!

Это ты меня по миру даве пустила!
Это ты подвела мне живот!
Это ты, это ты мне мой горб нарастила!
Ну, так вот тебе! Вот!
Хрясь! Хрясь! Хрясь!»

До того это было замечательно,
Что я весь размяк окончательно
И стал целовать старикашку взасос
И в губы и в нос!

П о с л е д н и е р е ч и —
Д о н о в о й в с т р е ч и

Дальше было... Понятно, что было.
Я загнал себя в мыло.
Говорил, говорил, даже слов не хватало.
А уехал — сказал, оказалось, мало,
Все сказать — не хватило бы целого дня.
Провожая меня,
Чуть не каждый ко мне подходил и справлялся:
«Как Ильич? Передай, чтоб скорей поправлялся!
И за то, что тебя к нам прислали, спасибо.
Расскажи там про нас, если спросит кто-либо.
За проезд к нам за твой —
Этот день будет праздник у нас годовой.
День церковный похерим.
Потому как тебе и всей власти мы верим,
Ее любим и с нею согласны во всем,
А кто тронет ее — мы его утрясем!»
Дальше проводы к Волге. И свежая рыбка.

Кострома — это «город-улыбка»!
Уезжая, вздохнул, я невольно:
«Расставаться, товарищи, больно.
Шутки-шутки, а вот я возьму
И махну навсегда из Москвы в Кострому!»

ГРАБИТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРВЕНЦИОНАЛ, ИЛИ ГРАБИНТЕРН

Стиннес имел переговоры с ген. Дегутом о прекращении сопротивления в Руре и посетил сидящего в тюрьме Круппа, с которым сговорился о подробностях возобновления работ.

«Бьен!» — Стиннесу сказал палач-француз, Дегут.

Ему ответил Стиннес: «Гут!»

«Грабители всех стран», чья подлость так безмерна,
«Объединяются» под флагом «Грабинтерна».

1924

ПОМАЗАННИКИ

(К американскому нефтяному скандалу)

С миропомазанною пешкой
Расправясь круто в некий день,
Теперь читаем мы с усмешкой
Американский бюллетень.
Кулиджем с Юзами, похоже,
Разоблачения — не в сласть:
— Хо-хо! Ты плохо кончишь тоже,
Нефтепомазанная власть!

ЕСЛИ БЫ НЕ...

Один из членов английской консервативной партии спросил, будет ли британское правительство настаивать на удалении Красной Армии из закавказских республик.

Макдональд ответил, что не может ничего добавить к своим прежним заявлениям.

Когда запросчик стал настаивать на разъяснении по этому поводу, председатель парламента (спикер) остановил его, заявив:

— Мы не должны вмешиваться во внутренние дела других стран.

(Из газет.)

Нефть чудотворной стала мазью.
Ей всеграбительский почет.
Вон к нефтяному «Закавказью»
Беда как Англию влечет!

Ярятся лорды и бароны.
«Режим советский очень крут.
Когда же красные заслоны
Из Закавказья уберут?

Ответьте, Макдональд! Иначе...» —
Ревет какой-то баронет.
«Первопризнитель» наш, одначе,
Не говорит ни да, ни нет.
И только спикер, что-то взвеса,
Отверг заботы... о Баку.

*

— Красноармеец! Где ты?
— Здесь!
Стою, братишка, начеку!

О СОЛОВЬЕ

Посвящается рабоче-крестьянским поэтам

Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма... и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости... Важно... не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? ... мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян.

*Завет Ленина. По воспоминаниям
Клары Цеткин. «Коммунар»,
1924 г., № 27.*

Писали до сих пор историю врали,
Да водятся они еще и ноне.
История «рабов» была в загоне,
А воспевались цари да короли:
 О них жрецы молились в храмах,
О них писалось в трагедиях и драмах,
 Они — «свет миру», «соль земли»!

Интеллигентщину такой язык коробит.
На «грубой» простоте лежит досель запрет,—
И сноб морочит нас «научно»,
Что речь заумная, косноязычный бред —
«Вот достижение! Вот где раскрыт секрет,
С эпохой нашею настроенный созвучно!»

Нет, наша речь красна *здоровой красотой*.
В здоровом языке здоровый есть устой.
Гранитная скала шлифуется веками.
Учитель мудрый, речь ведя с учениками,
Их учит истине и точной и простой.
Без точной простоты нет Истины Великой,
Богини радостной, победной, светлоликой!
Куется новый быт заводом и селом,
Где электричество вступило в спор с лучинкой,
Где жизнь — и качеством творцов и их числом —
Похожа на пирог с ядреною начинкой,
Но, извративши вкус за книжным ремеслом,
Все снобы льнут к тому, в чем вящий есть излом,
Где малость отдает протухшей мертвечинкой.
Напору юных сил естественно — бурлить.
Живой поток найдет естественные грани.
И не смешны ли те, кто вздумал бы заране
По «формочкам» своим такой поток разлить?!
Эстеты морщатся. Глазам их оскорбленным
Вся жизнь не в «формочках» — материал «сырой».

Так старички развратные порой
Хихикают над юношей влюбленным,
Которому — хи-хи! — с любимую вдвоем
Известен лишь один — естественный! — прием,
Оцеломудренный плодотворящей силой,
Но недоступный уж природе старцев хилой:
У них, изношенных, «свои» приемы есть,
Приемов старческих, искусственных, не счесть,
Но смрадом отдают и плесенью могильной
Приемы похоти бессильной!

Советский сноб живет! А снобу сноб сродни.
Нам надобно бежать от этой западни.
Наш мудрый вождь, Ильич, поможет нам и в этом.

Он не был никогда изысканным эстетом
И, несмотря на свой — такой гигантский! — рост,
В беседе и в письме был гениально прост.
Так мы ли ленинским пренебрежем заветом?!
Что до меня, то я позиций не сдаю,

На чем стоял, на том стою
И, не прельщаяся обманной красотой,
Я закаляю речь, живую речь свою,
Суровой ясностью и честной простотой.

Мне не пристал нагульный шик:
Мои читатели — рабочий и мужик.
И пусть там всякие разводят вавилоны
Литературные советские «салоны», —
Их лже-эстетике грош ломаный цена.
Недаром же прошли великие циклоны,
Народный океан взбурлившие до дна!
Моих читателей сочти: их миллионы.
И с ними у меня «эстетика» одна!

Доныне, детвору уча родному слову,
Ей разъясняют по Крылову,
Что только на тупой, дурной, «ослиный» слух
Приятней соловья поет простой петух,
Который голосит «так грубо, грубо, грубо»!
Осел меж тем был прав, по-своему, сугубо,
И не таким уже он был тупым ослом,
Пусть дворянскую эстетику на слом!

«Осел» был в басне псевдонимом,
А звался в жизни он Пахомом иль Ефимом.
И этот вот мужик, Ефим или Пахом,
Не зря прельщался петухом
И слушал соловья, ну, только что «без скуки»:
Не уши слушали — мозолистые руки,
Не сердце таяло — чесалась спина,
Пот горький разъедал на ней рубцы и поры!
Так мужику ли слать насмешки и укоры,

Что в крепостные времена
Он предпочел родного певуна
«Любимцу и певцу Авроры»,
Певцу, под томный свист которого тогда
На травку прилегли помещичьи стада,

«Затихли ветерки, замолкли птичек хоры»
И, декламируя слащавенький стишок
(«Амур в любовну сеть попался!»),
Помещичий сынок, балетный пастушок,
Умильно ряженой «пастушке» улыбался?!

«Чу! Соловей поет! Внимай! Благоговей!»
Благоговенья нет, увы, в ином ответе.
Всё относительно, друзья мои, на свете!
Всё относительно, и даже... соловей!
Что это так, я — по своей манере —
На историческом вам покажу примере.

Жил некогда король, прославивший мудрецом.
Был он для подданных своих родным отцом
И добрым гением страны своей обширной.
Так сказано о нем в Истории Всемирной,
Но там не сказано, что мудрый сей король,
Средневековый Марк Аврелий,
Воспетый тучею придворных менестрелей,
Тем завершил свою блистательную роль,
Что голову сложил... на плахе, — не хитро ль? —
Весной, под сладкий гул от соловьиных трелей.
В предсмертный миг, с гримасой тошноты,
Он молвил палачу: «Вот истина из истин:
Проклятье соловьям! Их свист мне ненавистен
Гораздо более, чем ты!»

Что приключилося с державным властелином?
С чего на соловьев такой явил он гнев?
Король... Давно ли он, от неги опьянев,
Помешан был на пенье соловьином?
Изнеженный тиран, развратный самодур,
С народа дравший десять шкур,
Чтоб уподобить свой блестящий двор Афинам,
Томимый ревностью к тиранам Сиракуз,
Философ царственный и покровитель муз,
Для государственных потреб и жизни личной
Избрал он соловья эмблемой символичной.
«*Король и соловей*» — священные слова.
Был «соловьиный храм», где всей страны глава

Рабочие, крестьянские поэты,
Певцы заводов и полей!
Пусть кисло морщатся буржуи... и эстеты:
Для люда бедного вы всех певцов милей,
И ваша красота и сила только в этом.
Живите ленинским заветом!!

Т Я Г А

Нагляделся я на большие собрания:
В глазах пестрит от электрического сияния,
Народу в зале — не счесть,
Давка — ни статья, ни сесть.
На эстраде — президиум солидный,
Ораторствует большевик видный,
Стенографистки его речь изувечивают,
Фотографы его лик увековечивают,
Журналисты ловят «интересные моменты»,
Гремят аплодисменты,
Под конец орут пять тысяч человек:
— Да здравствует наш вождь Имя-Река!

Мне с Имя-Реками не равняться,
Мне бы где-либо поклоняться:
У поросшего лопухом забора
Подслушать обрывок разговора,
Полюбоваться у остановки трамвайной
Перебранкой случайной,
Уловить на улице меткое словцо,
Заглядеться на иное лицо,
Обшарить любопытным взглядом
«Пивную с садом»,
Где сад — чахоточное деревцо
С выгребной ямой рядом,
Где аромат — первый сорт,
Хоть топор вешай.
«М-м-мань-ня... ч-черт-р-р-т!»
«Не цапайся, леш-шай!..»

У пивного древа
Адам и Ева,—
Какой ни на есть, а рай!
Не разбирай.
Без обману.
Соответственно карману.
А карманы-то бывают разные:
Пролетарские и буржуазные.

Не пробуйте ухмыляться заранее:
Мол, у меня в башке туман —
Начал писать про собрание,
А свел на карман.
Сейчас вам будет показано,
Как одно с другим бывает связано.

Есть такой город — Евпатория,
У него есть своя история.
Но прошлое нас мало касается,
Когда настоящее кусается.
К Черному морю этот городок
Выпятил свой передок,
Приманчивый, кокетливый,
К нэпманам приветливый,
А спиной пролетарской,
Разоренною, мертвой, «татарской»,
Повернулся к равнине степной,
Где пылица и зной.
Здесь, за этой спиною,
Задыхаясь от зною,
Приютился вокзальчик невзрачный,
По ночам сиротливый, покинутый, мрачный,
На припеке на три изнурительных дня
Приютивший в вагоне меня.

Как мужик я изрядно известный,
То пролетариат весь местный,
Железнодорожный,
Прислал мне запрос неотложный:
Не угодно ли мне, так сказать,
Себя показать

И обменяться живыми словами?
— Интересуемся очень вами...

Без председательского звона,
Без заранее намеченного плана
Разместились на путях, у вагона,
Вокруг водопроводного крана
Человек... ну, едва-едва
Десятка полтора или два.
Может быть, я ошибся в количестве:
Не заметил тех, кто лежал на животе.
Ведь собрание шло не при электричестве,
А в ночной темноте.
Тем не менее
Был оркестр, проявивший большое умение,
Оркестр — собранью под стать —
Какого в Москве не достать:
От чистого сердца, отнюдь не халтурно,
Кузнечики — вот кто! — звенели бравурно,
Без дирижера — и явного и тайного —
Показали пример искусства чрезвычайного,
Оттеня старательно каждый нюанс.
Гениальный степной Персимфанс!.. ¹
Под эту игру бесконечную
Повели мы беседу сердечную.
Разливаться ли тут соловьем,
Иль противно ломаться под видом всезнайки?
Говорили душевно. И я без утайки
Говорил даже что-то о детстве своем.
Обо всем говорило собрание,
Под конец — про карман.
Обратил на это внимание
Рабочий, *Димитренко Емельян*.
Спросите у Димитренка, бедняги,
Кто он — по чину — такой?
«Я, — скажет он, — служба тяги,
Я — на всё и у всех под рукой».
Одна по штату, незаменимая,
Эта «тяга» неутомимая.

¹ Первый симфонический ансамбль.

Начальник вокзала — всему голова,
У него заместителей два.
Телеграфист с телеграфистом чередуются.
Одна «тяга» бессменно «мордуется».
Праздник, не праздник — Емельян на пути.
«Емельян, подмети!»
Емельян подметает.
«Емельян, угля не хватает!»
Емельян кряхтит под кулем
С углем.
«Емельян, на уборку поездного состава!»
«Емельян, есть во всех ли вагонах вода?»
Емельян танцует и слева и справа,
Емельян тянет шлангу туда и сюда.
«Емельян, на промывку вагонов для соли!»
С Емельяна — пот ручьем, не росой,
На ногах ему соль разъедает мозоли,
Потому что — босой.
«Емельян, — кличет слесарь, — в депо на минутку!»
Емельян — в водопроводную будку,
Там у бака какой-то изъян!..
— Емельян!..

— Емельян!..

— Емельян!..

Емельян надрывается зиму и лето.
Ему отдыха нет: не гуляй, не болей!
Емельян Димитренко получает за это
В месяц... *девять рублей!*

Димитренко — весь потный и черный, —
Он богач бесспорный.
Любому Ротшильду, Форду
Он плюнет презрительно в морду.
Его щедрость достойна удивления.
Подсчитайте его отчисления.
«Емельян, два процента в союз».
«Даю-с!»
«Емельян, отчисление в МОПР».
«Отчисляю, я добр!»
«Емельян, дай на Воздухофлот».
«Вот!»

«Емельян, Доброхим».
«Дадим!»
«На «Долой неграмотность» гони четвертак».
«Так!»
«В кассу взаимопомощи...»
«Сколько?»
«Процент!»
«В момент!»
«Емельян, в Ох... мат... млад...»¹
«Что такое?»
«Ох... мат...»
«Что ж, и я не лохмат!»
«Емельян, на борьбу с этим... с этим...»
«Говори сразу: сколько? Ответим!»
«На газету «Гудок»... надо всем поголовно...»
«Сколько нужно?»

«Расход — пустяков:
Шестьдесят пять копеечек ровно».
Результат получился таков:
На пятнадцать рабочих — пятнадцать «Гудков».
«Понимаю,— крихтит Емельян,— значит нужно.
Горе: в грамоте слаб. И читать недосужно».
Дома ждут Емельяна жена и ребята.
Рубль за угол. На что этот угол похож!..
Дочка в школе, и в месяц по рублику тож.
Рубль. А где его взять? Вот как тает зарплата...
На руках остается от всех прибылей...
Пять рублей!

Ночь. Кузнечики шпарят симфонию ту же.
Димитренко кончает о быте своем.

«Да, живем все еще не просторненько, друже,
Но, иначе, живем.
Из деревни не кума дождешься, так свата.
Кум — не кум, сват — не сват без муки или круп.
Хоть деревня, сказать, и сама небогата...»
Кто-то сплюнул: «Ну, да. Знаем ихнего брата.
Привезет на пятак, чаю схлещет на руп...»
«Чем еще,— я спросил,— есть у вас похва-
литься?»

¹ О х м а т м л а д — охрана материнства и младенчества.

«Есть у нас Крымтепо, чтоб ему провалиться!
На картошку, товарищ, имейте в виду,
Деньги взяты еще в двадцать третьем году,
А картошки все нет. Деньги канули в воду».

«В Евпатории ж цены — беда!
Летом сколько народу приезжает сюда!»
«Цены скачут, как блохи!

Все же летом бывали делишки неплохи.
Вещи нэпманам раньше носили. Доход.
За сезон кой-чего мы б себе накряхтели.
Да от нас отошло это в нынешний год.
Появились носильщики. Вроде артели».

«Что носильщики скажут?»

«Да нету их тут!»

«Почему?»

«Потому. Так они и придут.

Ведь они у нас летний кусок отобрали».

«Братцы! Поздно. Идти по домам не пора ли?»

Рано утром я высунул нос из вагона,

Посмотрел. Димитренко-то — вона!

«Служба тяги» на рельсах.

«Здоров, Емельян!

Тянем?»

«Тянем, товарищ Демьян!»

Пригляделся к нему. Тот же потный и черный,

Но — приветливый, бодрый, проворный,

Не вчерашний, какой-то другой.

Вправду ль он? Горемыка ли?

Говорит мне: «Простите уж нас, дорогой,

Что вчера мы пред вами маленько похныкали.

Это верно: бывает порой чижало.

Точно рыбе, попавшей на сушу.

А в беседе-то вот отведешь этак душу,

Глядь, — совсем отлегло».

«Е-мель-я-я-ян!.. Будешь там толковать до
обеда!..»

Емельян встрепенулся: «Прощайте покеда!»

И, на лбу пот размазав рукою корявою,

Побежал к паровозу со шлангой дырявою.

ИХ ЮБИЛЕЙ

Для биржевых царей и королей
Их подлый юбилей.
Во имя Морганов, Рокфеллеров и Круппов
Кровавою чертой отмеченный итог:
Мильоны вдов, сирот, калек — без рук, без ног,
И горы трупов.
Со счетами в одной руке, в другой — с ножом.
Все сделки тайные храня под изголовьем,
Бандиты бредят грабежом
И... миротворческим исходят блудословьем.
Банкиры в Лондоне справляют фестиваль,—
А Макдональд и вся предательская шваль,
Версальским смазавшись елеем,
Их поздравляет с юбилеем!
Ну что ж? На десять лет мы ближе к той поре,
Когда всей сволочи отпетой —
И той и этой! —
Висеть на общем фонаре!

ВПЕРЕД И ВЫШЕ!

На ниве черной пахарь скромный,
Тяну я свой нехитрый гуж.
Прегит мне стих языколомный,
Невразумительный к тому ж.

Держась формы четкой, строгой,
С народным говором в ладу,
Иду проторенной дорогой,
Речь всем доступную веду.

Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны, —
Как чистый ключ в кремнистом ложе,
Они прозрачны и ясны.

Зато, когда задорным смехом
Вспугну я всех гадюк и сов,
В ответ звучат мне гулким эхом
Милльоны бодрых голосов:

«Да-ешь?!» — «Да-ешь!» — В движенье массы.
«Свалил?» — «Готово!» — «Будь здоров!»
Как мне смешны тогда гримасы
Литературных маклеров!

Нужна ли Правде позолота?
Мой честный стих, лети стрелой —
Вперед и выше! — от болота
Литературщины гнилой!

«РУКОВОДСТВО ХОРОШЕГО ТОНА»

Когда я в «Правде» кричу,
Мое перо превращается в пику,
Когда я молчу,
Значит, можно обойтись без крику,
Приводить в порядок старые стихи
(Освобождать их от трухи),
Сажать яблони, сеять вику,
Словом — до приказа «центрального аппарата» —
Изображать стихотворного Цинцинната.
Сегодня, хотя не было призыва свыше,
Я сижу, однако, на крыше
И смотрю на метеорологический прибор.
Ой! не загорелся бы снова сыр-бор!
С английской стороны — неприятное направление!
Большое барометрическое давление.
Стрелка снизилась так за одну ночь,
Что уперлась в Керзонову точку!
Есть над чем призадуматься любому смельчаку.
Надо быть начеку!
Стрелка все продолжает покачиваться.
Не пришлось бы мне расцинцинначиваться!

*

Мысли разные.
И все какие-то несуразные.
Например, на кой же мне ляд она,
Макдональдова жена,

А я больше думаю о ней, чем о ее муже,
Барахтающемся в луже,
Откуда он кашляет простуженно,
Хотя получил эту ванну заслуженно.
Идя по мужниным следам,
Почтенная Макдональдова супруга
Написала «Руководство для дам
Рабоче-партийного круга»,
То бишь для жен министриабильных мужей,
Политических ужей,
Ужей змеевидных,
Но крайне безобидных,
В соглашательских водах мытых,
Не ядовитых,
Не кусающихся,
На хозяев не бросающихся,
Ручных, муштрованных,
Парламентски дрессированных,
Коих, согласно их породе и нраву,
За их трусливые искательства,
Можем мы величать по праву:
— Ваши пресмыкательства!
Так вот, когда эти умственные паралитики,
«Пресмыкательные политики»,
Удостоились чести — без особой драки! —
Облачиться в министерские фраки,
Макдональдова жена издала «Руководство»:
Как нужно блюсти «рабочее» благородство,
Как надо ко двору являться,
Как королям представляться,
Как чмокать королевские ручки,
И всякие такие штучки, —
Руководство в полсотни листов,
Где предусмотрено все без изъятия,
Вплоть до размеров хвостов
Парадного платья.
Полный этикет!
И вдруг — камуфлет!
Консерваторская фига!
Пропал парадный туалет!
Погибла назидательная книга!

Придется шить платье «рабочего» фасона,
Просто и дешево,—
И писать руководство иного тона,
Не совсем «хорошего»!

*

Тоже картинка отличная,
Крайне символичная:
В Лондоне рабочее собрание.
— Новости! — Внимание!
— Либерал Асквит провалился! —
Зал накалился.
Речи — пламя!
Поют «Красное знамя»!
А красного знамени и нету!
Отвыкли от красного цвету!
Вдруг кто-то сделал на эстраду прыжок,
Поднес председателю комсомольский флажок.
Председатель — (дарю всех сатириков темою),—
Чтоб никто не оказался в обиде,
Председатель флажок с советской эмблемою
Держал все время в свернутом виде.
Вот где вождь! Благодать!
Не рабоче-партиец — икона!
Он еще не расстался, видать,
С «Руководством хорошего тона»!

*

Макдональд! На щите на его боевом
Герб достойнейший — мыльная клизма!
Вот символ — на примере живом —
Конструктивного социализма!
«Стачки — зло и вредят лишь рабочим правам»—
Макдональд так с церковного плакал амвона.
А теперь что он скажет?
Трещит по всем швам
«Руководство хорошего тона»!

СЕМЬ ЛЕТ — А КОНЦА НЕТ!

(БАРЫНИНСОН)

Сказка

Православные христиане,
Отставные купцы, помещики, дворяне,
Очаровательные дамы и почтенные мужчины,
Разгладьте ваши морщины
И простите меня
По случаю торжественного дня
Седьмой Октябрьской годовщины!
Сократив на время свой воинственный пыл,
Я про вас почти позабыл.
Позабыл про кадета Милюкова,
Позабыл про купчину Гучкова,
Позабыл про фабриканта Коновалова,
Позабыл про Керенского шалого,
Позабыл про Чернова, учредилловского дурачка...
Разве вас перечтешь с кондачка?
Было два миллиона без малого,
Вас, подравших за советский кордон.
У нас тут веселый советский трезвон,—
Тонет все в красном цвете...
Ну, совсем из памяти вон,
Что вы есть еще где-то на свете!
Во внимание вас не берем,
Не браним, не корим, не жалеем...
Так хоть я умягчу ваши раны елеем.

С красным вас Октябрем!
С семилетним вас юбилеем!!!
Искупая свою вину,
Расскажу вам сказку одну
Про «Барыню — змею подколодную».
Сказку старо-народную,
Большевицким «Октябрем» омоложенную,
На советский лад переложенную.

Во времена оны,
Когда еще были крепостные законы,
При прадедушке последнего царя, Николая,
Жила-была барыня злая-презлая.
Бывало, к ней староста утром заявится,
Насчет наряды какого справится,
Так она его в рыло — раз!
Потом уж приказ.
А уж как мужиков казнила безбожно,
Рассказать невозможно!

Жилось мужикам нестерпимо.
Ну, иные спасались, вестимо:
В петлю — летом, в прорубь — зимой.
Но вот выпал случай: мужиков этих мимо
Шел солдат на побывку домой.
Зашел в деревушку, к мужикам постучался.
Гость подобный не часто случался.
Мужики ему рады.— Откуда? Куда?—
Рассказал им солдатик — дело обычное! —
Где бывал и какие видал города,
Про житье рассказал про столичное.
«Ну, а вы как живете?»

«Житье горемычное! —
Мужики в общий голос про беду про свою.—
Позавидует черт ли такому житью!

Правит нами барыня,
Барыня-сударыня,
Помещица заклятая,
Богатая-пребогатая,
Злющая-презлющая,
Ведьма сущая!

Мучительница — во!
Не щадит никого:
Ни деревенского, ни дворового,
Ни хворого, ни здорового,
Ни старого, ни малого,
Ни кривого, ни беспалого,
Ни ленивого, ни проворного,
Ни дерзкого, ни покорного.
Орет «замучаю!»
По всякому случаю:
За чох, за взгляд,
За невыход в наряд,
За честность, за блудни,
За праздник, за будни,
За церковь, за кабак,—
Дерет, как собак!
Как жить нам, солдатик?
Как быть нам, касатик?
Не дашь ли совета?
Сживет нас со света
Ведьма эта!

Разрядившись ядерной поговоркою,
Затянулся солдат махоркою,
Потом пошел в уголок,
Развязал свой узелок,
Обсмотрел в нем всякие баночки,
Обнюхал разные скляночки
И, чехвостя помещицу вдоль и поперек,
Поднес мужикам пузырек:
«Этих капель подбавьте ей в кофей, ребятки
А потом... мы почешем ей пятки!»

Случай выбрали. В точку.
Хватив кофейку-кипяточку,
Злая барыня — хлоп!
Повалилась, как сноп.
Спит-храпит, тяжело дышит,
Не видит, не слышит,—
Бревно-бревном,
Хоть руби колуном!

«Ну,— сказал солдатик,— теперя
Укрощать будем этого зверя.
Кто у вас на деревне первейший буян?»
«Есть сапожник у нас, Емельян».
«Лютый?»

«Страсть».

«С женой ладит?»

«Ладит».

«Пусть ее на неделю к родным он спровадит,
Не мешала чтобы.

А мы ему для доброй учебы,

Под видом евонной

Жены законной,

Подкинем барыню на недельку».

«Переженили» мужики Емельку.

«Емеля, постарайся для мира!»

«Ладно. Несите сюда этого вампира!»

Емеля утром молоточком стучит,

Сапожки новые туги.

А барыня злая, проснувшись, кричит:

«Слу-ги!.. Слу-ги!»

Мишка!

Епишка!

Фетинья!

Аксинья!

Лукерья!

Гликерья!»

А Емелька ей, из тугого сапога

Выбивая колодку:

«Это я тебе, што ли, слуга,

Сто чертей тебе в глотку?!»

Барыня затрепыхалась вся:

«Ты откуда взялся?!»

«Как откуда?

Мужа не признаешь, паскуда?

На дворе давно белый день,

А ты тут в постеле себя разуваживать?!»

Сдернул Емельян с ноги ремень

И давай барыню нахаживать:

«Вставай! Развела дома стужу!

Топи печи!

Топи печь!
Топи печь!
Да своему законному мужу
Не перечь!
Не перечь!
Не перечь!»

Барыня сначала
Диким криком кричала,
Визжала, ярилася,
Под конец взмолилася
И, утирая слезы рукавами,
Побрела за дровами,
Затопила печь, обед приготовила,
Ни в чем Емельяну не прекословила.
Да Емельян придиричив — беда!
«Эт-та что за еда?
Ты думаешь, я не вижу?»
И выплеснул ей на голову всю жижу.
А на другой день новая придирика.
У барыни — печь, и стирка,
И хлев, и огород.
За плетнем народ
Глядит, любитесь,
Диву дивуется,
Своим глазам, ушам не верит,
Как это Емельян барыню костерит,
Не по-барски ее величает,
К работе черной приучает!

Сошла барыня на тень,
Свалившись от работы на седьмой день,—
До того показался ей праздничек трудным! —
Заснула барыня сном непробудным
И не слыхала, как ее деликатно
Свезли мужики в усадьбу обратно.

Проснувшись на барской пуховой постели,
Заместо грозного Емели
С лицом испитым, в прыщах и угрях,
Увидала барыня в дверях

Мишку,
Епишку,
Фетинью,
Аксинью,
Ключницу Лукерью
И старосту за дверью:
Боятся они подойти к ней близко,
Кланяются низко,
На барыню умиляются,
О здоровьице справляются:
«Голубушка-барыня,
Барыня-сударыня,
Уж мы-то ждем, заждалися,
Как вы не пробуждалися,
Всю ночь стонали-охали,
От снов лихих, от боли ли.
Покушали не плохо ли?
Опытся ль не изволили?
Голубушка-барыня,
Барыня-сударыня!»

Возвела барыня глаза
В угол на образа,
И личико ее прояснилось:
«Так это, взаправду, мне все приснилось!
Так это, значит, во сне
Было божье указанье мне?
Староста! Беги за сапожником Емельяном.
Над ним, злодеем, смутьяном,
Свершу веленье божьего суда.
Господи! В мыслях с тобой неразлучно...
Розог!.. Розог!.. Емельку сюда!..
За-пор-р-р-рю... собствен-но-руч-но!»

Ой ты, барыня расейская,
Ой, ты, шпана белогвардейская!
Не семь дней, семь годков — срок значительный! —
Тебе сон все снится мучительный,
Сон мучительный — злая напасть,
Рабоче-крестьянская власть!

Семь годков — и восьмой на пороге.
Ты же все пребываешь в тревоге
И, теряя остатки ума,
Чай, не веришь уж больше сама,
Что от красного Октябрьского «наваждения»
Когда-либо дождешься пробуждения.
Страдаешь семь лет, —
И конца твоим страданиям нет!

ПАМЯТИ СЕЛЬКОРА
ГРИГОРИЯ МАЛИНОВСКОГО

Сырость и мгла.
Ночь развернула два черных крыла.
Дымовка спит средь простора степного.
Только Андрей Малиновский не спит:
Сжавши рукою обрез, сторожит
Брата родного.

Тьма. В переулке не видно ни зги.
Плачет капелью весеннею крыша.
Страшно. Знакомые близко шаги.
«Гриша!

Гриша!

Я ли тебя не любил?»

Мысль замерла от угара хмельного.
Грохнул обрез. Малиновский убил
Брата родного.

В Дымовке шум и огни фонарей,
Только темна Малиновского хата.
Люди стучатся: «Вставай... Андрей!..»
«Брата убили!..»

«Брата!»

Тихо снуют по деревне огни.
Людям мерещится запах железа.
Нюхом берут направление они.
Ищут обреза.

Сгинул обрез без следа.
Но приговор уже сказан у трупа:
 «Это его Попандопуло». — «Да!»
 «Это — проклятый Тюлюпа!»
 Сбились люди вокруг.
Плачет Андрей, их проклятия слыша.
Стонет жена, убивается друг:
 «Гриша!»
 «Гриша!»

Солнце встает — раскаленный укор,
Гневно закрывши свой лик облаками.
В луже, прикрытый рогожей, селькор
Смотрит на небо слепыми зрачками.

Не оторваться ему от земли,
Жертве злодейства и братской измены.
Но уж гремит — и вблизи и вдали —
Голос могучей селькоровской смены:

«Злые убийцы себя не спасут.
Смело вперед, боевые селькоры!
Всех подлецов — на селькоровский суд.
Сыщем, разроем их темные норы!

Темная Дымовка сгинет, умрет.
Солнце осветит родные просторы.
Рыцари правды и света, вперед!
Мы — боевые селькоры!»

О САМОМ БЛИЗКОМ

По случаю знаменательного роста тиража центрального органа большевистской партии, газеты «Правда», перевалившего за полмиллиона экземпляров.

Во дни оны¹,
Когда буржуазных газет выходили миллионы,
Выдался счастливый-счастливым вечерок:
Верстали мы «Правды» первый номерок —
Рабочим на радость, буржуям в пику,
Меньшевикам не на радость тож:
Была им «Правда», что острый нож.
Что было шуму и веселого крику!
Носились мы по типографии туда и сюда.
Молодые года!
И опять же боевое возбуждение:
Рабочей печати рождение!
Стереотип отливали,
Чуть не танцевали,
А как спустили его в машинное отделение —
Сущее умиление,
Плевать, что шпики на крыльце!
«Правда» в свинце!
Прикасаясь к ней, что к ребенку,
Положили ее в ротационку
И, разинув рот,
Сделали первый поворот.
Что-то приправили, обмазавшись в клею.

¹ Весною 1912 года.

Пустили машину веселее.
После окончательной пригопки
Вошли в экстаз.
Порхала «Правда» из ротационки:
«Раз! — Раз! — Раз!»

Был тогда я голодраным студентом.
Но в связи с торжественным моментом
Облачился в пальтишко новенькое,
Двадцатирублевенькое,
Тем в моей жизни знаменитое,
Что впервые на меня шитое,
А не купленное в татарской кучке
На крикливой толкучке
Пальто с приглаженными заплатами,
С выведенными пятнами,
Отдающее десятью ароматами
Не очень приятными.

И до того у меня от радости разомлело нутро,
Смотрел я на «Правду» с такой нежной ласкою,
Что не заметил, как присел на ведро
С типографской черною краскою.
Привстану, присяду,
Привстану, присяду,
Не сводя с ротационки взгляду,
А как стал в себя приходить понемножку,
Заметил оплошку:
У пальтишка новенького,
Двадцатирублевенького,
Вся левая пола —
Сплошная смола!
А товарищам потеха,
Валяются от смеха:
«Ай, пола-то, пола какова!..
Не горюй, голова!
Это так называемое
Пятно несмываемое,
Большевистская, значит, печать,
Чтобы сразу тебя отличать!»

Товарищи были пророки.
Прошли немалые сроки.
Я нередко в почетный угол сажуся
На советском празднике том иль ином.
Но ничем я, ничем я так не горжуся,
Как моим большевистским, правдистским «пятном»!

Родилась «Правда» газетой маленькой,
На вид захудаленькой,
«Не жилицей на этом свете»
(Не чета буржуазной газете!),
С голосом пролетарски-звонким,
Но порою тонким-претонким,
Доходившим чуть не до пisku,—
Жила ведь от риску до риску,—
Жандармы ее хватали за глотку,
А «нянек» швыряли за решетку.
Рабочие ждут свою «Правду» с рассвету,
А ее все нету и нету.
Наконец получают. До чего ж хороша!
Иной обомлеет, взглянув на газету,—
В чем только держится душа!
Но помереть не давали.
По копейкам «правдинский фонд» основали.
«Правда» крепла врагам на беду.

Однако в четырнадцатом году,
К концу боевого, горячего лета,
Казалось, песенка «Правды» спета.
Наступили «последние времена»,
Мировая война.
Буржуазная «культура» — в пушечном дуле!

Но при первом же гуле
«Февральского» водополя
Рабочая «Правда» вышла из подполья,
Вышла закаленным бойцом —
С открытым большевистским лицом,
С беспощадной пролетарской картечью —
Ленинской речью!

Говорить ли про ее боевые успехи?
За ней — героические вехи,
Перед ней — героический путь.
Будь что будь!
Сколько б Черчиллей ни бесилось от ярости,
Это — бешенство старости,
Это — судороги в предсмертный час,
Это хрипит бандит, в петлю угодивший.
Молода наша «Правда», как молод класс,
Ее в боях породивший.
При рождении «Правда» была
По виду мала.
Но в ней прорастало семя грядущего.
В ней зрела сила ее творца,
Пролетариата-борца,
В своей мощи беспрерывно растущего.
Ее нынешний грозный тираж
Есть этого роста выражение.

Приходить ли нам в особый раж?
Испытывать ли нам головокружение?
Перед нами — «знаменье положительное»,
Рост головокружительный, как ни суди.
Но, товарищи, верно же: самое головокружи-
тельное

Впереди!!

Исполненный такого убеждения,
Видя ленинской «Правды» бодрый расцвет,
Я, счастливый свидетель ее рождения,
Приношу ей сегодня мой скромный привет!

«ПРАВДЕ»

*(По случаю знаменательного
роста ее тиража...)*

Врагов открытых отражая
И беспощадно обнажая
Друзей кичливых злую спесь,
На страже ленинских заветов —
«За коммунизм, за власть советов!» —
Стой, как стояла ты поднесь!

Н Е И Н А Ч Е

Учитель в сельской школе
Задал задачу Миколке,
Сынку кулака Прижималова,
Жавшего и старого и малого:

«Вот тебе, Миколка, арифметическая задача:
У мужика, скажем, подохла кляча
И нужда прет изо всех щелей
После летошнего недорода.
Так он одолжил у твоего папаши сто рублей
И вернул ему четвертную через полгода.
«Потому, — говорит, — что сразу не могу».
Так на сколько рублей он остался в долгу?»
«На сто рублей, не иначе», —
Подивился Миколай простой задаче.
«Эх, — покосился учитель на Миколку, —
Не будет из тебя толку.
Ты не горячись, подумай хладнокровно.
Мужик заплатил папаше полсотни ровно,
Так сколько осталось в недодаче?»
«Сто рублей, не иначе».
«Сто рублей?»
«Сто рублей».
«Пошел вон, дуралей!
Половину заплатить, останется половина.
Не знаешь арифметики, дубина!»
«Да рази ж я совсем без головы, —
Раздался обиженный голос Миколаши, —
Я арифметику знаю, а вот вы
Не знаете моего папаши».

*

Когда иностранные живоглоты
Строчат нам каверзные ноты,
Предпринимая подлые шаги,
Чтобы содрать с нас царские долги,
И при этом задолженность нашу
Не определяют даже приблизительно,
Нам вспомнить Прижималова-папашу
Весьма и весьма пользительно.
Клади хоть на сто рублей по сту,
Все равно останешься должен этому прохвосту.
А поэтому при разговоре с этими псами...
Ну, вы понимаете сами...

**О КАРАСЕ-ИДЕАЛИСТЕ
И О ПЕСКАРЕ-СОЦИАЛИСТЕ**

СИРЕЧЬ

О МАКДОНАЛЬДЕ РАМЗАЕ

П УЕВВЕ СИДНЕЕ

(Кто чего стоит, читателю виднее)

Разве можно надеяться на правильную оценку (со стороны коммунистов) для мистера Сиднея Уэбба, писателя, который пошел дальше Маркса, или для мистера Рамзая Макдональда?

(Б е р н а р д Ш о у.)

Ради конца истекающего года
Да будет мной прославлена сия рыба порода,
От коей нам ни уши, ни навару.
Пятак за пару!
Пишу по Щедрину.
Кой-что свое вверну
Да прихвачу две цитаты из Брэма.
Веселая тема.

I

КАРАСЬ - ИДЕАЛИСТ

Карась имеет очень тупое рыло. Окраска латунно-желтого цвета. Карась любит стоячую воду, особенно так называемые «мертвые рукава» больших рек. Он обладает способностью жить в самых нечистых водах и процветать при самой грязной пище. Зимние холода переносит в оцепенелом состоянии, может даже замерзнуть во льду и оживать снова. В прудохозяйстве карасем кормят благородных хищных рыб.

(А. Б р э м.)

А щука возьмет да и скажет: «За то, что ты мне, карась, самую суцую правду сказал, жалую тебя этой заводью; будь ты над нею начальник!»

(Н. Щ е д р и н.)

О щедринском карасе
 Тоже читали все,
 Как он не обращал внимания никоторого
 На предупреждения ерша колючепераго.
 Диспутируя с означенным ершом:
 «Вот я тут весь, нагишом!
 Не верю,— твердил он на диспуте оном,—
 Чтоб борьба и свара были нормальным законом,
 Согласно которому развивается вся тварь земная
 И водная.
 Есть законность иная,
 Более благородная.
 Верю в бескровное преуспяние,
 Верю в общественную гармонию...
 Будет справедливое воздаяние
 Всякому беззаконию!»
 Ерш отвечал: «Балда!
 Щука ж денется куда?»
 «Какая щука?.. Новые поколения,
 Когда сила общественного мнения...»

«А и распросукин ты сын, карасишка,
Безголовый трусишка.
Ты ль у щуки потребуешь сдачи? —
Сыпал ерш на карася проклятия.—
Хочешь разрешать мировые задачи,
А не имеешь о щуке понятия!»
Карась заладил одно:
«Зло будет посрамлено!
Если ты в это не имеешь веры,
То я сошлюсь на исторические примеры.
Какое было рыбам раньше истребление?
От рыбьей крови краснела вода.
Нынче ж вошли во всеобщее употребление
Невод, верша и уда.
И всё законом установленной формы,
Не уклоняясь от нормы...»
«Брось молоть чепуху
Лихую!
Не все ль равно, как попасть в уху?..»
«В какую?»
«Тьфу, язви тя. На что ж это похоже?
Насчет ухи не смыслишь тоже.
Не стоит, карась, ни черта
Твоя философия слезная,
Чешуя на тебе — и та
Несерьезная!»

Но карась считал себя умнее друга
И не почувствовал никакого испуга,
Когда узрел пред собой полицейского головля,
Который, грозно плавниками шевеля,
Объявил ему: «Ну-ка!
В заводь прибыла щука.
Изволь завтра явиться чуть свет
Держать ответ!»

Карась решил пустоголово,
Что у него есть «магическое слово».
«Я, это слово произнеся,
Превращу любую щуку в карася».

Представ перед щукой превосходительной,
Сытой, а потому снисходительной,

Понес карась перед нею
Ту же ахинею,
Которою изводил ерша:
«Жизнь, дескать, хороша
И была б
Еще прекраснее,
Когда б все рыбы жили согласнее,
То есть, когда б
Сильный не теснил того, кто слаб,
А богатый питал к бедному снисхождение.
Тогда — таково мое убеждение! —
Жизнь обрела б такое совершенство...
Общее счастье, как высокая цель...»
«Гм, — хамкнула щука, — головель!»
«Чего изволите, ваше высокостепенство?»
«Как такие речи называются, ась?»
«Социализмом, ваше высокостепенство».
«Ва... Ва... Вас-сясь!—
Зававакал карась.—
Что назвать... социалистическим строим?..
Я в своей простоте...»
«Знаем мы... Про-сто-та!»
Диспутировал дальше карась под конвоем —
С повреждением спины и хвоста.
При последнем часе,
На случай чего такого,
Имел он в запасе
Магическое слово.
И вот, когда у щуки
Стало сводить скулы от скуки
И искривило губы от такой ухмылки,
Что у карася задрожали поджилки,
Собрался он с духом
И, решив, что «настал момент»,
Гаркнул щуке над самым ухом
Последний аргумент:
«А знаешь ли ты, что такое добродетель?!»
Не один головель был тому свидетель,—
Вся, какая здесь рыба была,
Замерла!

Щука — после такого заявления —
Разинула пасть от удивления,
Потянула машинально воду
И, отнюдь не посягая на чью-либо жизнь и свободу
И не являя тем свою злобу,
Втянула караса в свою утробу.

Ерш, предвидевший это заранее
И держа от щуки приличное расстояние,
При виде этакого бедствия
Не удержался от афоризма:
«Вот они — щучьи последствия
Карасинового социализма!»

Нынче карась чудесно обнаружен.
Попавши щуке в утробу на ужин,
Вываренный в ее соку,
С подозрительными пятнами на одном и другом
боку,

Пахнувший преотвратно,
Был он выблеван щукой обратно
И — постигнув вещам надлежащую меру —
Сделал в Англии карьеру:
В рыбьих вождях, щучий сын, обретается,
От щучьих щедрот питается,
Смотрит ради сих щедрот
Капиталистической щуке в рот,—
За такое похвальное поведение
(За готовность всегда отдаться щуке на
съедение)

Этот жеваный карась
Был даже министром вчерась
В образе Макдональда Рамзая,
Того, что, парламентски дерзая
Диспутировать со щукой капиталистической,
Прославился политикой империалистической,
Единосушной «социализму конструктивному»,
Который узнается по запаху противному
И по несмываемой пробе,
Полученной в щучьей утробе.

II

ПРЕМУДРЫЙ ПЕСКАРЬ

*За вкусное мясо пескаря любят везде.
Его употребляют в прудохозяйстве в качестве корма для более ценных благородных рыб. Благодаря его живучести он годен также для более продолжительной неволи. Английские рыботорговцы широко пользуются последним его свойством.*

(А. Б р э м, «Жизнь животных».)

Собственно говоря,
Житие щедринского пескаря
Всем хорошо известно.
Прожил он век свой честно,
По прародительскому завету,
Не попавши в западню ни в ту, ни в эту.
Дожил до возраста предельного,
Не сделав, правда, ничего дельного.
Всю жизнь дрожал, забившись в нору,
Дрожал бы там и по сию пору,
Доживая свой век бесполезно и безвредно,
Когда б не исчез бесследно:
То ли щука его заглотала,
То ли рак его клешней перешиб,
Этого до сих пор не знала
Ни одна из рыб,
Хоть их много над этой загадкой тужилось.
И вдруг обнаружилось,
Что он дожил до наших дней,
Что его зовут Уебб Сидней,
Что он в Англии достиг положения,
Что он участник рыбьего движения,
Что вышла из-под его пера
Известная книга «Ни два, ни полтора,
Ни богу свеча, ни черту дудка»,—
Что он, «премудрый», — шутка! —
Щука б его заглотала! —
Превзошел глубину Марксова «Капитала»,

Книгу «допотопного пророка лондонских пред-
местий»

(Как сказал Шоу в рождественском номере «Из-
вестий»),

Что, вознося ученую хвалу
Чемберленовско-щучьему хайлу,
Он живуч и процветает в неволе.
 Что о нем скажешь боле?

УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД В 1913 г.

Наказ

В непроезжей, в непролазной,
В деревушке *Недородной*
Жил да был учитель сельский,
С темнотою борясь народной.

С темнотою борясь народной,
Он с бедой народной сжился:
Каждый день вставал голодный
И голодный спать ложился.

Но душа его горела
Верой бодрой и живою.
Весь ушел учитель в дело,
С головою, с головою.

Целый день средь ребятишек
Он ходил, худой и длинный.
Целый день гудела школа,
Точно рой живой, пчелиный.

Уж не раз урядник тучный,
Шаг замедлив перед школой,
Хмыкал: «Вишь ты... шум... научный...
А учитель-то... с крамолой!»

Уж не раз косил на школу
Поп Аггей глазок тревожный:
«Ох, пошел какой учитель...
Все-то дерзкий... все безбожный!..»

Приезжал инспектор как-то
И остался всем доволен,
У учителя справлялся:
Не устал он? Может, болен?

Был так ласков и любезен,
Проявил большую жалость,
Заглянул к нему в каморку,
В сундучке порылся малость.

Чрез неделю взвыл учитель —
Из уезда предписание:
«Обнаружив упущенья,
Переводим в наказанье».

Горемыка, распроставшись
С ребятишками и школой,
С новым жаром прилепился
К детворе деревни *Голой*.

Но, увы, в деревне *Голой*
Не успев пробыть полгода,
Был он снова удостоен
Перевода, перево́да.

Перевод за переводом,
Третий раз, четвертый, пятый...
Закручинился учитель:
«Эх ты, жребий мой проклятый!»

Изнуренный весь и бледный,
Заостренный, как иголка,
Стал похож учитель бедный
На затравленного волка.

Злобной, горькою усмешкой
Стал кривить он чаще губы:
«Загоняют... доконают...
Доконают, душегубы!»

Вдруг негаданно-нежданно
Он воскрес, душой воспрянул, —
Будто солнца луч веселый
На него сквозь туч проглянул.

Питер! Пышная столица!
Там на святках на свободных
— Сон чудесный! — состоится
Съезд наставников народных.

Доброй вестью упоенный,
Наш бедняк глядит героем:
«Всею семьей объединенной
Наше горе мы раскроем.

Наше горе, наши муки,
Беспросветное мытарство...
Ко всему приложим руки!
Для всего найдем лекарство!»

На желанную поездку
Сберегая грош последний,
Всем друзьям совал повестку,
С ней слетал в уезд соседний.

В возбужденье чрезвычайном
Собрались учительшки,
На собрании на тайном
Обсудили все делишки:

«Стой на правом деле твердо!»
«Не сморгни, где надо, глазом!»
Мчит герой наш в Питер гордо
С поручительным Наказом.

Вот он в Питере. С вокзала
Мчит по адресу стрелюю.
Средь огромнейшего зала
Стал с Наказом под полою.

Смотрит: слева, справа, всюду
Пиджаки, косоворотки...
У доверчивого люда
Разговор простой, короткий.

«Вы откуда?»— «Из Ирбита».
«Как у вас?» — «Да уж известно!»
Глядь — душа уж вся открыта,
Будто жили век совместно!

Началось заседание.
И на нового соседа
Наш земляк глядит с улыбкой:
Экий, дескать, непоседа!

Повернется, обернется,
Крякнет, спросит, переспросит,—
Ухмыляется, смеется,
Что-то в книжечку заносит.

Франтоват, но не с излишком,
Рукава не в рост, кургузы,
Под гороховым пальтишком
Темносиние рейтузы.

Тараторит: «Из Ирбита?
Оч-чень р-рад знакомству с вами!»
И засыпал и засыпал
Крючковатыми словами:

«Что? Наказ?.. Так вы с Наказом?..
Единение?.. Союзы?..
Оч-чень р-рад знакомству с вами!»
Распиналися рейтузы:

«Мил-лый! Как? Вы — без приюта?..
Но, ей-богу... вот ведь кстати!
Тут ко мне... одна минута...
Дело все в одной кровати...»

Не лукавил «друг-приятель»,
«Приютил» он друга чудно.
Где? Я думаю, читатель,
Угадать не так уж трудно.

Съезд... Сановный покровитель...
Встречи... Речи... Протоколы...
Ах, один ли наш учитель
Не увидел больше школы!

УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД В 1925 г.

Соратнику

*Вчера состоялось заседание сеньёрен-
конвента.*

*(Хроника учительского
съезда.)*

Он юношески бодр, не по летам проворен.
Средь пестрых диаграмм, плакатов, красных лент
Бежит, торопится...

«Не опоздать в сеньёрен-
Конвент!»

С безмолвной нежностью гляжу я вслед «сеньёру».
Худые валенки, потертый пиджачок...
— Родной, ты ясен мне и люб без разговору,
Как на груди твоей, дающий нам опору,
Портретный ленинский значок!

Пусть будет этот стих моим простым приветом
Тебе, с кем творческий союз на съезде этом
Отныне закрепив, его мы сохраним,
Навеки спаяны одним
Великим «ленинским заветом»!

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у *Горок*¹,
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

¹ Г о р к и — подмосковная деревня, где скончался В. И. Ленин.

ДВА УГОЛЬКА

Сказка

Жили-были старик да старуха.
Не было у них ни пера, ни пуха.
Никакого добра:
Ни кола, ни двора,
Ни медной полушки,
Не было хлеба у старика и старушки,
Чтобы прятать его в сундучок
Под крючок.
Не было хлеба краюшки
У старика и старушки,
И сундучка у них не было, где б
Хранить могли они хлеб.

Не было у старика и старушки
Своей избушки
С уголком особым, в котором
Хлеб хранился б у них в сундучке под запором,
И не было у них клочочка земли,
Где б избушку они построить могли.

Будь у них, хоть худая, избушка,
Уж наверно б старушка
Со своим старичком
Обзавелись сундучком.
В сундучке ж — хоть какая б нужда привязалась—
Корка хлеба, наверно, всегда б оказалась.

Но у них ни земли не имелось клочка,
Ни избушки, ни сундучка.
И таких бедняков не встречалось боле,
Кто б завидовать мог незавидной их доле.

Не о том, однако, старики горевали,
Что не всюду им хлеба кусок подавали:
Тем была их судьба особенно сурова,
Что у них своего не имелось крова.
Люди все же не звери:
Не везде закрывали пред нищими двери,
Даже лишний давали порой ломоток,
А случалось, так даже и бражки глоток.
Старики всё ж почли бы за лучшее —
Не поест в ином случае
И в отрепье своем походить хоть на пугал,
Но — иметь свой угол,
Иметь свой угол,
Где б могли они после бродяжного дня
Свои старые кости погреть у огня.

Четыре стены простого жилища
Важней человеку, чем пища, —
Четыре стены человеку дают
Приют.
Четыре стены — это радость огромная,
Без них человек, что собака бездомная,
Бездомные ж люди бедным-бедны.
Четыре стены!!.

Однажды зимою
Старичок со старушкой женою
В некий праздничный вечер, — а в вечер такой,
Когда праздничный всюду наступает покой,
Для бездомных людей и голод чувствительней
И холод действительней, —
В этот вечер старик со старухой, голодные
И холодные,
Кряхтя и дрожа, озираясь в тревоге,
Шли по темной дороге.
И попался им вдруг у каких-то ворот

Весь облезлый, мяукавший жалобно кот,—
На нем кожа да кости, а шерсть — две шерстинки
На четыре плешинки.
А вот будь у кота его шерсть попышнее,
Так была б его кожа нежнее,
А была б его кожа нежнее,
Не пристала б она к его ребрам так плотно,—
Не пристала бы кожа к ребрам так плотно,
Кот бы жил беззаботно,
Был бы он боевым мышеловом,
Бодрым, сытым, ну, словом,
Не имел бы такого печального вида
Кота-инвалида.
Но, костлявый, горбатый и шерстью не пышный,
Он, понятно, был кот никудышный.

Богачи к богачам хлебосольны,
А для бедного — грошик, и то — раз в году.
Бедняки, не в пример богачам, сердобольны
И отзывчивы крайне на чужую беду,
Коркой хлеба последней делясь без отказа.
Старичок со старухой вспомнили сразу,
Как кота увидали,
Что им сала кусок люди добрые дали.
«Бедный котик! — старуха сказала.—
Кис-кис-кис! На, покушай вот сала!»

Подкрепившись, кот — погляди ты, каков! —
Зашагал молодцом впереди стариков
И привел их среди ночи глухой, непробудной
К одинокой хибарочке, темной, безлюдной.
Кот в хибарку веселым прыжком,
А за ним старичок со старухой — шажком.
Осмотрелась в хибарке семейка.
Печь. Пред печью — скамейка.
Посидеть есть на чем.
Заиграл было месяц на печке лучом,
Осветив всю хибарочку бледно.
Луч сверкнул и погас. Стало снова темно.
А с лучом заодно
Кот исчез вдруг бесследно.

Била зимняя слякоть в окно.
И, казалось, конца уж не будет ненастью.
Печь зияла раскрытою черною пастью,
Вид холодный и злобный храня
Без огня.
«До чего же погода плохая, —
Простонала старуха, вздыхая, —
Дождь и снег вперемешку.
Если б нам хоть одну головешку...
Головешку хотя бы одну...
У огня мы бы вспомнить могли старинну».
«Есть что вспомнить. Того ли мы ждали,
Чтоб порой не иметь даже хлеба куска!»
«Жизнь счастливая вот уж, казалось — близка!..»
Так вдвоем старики, пригорюнясь, мечтали.
А кругом были — холод, и мрак, и тоска.

Вдруг в печи — что же это? —
В глубине ее где-то
Ярко вспыхнули два огонька,
Два волшебных, живых, золотых уголька,
Два уголька!
«Вот ты бредила, мать, головешкой, —
Старичок усмехнулся счастливой усмешкой. —
Что ж ты, бабка Авдотья?
Долго кутаться будешь в лохмотья?
Ну, тогда отодвинься и стынь,
Коль из печки не чувствуешь теплого духа».
«Как же! Чувствую!.. Чувствую!.. Сразу —
теплынь! —

Отвечала старуха,
То одну, то другую ладонь
Наводя на огонь. —
Не подуть ли, чтоб все разгорелось дружно?»
«Что ты! Что ты! Не нужно!
Угольки тогда могут быстрее сгореть.
Будем греться всю ночь и на угли смотреть!»

Старики у огня до утра согревались
И всю ночь на огонь любовались.
А когда же ночная ушла темнота,

То открылося пред старичками,
Что всю ночь проглядели они на kota,
Согреваясь его золотыми зрачками!

Так нашло подтверждение
Чье-то «мудрое» крайне суждение
Среди многих красивых, но шатких идей,
«Как закон, непреложное»:
«Все богатство и счастье бедных людей —
Вера их в невозможное.»

Эту сказку с моралью такой «непреложной»,
Но в советские дни оказавшейся ложной,
Я выудил в белой газете ¹.
«Счастье бедных? Цена ему — ломаный грош».
Нет надежды, чтоб лучше жилось им на свете.
Эмигрантам сюжет показался хорош.
Невдомек им, что сказочка эта кусается,
Что уж если кого она близко касается,
То касается собственно их.

— Твоя от твоих!—

Господа беглецы закордонные!
Вашей сказкой бью вам челом.
Это вы же проводите ночи бессонные
В черной скорби, в мечтах о былом.
Там, в краях чужедальних, бродяги бездомные,
«Мемуары» наплакали вы многотомные:
«Полководцев имели... Имели войска...
Уж победа, казалось, была так близка...
Колокольни Москвы из Орла уж видали...
А теперь... Ах, того ли, того ли мы ждали?!»
Безнадежность! Тоска!

Но, иначе,
По газетам по белым выходит иначе.
Манит печка советская. Издалека
В этой печке им чудится два уголька.
«Мать честная! Царица!
Что из этих из двух угольков возгорится?»
Глядь-поглядь, разыгралась фантазия

¹ Кадетская газета «Руль». Сказка «Богатство бедных».

(Я иные статейки для смеха храню!):
«Вот какие творятся в Москве безобразия!
Власть советская — крышка! — гниет на корню!
Мужики, мол, теперь спохватилися.
Научили их разуму злые года.
Всюду стоны: «Скорей бы, скорей возвратилися
Настоящие к нам господа!»

Вот,— орут господа из газеты в газету
(«Господа», у которых пристанища нету,
Нету «дома» — усадьбы! — и нет сундука),—
Вот,— орут они,— сколько тепла нам и свету
Посылают российские два уголька!
Вот! «Свершается!..» — «Мы — накануне момента!..»
«Впереди угольки...» — «Ждите добрых вестей!»
Угольки ж, на проверку, не стоят ни шпента.
Это просто вралей патентованных рента,
Брех обыкновенный «рижского корреспондента»
Из *«Последних (живущих враньем) новостей»*.

«АХРАРОВЦЫ»

Посвящается выставке АХРР

(Ассоциации художников революционной России)

Отложив на часик политику,
Пускаюсь в «художественную критику».
Знатоки найдут в ней много банальности,
Но ведь я пишу не по своей специальности,
А пишу потому — хоть писать не с руки, —
Что молчат «знатоки».

Объявились такие архаровцы,
— Виноват, «ахараровцы»! —
Художники новые,
Люди очень бедовые,
Ударившиеся со всех четырех копыт
В революционно-советский быт.
Они этой зимою
Бьют челом нам выставкой — шутка ль? — седьмою!

Оглядел я выставку эту.
До чего хороша по сюжету!
Насчет тени, фона
И тона,
И насчет светового канона
Я судить не берусь:
На канон я гляжу, как на молнию гусь.
Не учен. Непонятно.
В светотенях не смыслю, увы, ни аза.
Знаю только: вот это смотреть мне приятно,
А вот это мне режет глаза.

Но на выставке этой,
Ни одним «знатоком» не воспетой,
Все глаза мне ласкало,
Все мне в сердце запало.
Разве этого мало?

Вот картина какого-то парня
«Солеварня».
Вот в бою «Партизаны»
(Что за лица! Герои! Титаны!),
Вот отважный вояка «Рабкор»,
Вот «На кухне» прислуга ведет разговор
(Тетка в девку вонзилась в упор
С испытующе-едкою миною).
Залюбуешься этой чудесной картиною!
Вот стоит у корыта убогая «Прачка»,
Вот — при старом режиме «Рабочая стачка»,
Вот и «гвоздь» — «Заседание сельской ячейки»:
На эстраде у стенок скамейки,
На скамейках четыре Антипа,
«Выступает» оратор обычного типа,
Может быть, не совсем разбитной,
Может быть, красной не ахтителный,
Но — такой бесконечно родной,
Но — такой умилительный!
Вот кошмар бытовой — «Беспризорные дети»...
Все картины прекрасны, не только что эти!

Вспоминаю далекие дни.
Были пышные выставки, где искони
«Мастера» выставялись одни,
Мастера, опьяненные славою.
Но все выставки прежние — были они
Буржуазно-салонной забавою.
Все газеты вопили, да как, не по дню,
По неделям, по месяцам — важное дело:
«Гениально! Божественно! Дивное «ню»!»
«Ню»! А попросту — голое женское тело.
Что на выставках было? Портреты кокеток,
На подушках на шелковых морды левреток,
Виды храмов, дворцов и дворянских усадеб,

Сцены жизни дворянской — обедов и свадеб,
«Натюрморты» — десерт и букет хризантем,
Иллюстрации пряные книг соблазнительных...
Сколько тем! Сколько тонко-изысканных тем,
Для дворянского сердца родных, упоительных!
И каков был тогда — тошно вспомнить, каков —
Подхалимски-восторженный визг «знатоков»!!

Нынче чуть не один Петр Семенович Коган
Был ахраровской выставкой нежно растроган
И сказал настоящее слово о ней.
(Почему нет в газетах его манифеста?
Разве нету в «Известиях» Вциковских места?)

Эй, ахраровцы-друзи, гребите дружней!
И учите других, и учитесь сами,
Чтобы в будущем нас подарить чудесами,
Чтоб писать еще красочней, ярче, сильней.
Вы на верной и славной дороге.
Ваша выставка тем и важна и сильна,
Что рабочим — Ивану, Демьяну, Сереге —
Много бодрого, яркого скажет она.

Я же вам, хоть не смыслю ни капли в то-
нальности,

Я скажу: «Среди вас уже есть мастера.
Ваша выставка — правда. А правда — сестра
Гениальности!»

КЛЯТВА ЗАЙНЕТ

Поэма

1

Вошла и сказала ему: «Саламат!»
Мирза потянулся и хмыкнул в халат.
Жена у Мирзы — хоть картину пиши.
— Якши!

Жена у Мирзы — его третья жена —
Юна и, как тополь высокий, стройна.
Средь женщин узбекских прекраснее нет
Зайнет.

Узбекам, двум братьям ее удалым,
Большой за нее уплатил он калым,
И третий замок он навесил на дверь
В ичкерь.

2

Под присмотром свирепой свекрови,
Злобно хмурившей брови,
Проходила Зайнет, прикрываясь чадрой,
Мимо — страшно сказать! — «Комсомола»,
Где, гудя, как пчелиный встревоженный рой,
Жизнью новой бурлила советская школа,
Где на все голоса и лады

Нараспев повторяли, твердили склады
Из украшенной ленинским обликом книжки
Черноглазые бой-ребятишки:
«Ну-дыр-бай бай-ляр-дан ер-ал-ды
Ек-са-ляра бер-ды...»

Дома, сонный, обрюзглый, помятый,
Ждал Зайнет ее муж и владыка, Мирза.
И вздохнула Зайнет, опуская глаза:
«Пр-ро-клятый!!»

3

«Велик Алла!
Велик Алла!» —
На минарете пел мулла
Святой напев молитвы краткой.
Презрев домашний произвол,
Зайнет вбежала в «Комсомол»,
Скользнувши в дверь, как тень, украдкой.
«Зайнет! Откуда ты, скажи,
Пришла домой без паранджи?
Ты осквернила дом изменой!
Где ты была, шакалья кровь?» —
Шипела яростно свекровь,
Кривя злой рот, покрытый пеной.

И отвечала ей Зайнет:
«Была я там, где светит свет,
Где учат ленинским законам,
Где объясняют, как найти
К свободе верные пути
Узбекским девушкам и женам!»

А через день тупой Мирза,
Покорных жен своих гроза,
Рычал от злости и от боли:
Он потерял Зайнет-жену.
Зайнет бежала в Фергану,
Зайнет спаслася от неволи!

Год тяжкого труда — по дням и по ночам —
 Прошел, как светлый сон, для боевой беглянки.
 С какою верою живой ее речам
 Внимали бедные дехканки!

На фронте — шла она в разведку и в секрет.
 И басмачи не раз бранились бранью злобной:
 «Поймаем — пуля в лоб! У красных больше нет
 Другой разведчицы подобной!»

Рвалась к подвигам — и тем была жива,
 Всегда — на скакуне иль полковой двуколке.
 И легендарная уже росла молва
 О черноглазой комсомолке.

Хмурый Мирза в Фергане
 В грязной сидит чайхане,
 Полон замыслом темным.
 Дал, не скупясь, он монет,
 Кун за убийство Зайнет,
 Двум убийцам наемным.

Был их ответ: «Потерпи,
 Мы уж разыщем в степи
 След твоей комсомолки!»
 Ночью, напавши на след,
 Смяли узбеки Зайнет,
 Словно дикие волки,

Рвали, оскалив клыки,
 Жилы из левой руки,
 — Будешь вечно калека! —
 В шею, дробя позвонки,
 Острый вонзили клинок
 Два преступных узбека.

Прошло пять месяцев. Ферганская больница.
 Зайнет — в повязках вся, лицо — кровавый струп.
 Нет, не кошмарный сон ей снится,
 Она — калека, полутруп.

Блуждает взор, и речь Зайнет звучит невнятно,
 Слух острый притуплен, трясется голова.
 Врачи дивятся: «Непонятно,
 Как ты осталась жива!»
 Зайнет свезли в Москву. Москва сильна наукой.
 Зайнет возвращены и речь, и взор, и слух.
 И в комсомолке однорукой
 Зажегся вновь бунтарский дух.

«Коммуниверситет трудящихся Востока»
 Зайнет мерещится во сне и наяву.
 У гроба нового пророка
 Она сказала: *«Я живу!»*

*И ты — живешь во мне заветами твоими.
 На родине моей — в кишлак из кишлака —
 Дехканкам темным я их понесу, пока
 Сумеет начертить твое родное имя
 Моя последняя рука!»*

Пояснение некоторых слов:

Саламат — приветствие. *Якши* — хорошо. *Калым* — выкуп за невесту. *Ичкерь* — внутренний двор. *Дехканки* — крестьянки. *Чайхана* — вроде чайной. *Кишлак* — деревня. *Паранджа* — лицевое покрывало. *Кун* — награда за месть.

ДРЕССИРОВАННЫЙ

Известный белогвардейский и бывший кавалерийский генерал добровольческой армии Шкуро выступает теперь в цирке в Париже с труппой из казаков, под видом наездников.

(Из газет.)

Средь разоренных сел и брошенных полей
От тифа и от пуль уж не валятся трупы.
Шкуро, готовивший России мавзолей
По воле биржевых царей и королей,
Донской стотысячной уж не составит «труппы».

Но... он готов на все за выгодный куртаж.
Парижский цирк, так цирк! Какого, дескать, хрена!
Ведь должность у него по существу все та ж,
И только сузилась арена.

Белонаездников, увы, не то число,
И не Москва — приманка в виде приза.
Ах, время множество мечтаний унесло!
Но... то ж, продажное, осталось ремесло!
И та ж, «парижская», осталась антреприза ¹.

— Ха-ха! «Наездничек» Шкуро, на сцену — в строй!
Признаться, даже мне, врагу, звучит обидой,
Что этакий, ха-ха, бандитский «волк», «герой»
Стал дрессированною гнидой!

¹ Театральное предприятие.

ОБРАТНЫЙ НАМЕК

*Английская эскадра в июне с. г. посетит
Ревель (Эстония) и Ригу (Латвия), где оста-
нется до половины июля.*

(Из газет.)

В просторах Балтики, средь северных широт,
У «вольных» городов, у Ревеля и Риги,
Английский бронтозавр раскроет хищный рот
На две приманчиво лежащие ковриги.

«Х-хам! Х-хам! Глотнуть? Аль не глотнуть,
А только... тонко намекнуть?»

И... в нашу сторону скосит свои гляделки:
«Что, Эсесерия? Поймешь?»

*

Почтенный бронтозавр, нас этим не проймешь!
Твои — такие ли? — видали мы проделки.
Намеки все твои поймет дурак любой.
Слов нет, что жалко нам «пригретого» тобой
«Демократичного» латвийца иль эстонца.
Но мы, спокойные, у нашего оконца —
С серпом и молотом в руке
(Не забывая о штыке),
Мы склонны речь с тобой вести на языке
Тож презрядного героя-оборонца,
Советского бронечервонца.
В нем, как его ни поверни,
Упрешься ты в закал «хозяйственной брони»,
От укрепления которой — прямо скажем!—

Нас пробуют отвлечь, кто — страхом, кто —
шантажем,

Забыв о мощи той страны,
Где неразрывно сплетены
Стаж трудовой с военным стажем:
*За каждым плугом и станком
Стоит советский военком!*

НАНЯЛСЯ — ПРОДАЛСЯ

Получил я намедни письмо от приятеля,
Постоянного моего читателя.
Пишет он мне: «Дружище!
Умеешь ты браниться — не надо чище, —
Раздраженный попами да иконами,
Эвон в газете сколькими фельетонами.
Да каждый фельетон в пол-листа.
Крыл почем зря... Иисуса Христа,
Подстилал ему колючки, вместо вайи,
Изобразил его отпетым лжецом,
А насчет австрийского лжеца Матайи
Не обмолвился ни одним словцом.
Неужто, язвы его короста,
Не покроешь ты этого прохвоста?
Оставь на время евангельский хлам
И вернись к очередным делам.
Распиши нам этого Матайю-идиота.
Очень нам посмеяться охота!»

*

Привел я письмо приятеля без искажения,
Несмотря на его неделикатные выражения.
Что с него взять? Разумная голова,
Но дипломатией не занимался от века.
Пусть господин Матайя не обидится на слова
Простого русского человека.
И опять же тому сам Матайя виной,
Что взамен громового политического эха

«ИНЦИДЕНТ ИСЧЕРПАН»

Австрийское министерство иностранных дел взяло обратно все выдвинутые господином Матайя против СССР обвинения.

Советский поверенный в делах Коцюбинский в связи с этим сообщил, что советское правительство считает инцидент исчерпанным.

Конец спору.

Попал я, как говорится, «к шапочному разбору».

Оказывается, Матайя «по неосторожности»

Говорил как о «факте» — о «фактической возможности».

Теперь признанием, что «возможность» не «факт»,

Восстановлен нарушенный такт.

Я со своей стороны приватно

И деликатно-деликатно

Выскажу свою точку зрения:

«Инцидент исчерпан»... до его повторения.

ВСМОТРИТЕСЬ! ПРИСЛУШАЙТЕСЬ!

Привет дорогим гостям, немецким рабочим, приехавшим к нам убедиться в несостоятельности противосоветской клеветы, распространяемой буржуями и их подголосками.

Мы пережили ряд отчаянных годин
В огне войны, в кольце блокады.
Отпрянули от нас проученные гады.
Но мы не вырвались досель на миг один
Из подлых, липких паутин
Зло-клеветнической осады.

Давясь отравленной слюной,
Клевещут «господа». Но особенно звонок
Лай клеветнический, протяжно-заливной,
Их пуделей ручных и комнатных болонок.

Беззубый Каутский, чьи мутные зрачки
Затмила ненависть, брюзжит и брызжет ядом
И ставит желтые, фальшивые очки
Пред пролетарским зорким взглядом.

Товарищи! Ваш взор теперь не затемнен.
Соединило нас общение живое.
Смотрите, сколько лиц под заревом знамен!
Да будет же двойным позором заклеямен,
Кто где-то в эти дни исходит в диком вое!

Смотрите, с радостью доверчивой какой
Встречает братски вас рабочая столица!
Сжимая сотни рук мозолистой рукой,
С ответной ласкою взгляните в эти лица!

Смотрите им в глаза, прислушайтесь к словам.
Правдивы — каждый взгляд и каждое их слово!
Здесь нет коварства, лжи, испуга, рук по швам.
Герои двух фронтов навстречу вышли вам,
Вчера — военного, сегодня — трудового.

Бойцы, свершившие в грядущее пролом,
Вот кто мишенью стал для бешеных нападок
Всей банды хищников, чьи помыслы — в былом,
И трупы чьи сметет железным помелом
Коммунистический порядок!

ПАМЯТИ МИЛОГО ДРУГА, БОЕВОГО
ТОВАРИЩА

Друг, милый друг!.. Давно ль?.. Так ясно вспоминаю:
Агитку настрочив в один присест,
Я врангельский тебе читаю «Манифест»:
«Ихь фанге ан. Я нашаинаю».
Как над противником смеялись мы вдвоем!
«Ихь фанге ан!.. Ну до чего ж похоже!»
Ты весь сиял: «У нас среди бойцов — подъем.
Через недели две мы «нашинаем» тоже!»
Потом... мы на море смотрели в телескоп.
«Что? Видно врангельцев?» — «Не видно. Убежали».
Железною рукой в советские скрижали
Вписал ты «Красный Перекоп»!

И вот... нежданно-роковое
Свершилось что-то... Не пойму.
Я к мертвому лицу склоняюсь твоему
И вижу пред собой... лицо живое!
Стыдливо-целомудренный герой...
Твой образ вдохновит не одного поэта.
А я... Дрожит рука... И строк неровный строй
Срывается... И скорбных мыслей рой
Нет сил облечь в слова прощального привета!..

РАЗГАДКА

«Октябрьским» праздникам не все, не все им рады,
Не все любят на красные парады.

В то время как одни
Восторженно встречают эти дни,
Другие предаются плачу,

Пытаясь разрешить мудреную задачу:
«Какие силы нас спасут? Какой герой?
Доколь советскую терпеть мы будем участь?
Когда же рухнет он, проклятый новый строй?
Чем объяснить его проклятую живучесть?
В чем зло? — шипят они. — Разгадка в чем?
Ну в чем?!»

Шипят, наморщивши прожухлые морщины.

А молодая жизнь играет, бьет ключом,
И «новый строй» — у новой годовщины!

Да, были времена!..

И поучительна седая старина.

«Душа» народная сегодня ли раскрыта?
От пра-пра-прадедов идет народный сказ,
В нем — поэтический показ

Простонародного мучительного быта.

Не князьки грамоты, не летописный свод.

Что мог он записать, неграмотный народ?

С усмешкой горькою и прибауткой грустной
Он душу отводил в побаске, в сказке устной,
С искусством гения зашифровавши в ней
Мечты о красоте грядущих светлых дней.

Бывало, сколько раз бывало:
Великий государь, боярин или князь
Дремал, под пышное забравшись одеяло,
А дед-баюн, скосясь на дрыхнущее сало,
До полночи пред ним плел сказочную вязь.
Привыкнувши всю жизнь таиться и бояться,
Пред сильными ползя ползком, ложась ничком,
Мужик прикинуться умеет дурачком,
Когда над сильным он захочет посмеяться.

А в сказке был ему простор:
Он в сказке шельмовал царя и царский двор,
Бояре были все прямые остолопы,
С холопами — цари, а пред царем — холопы.
И всех — царя, бояр — дурачил кто? — сморчок,
Не фряжский принц, не князь Тверской или
Смоленский,

А так — парнишка деревенский,
Запечный богатырь, Ивашка-дурачок!

Нет, сказка не была пустою балагурью.
И «дурь» мужицкая была особой дурью.
Ни змей-горынычей, ни окиянских бурь
Не трепетала эта дурь,
На трудный подвиг шла, на страшные мытарства,
Нырjala в глубину, взлетала в высоту,
Чтоб оттягать себе царевну-красоту

И за царевною — *полцарства*.
Жар-птицей бредила, ослепши в темноте.
Дворцы ей снилися — в бескрайной нищете,

Сгибаясь под господским гнетом,
Искала для борьбы *дубинку-самобой*
И, бездорожная, в лазури голубой
Летела птицей в край любой,

Обзаведясь *ковром* — волшебным *самолетом*.
Голодную, сомлев от барского тягла,
На отдых в хижину свою она брела,
Голодную в тягло впрягалась спозаранку,
Но в сказочных своих мечтах изобрела

Усладу, скатерть-самобранку;
В обычай стало ей пить мертвую, когда

Дни мертвые ее из рук вон были худы,
Но песенку про то, что кончится беда,
Что где-то — поискать — *живая есть вода*,
Ей пели *гусли-самогуды*.

Порою клином ей сходилася земля,
Но оттого не став угрюмой нелюдимкой,
А сердце сказкою-утехой веселя,
Спасалася она под *шапкой-невидимкой*,
Срывалась с места, «шла вразброд»
И грела кистенем «лихой боярский род»
Под боевую переключку:
«Сарынь на кичку!»

Не слышно клекота двуглавого орла,
Истлели когти, клюв, два сломанных крыла.
Русь черносошная доверилась Советам:

Они несут ей всё, чего она ждала,
Согласно сказочным заветам.

Жар-птица?! Вот она, гляди:

С гербом советским на груди
Горит несчетными огнями!

Жар-птицей овладеть — все ночи станут днями.

Русь темная была и — поросла быльем:

Все наши города, посадки, деревушки,

До самой худенькой избушки и клетушки,

Не брезгуя ничем, ни хлевом, ни жильем,

Мы электричеством зальем!

Сверкай, советская деревня и столица!

Свет электрический — чем не твоя *жар-птица?*

Теперь любуйся: вот она перед тобой

Волшебная *дубинка-самобой!*

Враг знает, больно как дубинка эта бьется,

Что Красной Армией зовется!

Вот артиллерия, вот конные полки,

Вот комсомольский цвет — герои-моряки,

Вот неоглядные ряды стальной пехоты,—

Над ними, в облаках, смотри, вблизи, вдали,

Стальные реют журавли,—

То наши *чудо-самолеты!*

А вон по целине — на поприще ином —
Идет волшебник-агроном,
Целитель пахоты больной, ученый знахарь:
Он знает, за какой землей уход какой,
И знает он, что *клад* мужицкий под рукой,
А рядом богатырь, железный *самопахарь*,
Прабабушке-сохе гудит заупокой.
Стихает здесь и там мужичья перебранка;
Трехполье тощее оставив позади,
Дивятся мужики, что их земля, гляди,

Взаправду *скатерть-самобранка!*

А вон в избушке Пров, Авдотья, Клим, Панкрат
Умильно слушают волшебный аппарат.
Деревне по сердцу советские причуды!
Москва по радио ей голос подает,
Про все, что деется на свете, знать дает:
То наши *гусли-самогуды!*

Ивашка-дурачок, парнишка боевой,
Полцарства добывал, рискуя головой.
Ан вечно — на престол лишь заносил он ногу —

Какой-то заяц роковой

Перебегал ему дорогу!

Но был он выручен другим богатырем:
Рабочий, бившийся без устали с царем,
В час горький подоспел Ивашке на подмогу:
«Эй, паря-простота! Чудак же ты, ей-богу!
Полцарства ты хотел? Все царство заберем!»
«Все царство? — отвечал Иващка. — Тож не худо!»
Вот было чудо!

Это чудо

Зовется «*Красным Октябрем!*»

Так пролетарская решила все замашка:

«Дворцами бредил ты, Ивашка!

На, получай дворец, где не жились цари!»

И вот в Ливадии всем мужикам — смотри! —

Рабочий преподнес, а не святой Егорий,

Дворец — крестьянский санаторий!

«Души» мужицкой — в том господская беда —

Не разгадали господа.

А сколько делали они лихих попыток,
Чтоб от нее иметь свой даровой прибыток!

За непокорное земное житие
Грозили ей в церквах заgrabной божьей мeстью
И насмерть отравить пытались ее
 Патриотическую лeстью.
Порфиноносные российские цари
Не раз пытались ей, жующей сухари,
Внушить великие славянские начала:
 «Христолюбивая! Вперед!
 За Русь святую!» Но молчала
Христолюбивая, воды набравши в рот.
А те, чьи черепа пустые малоёмки,
Твердили, что *«душа народная — потёмки»*
И русский-де народ — *«загадочный народ»!*
 Загадка для господ была неразрешима —
Разгадка не совсем по вкусу им была.
И старина для них казалась нерушима.
Ан вот — вся старина разрушена дотла,
*Свершились наяву чудесные явленья,
И над седым Кремлем — залог осуществленья
Уже не сказочных, а ставших явью благ —
Горит-полощется советский красный флаг!*

ХОРОШО!

Хищение, растраты и др. злоупотребления в кооперации получили значительное распространение, создав в некоторых местах серьезную угрозу общественным основам кооперации, особенно в нижней ее части. Для борьбы с этим злом ЦК ВКП(б) в числе ряда мероприятий предлагает обратить внимание органов ЦКК и РКИ на необходимость усиления мер возыскания в отношении членов партии, виновных в хищениях в кооперации.

(Из партийной жизни.)

РАСТРЕЛЫ ЗА РАСТРАТУ

Тверь, 5 января. На днях губсуд вынес два приговора к высшей мере наказания над растратчиками: бывшим заведующим тверским отделением Госсельсклада Филером, растратившим около 10 000 р., и бывшим заведующим тверским отделением ленинградского союза потребительских обществ Тихомировым, растратившим 8 000 р.

(«П р а в д а», 6 января 1926 г.)

Мне гадалка пригадала

Хорошо.

Все мне прибыль выпадала.

Хорошо.

«Сам не свой король червонный!»

Хорошо.

«Затрещит карман евонный!»

Хорошо.

Завелся милок у милки.
Хорошо.
Коммунист из потребилки.
Хорошо.

Закружила коммуниста.
Хорошо.
Подарил он мне монисто.
Хорошо.

Вызвал ночью на крылечко.
Хорошо.
С изумрудом дал колечко.
Хорошо.

Преподнес потом сережки.
Хорошо.
Полушалок, полсапожки...
Хорошо.

В потребилке был он главным.
Хорошо.
Бесконтрольным, самоправным.
Хорошо.

Вина, фрукты, сласти — груда!
Хорошо.
Все тащил он мне оттуда.
Хорошо.

Баловал меня все лето.
Хорошо.
А уж я ему за это...
Хорошо.

Вдруг неожиданно — ревизоры.
Хорошо.
Мой милок — плести узоры.
Хорошо.

Он им тары-растобары.
Хорошо.
А они — считать товары.
Хорошо.

«Склад пустой!» — «Пустая касса!»
Хорошо!
«Воровство!» — «Подлогов масса!»
Хорошо!

Загребли мово милашку.
Хорошо.
Суд судил его, бедняжку.
Хорошо.

«Гражданин! Вы — злой растратчик!»
Хорошо.
«Суд растратам не потатчик!»
Хорошо.

«Оценивши показанья...»
Хорошо.
«К высшей мере наказанья!»
Хорошо!

Я надела полушалок.
Хорошо.
Обежала всех гадалок.
Хорошо.

Ах, беда моя — беда ли?
Хорошо.
Мне гадалки пригадали
Хорошо.

«Антирес выходит новый...»
Хорошо.
«Сам не свой король бубновый!»
Хорошо!

«Для такой, как ты, сударки...»

Хорошо.

«Разорится на подарки!»

Хорошо!

Дураков на белом свете...

Хорошо.

Есть «бубновый» на примете!

Хорошо!

«ТОВАРИЩ БОРОДА»

(Бытовое)

Взрощенный деревенским полем,
Обкочевавший все большие города,
Куда его гнала не роскошь, а нужда,
Он прозывается не Жаном и не Полем,
А попросту — «товарищ борода».
Ему уж сорок два, немалые года.
Он закалил свой ум и волю в тяжелой школе
Мучительной борьбы и черного труда,
«Товарищ борода».
Десяток лет батрацкого скитанья
По экономиям помещиков былых,—
Другой десяток лет голодного мотанья
Ремонтной клячею среди гула, грохотанья
Бегущих поездов и треска шпал гнилых, —
Хватанье за букварь, а после — за листовки,
«Тюремный курс» за забастовки,
«Февральский» натиск на царя,
Потом «Октябрь», потом — как не считал мозолей,
Так не считал и ран — защита «Октября»
От барских выроdkов, от Жанов и от Полей
И прочей сволочи, грозившей нам неволей.
Победно кончилась кровавая страда.
Мы обратились к хозяйственным основам.
Но где же он теперь, «товарищ борода»?
Усталый инвалид, негодный куда?

Нет, он — силач, ведет борьбу на фронте новом.
«Усталость? Чепуха! Живем в такой момент!»

Он нынче «вузовец», студент.

Штурмует знание. Такие ли препоны

Брать приходилось? А это что! Да-ешь!!

Он твердый коммунист. Такого не собьешь.

«Пускай там, кто сплошал, разводит вавилоны

О страшных трудностях при нашей нищете

И не рассеянной в два счета темноте.

Да мы-то — те или не те?

Какой там пессимизм? Какие там уклоны?

Понятно, трудности. Нашли скулить о чем!

Да новое — гляди! — повсюду бьет ключом.

За гуж взялись-то миллионы!

Народец жилистый. Взять нас, студентов. Во!

Не из дворян, не из дворянок.

Студенческий паек известен: на него

Не разгуляешься. Да нам не до гулянок!»

Разметил все свои часы — какой куда —

«Товарищ борода».

Он времени без толку не растратит,

Свой труд — и нынешний и будущий — ценя.

«Как выучусь, других учить начну. Меня

Годков еще на двадцать хватит.

Ведь замечтаешься: работа какова!

Откроюсь — что уж за секреты!—

Когда-то, засучив по локти рукава,

Случалось убирать господские... клозеты.

А нынче — разница! Сравни-ко: тьма и свет!

Да ежели бы мне не то что двадцать лет,

А жить осталось месяц, сутки,

Не опустил бы рук я, нет!

Работе отдал бы последние минутки!..

Я...» —

Тут, как девушка, зардевшись от стыда,

Он вдруг забормотал, «товарищ борода»:

«Учебник я уже... того... Мое творенье...

Послал в Москву на одобренье...

Волнуюсь очень... Жду ученого суда...»

Вниманью молодых товарищей-поэтов,
Что ищут мировых — сверхмировых! — сюжетов,
Друг другу темами в глаза пуская пыль.

Вот вам бесхитростная быль.

Коль ничего она не скажет вашей братье,

Пустое ваше все занятье!

Спуститесь, милые, туда,

Где подлинный герой — такой простой и скром-
ный —

Свершает подвиг свой огромный,
Советский богатырь, «товарищ борода».

ПАМЯТИ РЫЦАРЯ НАШЕЙ ПАРТИИ

Сердце щемит от известья бессмысленно-злого,
Рыцарь рядов героических пал в неустанной
борьбе.

Сердца последний удар и свое последнее слово,
Партия наша стальная, он отдал — тебе.

НЕПОВТОРИМЫЕ

Мы вдаль наши взоры вперяем
И, в пламени новых идей
Сгорая, теряем, теряем
Неповторимых людей.

Не стало вождя-рулевого
И многих не стало бойцов,
И чаще среди дела живого
Мы, сдвинувши брови сурово,
Хороним своих мертвецов.

Но с каждою тяжкой утратой
Теснее смыкая ряды,
Взрываем мы той же лопатой
Нетронутость почвы богатой
Для новой культурной гряды.

ЧЕРТОПОЛОХ

В Новосибирске 21 сентября закончился суд над 17 хулиганами, терроризировавшими рабочую окраину и нападавшими на комсомольцев.

Три хулиганских главаря приговорены к шестилетнему строгому заключению, остальные — на меньшие сроки с высылкой после отбытия заключения за пределы губернии.

На суде выяснилось, что в свое время прилагались немалые усилия к тому, чтобы вовлечь подсудимых в культурную работу. Но хулиганы были упорны. Например, один из них, Степан Губан, когда председатель культкомиссии предложил ему заниматься в кружке, насмешливо ответил: — Бутылку водки поставишь, тогда пойду!

Похабный весельчак, неотразимый «душка»,

Степан

Губан.

Дай водки пареньку, он выпьет целый жбан!

У молодца, что день, то пьяная пирушка.

Его зовут — ха-ха! — в какой-то культкружок

И книжечку суют. «А где ж пивная кружка?

Шалишь! Отчаливай, дружок!»

Не в мысль Губану, что от пьянства

До хулиганства —

Один прыжок.

Теперь Губан познал простую мудрость эту.

За хулиганский нрав и за бандитский зуд

Его привлек советский суд

К суровому ответу.

Пропойный прыщ плетет суду

Нескладную белиберду:

Он хочет на других, таких, как сам, парнишек,
Испуганных, завравшихся лгунишек,
Свалить свою беду.
Герой пивных и пьяных свалок,
В живом строительстве среди добротных балок
И крепких свай — гнилой, отброшенный чурбан,
Как безобразен ты и жалок,
Степан
Губан.

Все ухарство твое — оно насквозь гнилое,
В нем отрыгнулося былое,
Когда таких, как ты, и даже потемней,
Скулодробительных парней,
Питомцев кабака, разгульного кружала,
Деревня старая рожала.
В сивухе — цель твоя и прелесть жизни вся.
Погромной сволочью на пакости подзужен,
Кулацкий прихвостень, ты с темной силой дружен.
На кой ты леший нам сдался?
Кому — трепач такой — ты нужен?
Рабочий — в мастерской, крестьянин — на току,
Малыш — за книгою... Ты от картин подобных
Впадаешь в черную тоску.
Ах, много ухарей завистливых и злобных
Перевидал я на веку:
Под улюлюканье, и свист, и матершину
Я — сельский пастушок — шел в город «на машину».
Когда на прошлое свое я оглянусь,
Я снова вижу всю ослабленную гнусь,
Подобную тебе, от подвигов которой
Осталась у меня обида до сих пор.
Будь я твоим судьей, тебе со всею сворой,
Что служит прошлому опорой,
Безжалостный я б вынес приговор!
Так пахарь-труженик в борьбе с травой сорной,
Чтоб урожай не вышел плох,
Рвет, с корнем рвет рукой безжалостно-упорной
Весь мусорный бурьян и злой чертополох.

НЕ ТО РАСКАПЫВАЮТ

Раскопанный на берегу реки Буга, на месте древнегреческого города Ольвии, еще более древний город поражает своим благоустройством. мостовые города выложены крупным булыжником на цементе, дома построены кругообразно на массивном фундаменте... На домах обнаружены мраморные таблицы, с выбитыми на них именами владельцев... В амфорах обнаружены следы благовонных масел, вина и других жидкостей. Найдены изящные вазы, изготовленные в VI веке до нашей эры.

(Из газет.)

«Читали, а? — стонал один интеллигент.—
Благоустройство... Блеск... Булыжник и цемент...
Умели греки жить... Следы большой культуры...
Поди-ко-сь, никакой не знали «кубатуры»...
Достопочтеннейших владельцев имена
Чеканились на мраморных табличках,
Не то что в наши времена,
Когда владельцы все — у черта на куличках!..
Эх, золотая старина!
Под куполом белоколонным —
Амфоры, полные вина,
Сосуды с маслом благовонным!
Лазурь и линии божественные ваз,
Хрусталь и изумруд, ласкающие глаз!
Ах, боже мой, как было чудно!—
Интеллигент вошел в экстаз.—
А мы!.. Сравнить нельзя, как мы живем паскудно!»

*

Сравнить — не так, пожалуй, трудно.
За всеми древними амфорами с вином
Интеллигент забыл о пустяке одном,
 Не те нажал, выходит, кнопки.
Классический хрусталь,— он нам настрял в зубах.
Нам интересней знать, что говорят раскопки
 О дневногреческих... рабах:
 Какие «вазы» и «амфоры»
Несли с помоями в их каторжные норы
 И был во сколько «кубатур»
 Тот,— скажем мягко,— «зал колонный»,
Где их запарывал владелец их законный,
 «Древнекультурный самодур»?

ГРОЗИТ!

На мать-страдалицу и на детей голодных
Владелец шахт пустых и бездоходных,
 «Цивилизованный» бандит,
 С ухмылкой хищною глядит.
Но в сердце хищника — смертельная заноза,
И рана у него — она кровоточит!
Слепым отчаяньем звучит
Его трусливая угроза!
Грозит! Он все еще грозит!
Но — сквозь гниющий жир — его скелет сквозит!

БЛИЖЕ ГОДОМ

«Мы накануне перепалок
И передвижки всех кулис...»
«В колеса нам наставят палок...»
Для политических гадалок
Сегодня общий бенефис.
Во всех Европах — «атмосфера»:
Здесь — Муссолини, там — Ривера,
Пилсудский в роли сверхпремьера,
В Литве и то!.. Вдали, вблизи
«Демократическая эра»,
Как говорится, на мази.
У Чемберлена — погляди ты —
Как злоба рожу всю свела!
«Всеевропейские бандиты»
Творят бандитские дела.
В Берлине тоже — наших знай-ка!
Мы слышим лай — известно чей:
Блудливый «Форвертс» — пустолайка —
На нас клеветет всех звончей.
Тошнит от желтого бесчестья.
Ну, отплюемся. Не беда.
Для нас китайские известья
Звучат отрадней, чем всегда.
Но... только ль вести из Китая?
Вкруг нас глухая разве гать?!

Пусть вражья свора заклятая
Нас не торопится пугать.
Дела идут обычным ходом,
И нам пугливость не к лицу.
Милорды! Стало ближе годом
К концу. Не нашему концу!

ЗАВЕТ СРАЖЕННОГО БОЙЦА

*(Надпись на надгробном памятнике
советского дивкурьера т. Т. И. Нетте,
убитого белобандитами 5 февраля 1926 г.)*

Сраженный вражеским свинцом,
Я не последним был бойцом
Среди бойцов, погибших с честью,
Но смерть героям не страшна.
Смерть наша будет отмщена
Грядущей пролетарской мезтью.

ДВА МИРА

Что можно нам сказать о лордах?
Они учились в учнейших Оксфордах.
Они «джентльмены» искони,
Они «культурны» так! Они
Воротят нос от трудового поту.

Меж тем нескладную их ноту
С советской нотою сравни:
Здесь — так все метко, точно, веско,
Ни слова, сказанного резко,
Стиль — всюду выдержан и строг,
Спокойно-мужественный слог.
Там — каждая строка нас ложью поносила,
Здесь — все покоится на честной простоте.

*

*Так говорит в себе уверенная сила
Бессилью дряхлому, беззубой клеветел!*

Э К У Д И В И Л И , П О Д У М А Е Ш Ы

Вот так «великая держава адриатическая!»
Вот так гордая Муссолиния!
Вот так независимость политическая!
Вот так собственная линия!
Вот так Цезарь новоявленный,
Муссолини прославленный!
Какой — с божьей помощью — поворот:
Полез наш Цезарь в оскаленный рот
Своего английского патрона,
Как никудышная макарона!
Заглатывает Чемберлен макарону эту,
Конца ей — промасленной — нету,—
Назад Чемберлен оглянется —
Макарона бесконечная тянется,
Такая душистая,
Истинно-фашистая,
Насквозь гнилостной заразой отравленная,
Румынской приправой приправленная!
Вот она — гибкость фашистских колен!
Муссолини блеснул своим апогеем!

*

Поздравляем вас, мистер Чемберлен,
С новым лакеем!
Нам с того ни прибытку,
Ни убытку.
Прежде, в Италию посылая открытку,
(По случаю, скажем, фашистского погрома),

Точный адрес писали мы: «Рома»¹.
Нынче в Рим мы не станем соваться:
Будем к вам непосредственно адресоваться,
Не справляясь, кто
Подает вам с фашистским проворством пальто,
Прикрывает лакейски ваши секреты
И стоит на подножке вашей кареты.

Иными словами:

Никого мы не станем за глупости корить,
Что своими поступился правами.
Важно знать нам: с кем надо всерьез говорить?
С вами, так с вами!

А потом... Не один же фашистский есть Рим?
Ведь еще и другой — не фашистский — имеется?
Вот мы с ним — будет надобность — поговорим,
Но... уж, мистер, без вас, разумеется!

¹ Рома — Рим.

ТО ЖЕ ЮБИЛЯРЫ

Ботинки рваные и рваные штаны
Превосходительной шпаны.
Где шпоры звонкие? Где яркие лампасы?
Где генеральское рычанье и гримасы?
Где важность прежняя служаки трех царей?
Какой-то «хам», «лакей» «героя-ветерана»
Прочь гонит от дверей
Парижского ночного ресторана!

Но кто же этот грубый «хам»?
Ах, и его судьба лишилась постоянства!
Ла-кей!.. Гудит в ушах трактирный пьяный гам.
Ла-кей!.. А десять лет назад... в России... там...
Он, полный барственного чванства,
Был... предводителем дворянства!

Обоим в «Феврале» судьба сказала: «пас!»
Лишился звания один, другой — лампас.
По человечеству уж мы их пожалеем
На этот раз:
Эй вы, почтенные! Ха-ха! С февральским вас,
С десятилетним юбилеем!!»

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ
(Древнегреческая легенда)

Посвящается «Международной организации помощи борцам революции».

Прощался сын с отцом, со старым, мудрым греком.

Прижавши юношу к груди,
Сказал ему отец: «Клеон, мой сын, иди
И возвратись ко мне — великим человеком!»

Прошли года. Вернулся сын к отцу
В наряде дорогом, весь — в золоте, в рубинах.
«Отец, я стал богат. Счастливому купцу —
Не будет равного мне богача в Афинах!»
«Мой сын,— сказал отец,— я вижу, ты богат.
Не говорит, кричит о том твое обличье.
Но ежели б ты стал богаче во сто крат,
Не в этом истинно-бессмертное величье!»

Прошли года. И вновь вернулся сын к отцу.
«Отец, я знанье все постиг в его вершинах.
Мне, как первейшему на свете мудрецу,
Все мудрецы поклонятся в Афинах!»
И отвечал отец: «Ты знанием богат,
Прославлен будешь ты, быть может, целым светом.
Но ежели б ты стал ученей во сто крат,
Величье истинно-бессмертное не в этом!»

Прошли еще года. И в третий раз Клеон
Вернулся к дряхлому отцу, к родным пенатам ¹.
Но не один вернулся он,
А с братом, вырванным из вражьих пыток братом.
«Отец, я услышал его тюремный стон,
И я ускорил час его освобожденья!»
«Мой сын! Благословен день твоего рожденья!—
Клеону радостно сказал отец-старик.—
Смой кровь с себя, смени истлевшие одежды.
Ты оправдал мои надежды:
Твой подвиг — истинно велик!»

¹ Родные пенаты — домашний очаг.

РАЗГОВОР С РЕДАКТОРОМ
ПО ПОВОДУ ШАНХАЯ

Скворцов-Степанов мне звонит,
Иван Иванович мне бубнит,
Редактор-друг меня торопит:
«Брось! Пустяки, что чай не допит.
Звони во все колокола!
Ведь тут какие, брат, дела!»
«Что за дела? Ясней нельзя ли?»
«Шан-хай...»
 «Шан-хай!!!»
 «Кантонцы взяли!»
«Ур-р-ра, Иван Иванович!»
 «Ур-р-р...»
«Ты что там? Рот закрыл рукою?»
«Не то! Нам радостью такую
Нельзя хвалиться чересчур;
«Известья» — в этом нет секрета —
Официозная газета:
Тут очень тонкая игра.
Давай-ка лучше без «ура»,
Пиши пером, а не поленом,—
Над нашим «другом» — Чемберленом
Не измывайсь, не хохочи,
А так... чуть-чуть пощекочи,
Пособлезнуй мягко даже,
Посокрушайся, повздыхай:
«На кой-де леший в диком раже
Полезли, мистер, вы в Шанхай?»

Ведь было ясно и слепому,
Понятно мальчику любому...
А вас нелегкая... Ай-ай!
Добро б, какая-либо пешка,
Но вы... По вашему уму...»
Демьяша, злобная насмешка
Тут, понимаешь, ни к чему.
Пусть, очарованный собою,
К международному разбою
Он рвется, как рвался досель.
Не нам, себе он сломит шею.
Ведь он работою своею
Льет молоко на наш кисель:
Сейчас победно флаг народный
Взвился в Шанхае: «Рабства нет!»
А завтра весь Китай свободный
Пошлет нам дружеский привет!
Тогда ты можешь не без шика
Взять с Чемберленом новый тон».

.....
Иван Иванович, разреши-ка
Облечь все это — в фельетон?!

«ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЗАНАВЕС»

(Шутка)

«Муссолини утвердил протокол о захвате Бессарабии Румынией. Утверждение бессарабского протокола Италией обсуждалось при последнем свидании Муссолини с Чемберленом».

В паутине
 Тайных линий
 Подглядели
 Мы подмен:
На картине —
 Муссолини,
 А на деле —
 Чемберлен.

МЫ БУДЕМ ГОВОРИТЬ...

Кто нам ни угрожай и кто нас ни морочь:
«Культурных наций, мол, обязанность святая
Душить Китай» (как нас семь лет назад точь-в-точь!),
Но к удушаемым сочувствие питаю,
Мы будем говорить: «Бандиты! Руки прочь
От возмущенного Китая!»

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ

Спокойствие и выдержка — они
Всего нужней нам в эти дни.
Нас провоцирует разбойная ватага.
Но для решительного шага,
Чтоб вражий пыл унять и сбить гнилую спесь,
Настанет день, и мир тогда увидит весь,
Как сокрушительна рабочая отвага!

КИТАЙСКИЕ ТЕНИ

Писать мне тушью иль кармином?
Какие взять карандаши,
Чтоб дать эскиз — «Пред Чжан Цзо-лином
Подручный новый — Чан Кай-ши»?

Дыша коварством, скрытой мезтью,
Сидит разбойник матерой.
Пред ним навытяжку, честь честью,
Стоит кантонский экс-герой.

Поток взаимных многолетий,
С бандитом снюхался бандит.
За их спиною кто-то третий
На них восторженно глядит.

«ПАНТЕОН ВОЙНЫ»
(Буржуазная панорама)

Вчера из Франции в Америку отправлен так наз. «Пантеон войны» — огромная панорама, нарисованная на полотне. Полотно свернуто в трубку и имеет 16 метров длины.

(Из белых газет.)

«Вчера из Франции в Америку отправлен...»
Многомиллиардный долг? Нет! «Пантеон войны»
В шестнадцать метриков длины!
Вот — мертвый полк лежит, он газами отравлен.
Вот артиллерией деревни сметены.
Вот Марнские бои, вот у Вердена драма...
Ну, словом, дядя-Сам, пред вами панорама
Такая — нервы береги!
А вам ништо: «Давай военные долги!»
«Учтите ж, дядя-Сам, французское геройство
И жертвы, жертвы без числа!..»
А дядя-Сам молчит, — его такое свойство, —
И панорама, нет, его не потрясла!
Он — добр: расчетлив, но не жаден.
Но раз долги... плати, хоть лоб себе разбей!

*

Так хищник крупный беспощаден
К другому хищнику, который послабей.

«ПАНТЕОН РЕВОЛЮЦИИ»

(*Советская панорама*)

Академия художеств постановила соорудить к десятилетию Октябрьской революции грандиозную панораму «Взятие Зимнего дворца».

Панорама будет устроена на круглом дворе Академии художеств. После окончания празднования Октябрьской революции панорама будет демонстрироваться во всех центрах СССР.

Французы со своей, мы — со своей работой,
Тож «панорамочка» о том, как мы в бою
Капиталистов смыли: «Ф-фью!!»
Американцам тож с великою охотой
Мы панорамочку отправили б свою.
Вот, дескать, дядя-Сам: на эту штуку глядя,
Сообразите, милый дядя...
А он не глуп: сообразит.
«Нет,— скажет,— милые! Спасибо за визит!
Зачем же нам глядеть на то, что видеть больно,
Что может занести огонь... на наш чердак?
Про ваши подвиги и так
Уж мы наслышаны довольно!»

*

Жаль-жаль. Слыхали мы и прямо и окольно:
Буржуи в ужасе от наших панорам.
Для них наш «Пантеон» — «Октябрьский
тара-рам».
По-ихнему, у нас черт знает что творится.
«На вкус и цвет», как говорится...

КТО ВНУШАЕТ, А КТО МЕШАЕТ

(Внушение по радио)

Нью-Йорк, 10 апреля. В Бостоне были сделаны опыты внушения по радио. С центральной станции спикер в определенный час заявил многочисленным слушателям: «Я прошу вас выполнить то, что я скажу. Слушайте меня. Опустите руки. Теперь вы чувствуете, как ваши мускулы ослабевают».

Американцы предсказывают новому методу внушения величайшую будущность. Какие перспективы открывает, например, он для коммерческой рекламы, которая сможет одним возгласом по радио завлекать тысячи клиентов в магазины.

Капиталистские края.
Капиталистская наука.
Уже в Бостоне — ай-я-я! —
Какая выдумана штука!

Тебе, читатель, или мне
Однажды без предупрежденья
Начнут по радиоволне
Внушать иные убежденья!

Новинка эта не нова,
И не нова и тупорыла.
Секрет внушения Москва
Давным-давно уже открыла.

Капиталистская волна —
Чего б она ни навнушала!
Давно б весь мир трясла война,
Когда б советская страна
Внушеньям подлым не мешала!

НИКТО НЕ ЗНАЛ...

(«22 апреля 1870 года»)

Был день как день, простой, обычный,
Одетый в серенькую мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу.
Гордясь блеском камилавки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.
На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обновки,
Метались в ситцевом ряду.
На дверь присутственного места
Глядел мужик в немой тоске,—
Пред ним обрывок «манифеста»
Желтел на выцветшей доске.
На каланче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кольцу,
И солдатня под мат угарный
Маршировала на плацу.
К реке вилась обозов лента.
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.
Какой-то выпивший фабричный

Кричал, кого-то разнося:
«Прощай, студентик горемычный!»

· · · · ·
Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России... *Ленин родился!*

«ИДУТ НАВСТРЕЧУ»

Берлин, 22 апреля. (ТАСС). «Берлинер цейтунг ам Миттаг» публикует сообщение из Лондона о том, что за последние недели между Лондоном и Парижем происходит интенсивный дипломатический обмен мнениями по вопросу о создании новой англо-французской Антанты.

«В английских и французских политических кругах, — пишет газета, — явно чувствуется разочарование Лигой Наций, что толкает оба государства на установление вне Лиги Наций единой с Соединенными Штатами позиции в важнейших политических вопросах. Соглашение предусматривает, что Франция пойдет навстречу пожеланиям Англии и Соединенных Штатов в вопросе о морском разоружении, Англия пойдет навстречу желаниям Соединенных Штатов в вопросе об оборонительном характере политики держав в Китае, а Англия и Соединенные Штаты пойдут навстречу стремлениям Франции».

Все три — те этой, эта тем —
Стремительно «идут навстречу».
Из многих тем, опасных тем,
Особо эту я отмечу.

Движенье встречное планет
Всегда сулит — одно мгновенье:
Не встречу радостную, нет,
А — катастрофу, столкновенье!

ДА, ВСПОМНИТЬ ЕСТЬ О ЧЕМ
НА ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕМ ЮВПЛЕЕ «ПРАВДЫ»
(Полит-элегия)

Да, вспомнить есть о чем, и есть чем похвалиться.
В каких превратностях прошли пятнадцать лет!
Какие крепости успели развалиться!
Каких людей уж больше нет!

И сам я... Грустного сознания,
Увы, ни от себя, ни от других не скрыть:
Не те года, не та уж прять,—
И мне уж говорят: «Пиши... воспоминанья!»

Ах, «Правда» милая, тебе — пятнадцать лет!
Не радоваться как такому юбилею?
Но — запевала твой, присяжный твой поэт,
На юбилеях всех обычно я болею.

Воспоминания острей, и глубока
Печаль о выбывших героях славной были.
На свитках памяти моей — нет, нет!— пока
Не narosло еще, друзья, архивной пыли!

**«РАЗОРУЖАЛИСЬ» ТРОЙСТВЕННО
И «СТОЛКОВАЛИСЬ», КАК ИМ
СВОЙСТВЕННО**

*(К провалу тройственной конференции
«по разоружению»).*

«Друг» «другу» вежливо «прощупавши» бока,—
Где — больно? Где — не больно?
Где можно «прямиком» нажать, а где—«окольно»?—
Нашли, что будет с них пока.
Без драки разошлись — и этого довольно!
А все-таки про «мир» сюсюкают: «Сю-сю!»
«Сю-сю!» — «Сю-сю!»
Миролюбивое такое выраженье!
Ну, ясно, что теперь пойдет у них вовсю...
Ра-зо-ру-жень-е!
Вот будет зрелище! Всемирное кино!
Трагикомическая лента!
Соревнованье: кто кого скорей... на дно?
Разоружать начнут какого конкурента?
Мы будем наблюдать... не семечки грызя.
Как говорится: «Будь готов!» Зевать нельзя,
Чтоб «интересного» не прозевать момента!!

**СКАЗАТЬ ПО СОВЕСТИ...
ПО СОВЕСТИ СКАЗАТЬ...**

(Диалог)

*Из новейшего французско-русского самоучителя
несалонных разговоров*

*Париж, 9 августа. (ТАСС) Буржуазная
печать обеспокоена размерами движения и
тем, что коммунисты играют в нем руково-
дящую роль.*

«Журналь де деба» пишет:

*Правительство запретило манифестации в
Париже, но допустило демонстрации в Вен-
сеннском лесу (под Парижем). В результате
коммунисты захватили в свои руки руковод-
ство движением».*

«Ай! Коммунисты — ай! Ну прямо в сердце нож!—
Рабочих за собой всех увлекли повально!»
Сказать по совести — ведь так и быть должно ж!
И натурально и похвально!

*«Коммунисты ищут всякого повода для
контакта с массами».*

(«Журналь де деба».)

Ан, глядь, подметили еще один штришок:

«Компартия от масс не прячется в мешок,
А ищет повода — быть с массами в контакте!»

По совести сказать — об этом грустном факте,
Контакте с массами... Да, есть такой грешок!

«Развиваемая сейчас коммунистами во Франции, в Европе и в других странах агитация имеет целью поднять толпу на бунт и в первую очередь доказать мощь международной коммунистической организации. Москва не упустит такой блестящей возможности и полностью ее использует».

(«Журналь де деба».)

И в эту жалобу вникая,
Приходится признать: коварная Москва,
Чтоб «случай упустить», нет! Это черта с два!
Сказать по совести — Москва... Она такая!

«Французское правительство должно стоять на страже».

(«Журналь де деба».)

Да! Верно! Правда такова-с!
На страже вы. Тому примеров много даже.
Так, например, вожди рабочие у вас
 Под стражей, а у нас
 Как раз,
По совести сказать,— они стоят на страже!

ЧТО И ГОВОРИТЬ!.. «ЗАСЛУЖОННЫЙ!..»

«Комментируя конгресс Амстердамского Интернационала, орган реформистской Всеобщей конфедерации труда «Пепль» пишет: «Процесс руссификации Амстердама не будет иметь успеха». Газета превозносит заслуги Уддегста».

(Из газет.)

Да! «Заслужонный» — и весьма!
Лакей муштрованный. Жетонная отметка.
На фраке стареньком уж выцвела тесьма
И обтрепалася подмышкою салфетка.
«Хорошим господам» с усердием служа,
Тому ж других усердно учит.
«Заслуги» этого ползучего ужа
Бесспорны. Старый плут жить может не тужа:
Он от своих господ — свой «пенсион» получит!

УРОК ДРУГИМ

(На случай нападения на СССР)

В связи с 13-й годовщиной мировой войны ирландские газеты указывают, что в Ирландии сейчас находятся около 50 тыс. бывших солдат — участников этой войны. Многие из них нищенствуют».

(Из газет.)

К прохвостам-богачам, вас посылавшим в бой,
Бесплодно вы стучитесь в двери.
Они ль вам возместят ужасные потери?!
На кой им черт бедняк безрукий и слепой? —
Вот после этого и пой:
«О, Типперери! Типперери!»

НЕНАДЕЖНЫЕ РОГАТКИ

*В штате Рио-де-Жанейро (Бразилия)
издан закон, объявляющий все забастовки
«незаконными».*

(Из газет.)

То «твердолобые» состряпали «закон»,
То — вот в Бразилии — «закон» того покруче,
В Италии фашистский «дуче»
Законодательный Дракон¹.
Так все властители, чей трон гнилой стал шаток,
Возводят в ужасе «законный» Рубикон
Из юридических рогаток!

¹ Д р а к о н — древнегреческий законодатель, чьи законы славились своей жестокостью.

УРОК

«Убьют?.. Иль не убьют?..»

«Убьют?.. Иль не убьют?..»

«Иль нет уже в живых ни Сакко, ни Ванцетти?..»

О, сколько их, кому сейчас вопросы эти

Работать, думать не дают!

А думать нужно, нужно, нужно!

И думать и работать дружно

Над тем, чтоб поскорей настал последний срок,

Когда, сметя врагов решительным ударом,

Рабочий класс врагам покажет, что не даром

«Сакко-Ванцетьевский» получен им урок!

В ТУЛОНЕ

I

ПРО ГЛАВНОЕ ЗАБЫЛИ

«В Тулоне (Франция) арестовано 6 матросов и 1 солдат, распевавших посреди улицы «Интернационал» и угрожавших офицеру»

(Из газет.)

«Крепок наш морской оплот?»
Гвоздь парламентских запросов.
«Вуй, месье! В такой-то год
Мы удваиваем флот!»

*

Ну, а хватит ли... матросов?!

II

ПОКЛОНЧК ВЪ ПЕРЕДАТЬ

Коль поедет кто в Тулон,
Передайте мой поклон,
Сами знаете, кому.
Адрес правильный: «В тюрьму,
Самый строгий каземат...
Шесть матросов и солдат!»

ШЕФЫ В ДЕРЕВНЕ
(К десятилетию «Октября»)

1

О Р Г А Н И З А Ц И Я П Я Б Е Д Н О Т Ы

У кулака, у Прова Кузьмича,
С советом рядом — лавка.
Пров перед лавкою стоит с попом, ворча:
«Как, батя, думаешь? Для ча
У сельсовета, глянь, сейчас такая давка?
Там — видишь? — стол. А за столом
Какой-то городской фабричный... костолом.
— Ломать приехал наши кости!—
Рабочий, значит, шеф пожаловал к нам в гости.
Не к нам с тобой, не, не! Я б на него — ату!—
Спустил бы всех собак, а ты, отец, от злости
Пред алтарем, забыв святую лепоту,
Завыл бы матерно, взамен «Премудрость!
Прости!»
Шеф стал мне сниться. Сплю — проснуся: весь
в поту!..
Четвертый день уже аль пятый
Он все толчется здесь — шеф этот распроклятый:
Ор-га-ни-зу-ет бед-но-ту.
Чтоб, значит, вся она «продуманно, по плану
Шла на борьбу сплошной стеной».
С кем на борьбу? С тобой, а главное — со мной!

Не по башке начнут лупить, а по карману,
Снимать штаны с меня, последнее пальто! —
Кто мне поможет, а? Скажи мне без обману!»
«Никто, как бог! никто!..»

«Вот то-то, что... никто! —

Ворчит кулак, словам поповским злобно вторя. —
Сам не придумашь, останешься без ног».

«Никто как бог!»

«Молчи! Заладил: бог да бог!

Он много нам — твой бог — доселева помог!

Эх, ты!.. Пойдем-ка, что ль, да выпьем лучше...
с горя!»

2

Т Р А К Т О Р И З А Ц И Я

«Ну-к что? — куражился над беднотой кулак. —
Был шеф? Подзуживал вас всех держаться вкупе

Да насулил вам черта в ступе?

Получите, хе-хе, от падали... мослак!

Посульщиков таких видали мы, ребятки:

Раз в год приедут, погалдят,

Да вас же обопьют, да вас же объедят, —

Нажравшись, намажут пятки,

И все с них взятки

Гладки!»

Куражился кулак неделю, две и три,

А на четвертой — «Пров! — ему кричат. — Смотри!

Шеф!.. Ей же богу, шеф!.. На трахтере явился!»

Пров глянул, обомлел, а в горле — словно ком:

Кулак своим предлинным языком

Едва не подавился!

Впрямь — шеф на тракторе. Ту-ту, ту-ту, ту-ту!

Гудком сзывает бедноту:

«Вот, братцы, конь так конь! Садись! Бери за холку!

Железный этот конь вам натворит делов,

А перво-наперво ломает вам трехполку.

Всяк знает, кто не безголов,

Что с многополья-то куда побольше толку!»

Шеф держит речь, ну прямо агроном!
По старенькой сохе справляет панихиду!
А Пров Кузьмич, кулак, укрылся за гумном,
Осатанев от этакого виду,
Под шефские слова озлобленно рыча:
«Трах-те-ри-за-ция!.. Заветы Ильича!..
Так!.. Бедноту не дать в обиду!..
Так, так!.. Оно видать: парнишка развитой!..
Подохнуть бы тебе с твоею беднотой!..
Так!.. Трахтер!.. Есть чем похвалиться!..
Сквозь землю бы тебе с ним вместе провалиться!..»

3

ПОМОЩЬ КРЕСТЬЯНКЕ

Посмотришь на небо: такая синева!
И радостно глядеть на золотое поле!
А Пров Кузьмич, кулак, сварился: «Жив едва!..
Трещит — без хмелю — голова!
Да как ей не трещать?.. О господи, доколе!..
Видала? — Пров пристал к жене.—
Что шефы делают?.. Для мужиков? Не, не!
На этот раз у них пододец... к «женской доле»:
«Мы женщину хотим раскрепостить вполне!
Довольно, говорят, ей жить по старине:
В двойных цепях, в двойной неволе!
Трудна работа, но... рабочий класс упрям!
Мы перво-наперво поможем матерям,
Начнем с главнейшего покуда!»
И вот из города недели две назад
Сюда явилася какая-то паскуда,
Арендовала дом Михеевский и сад.
Теперь в дому — всего: игрушки, и посуда,
И умывальнички — всё шефские дары
Для деревенской детворы.
Подумай: сопляку и кукла и лошадка,—
Заплачет — пряничек дадут.
На доме вывеска, что, дескать, «ясли» тут
И «детская площадка».

Для деревенских баб-дурех,
Для Глашек, Машек да Матрех,
Теперь — лафа: весь день на полевой работе
Уж не метаться им в двойной, тройной заботе:
Тут дело, жаркая пора,
А рядом просит есть и хнычет детвора,
И пес — не догляди — забрался детям в миску.
Теперь же — «ясли», детский рай!
Матрехе горя нет: знай, поле убирай!
Нет ни хлопот былых, ни риску.
За детворой надзор и ласковый уход.
Да, шефы — что сказать? — смекалистый народ,
На бабьей струночке играют самой слабой:
Ведь бабьи думки все о ком?
О детях!.. Ну, так вот... Ах, мать, не дураком
Подмечено: сумей поладить только с бабой,
Так после в пять минут поладишь с мужиком!»

4

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

У кулака, что день, то настроенье хуже.
Пров — некого пилить, так он пилит попа:
«Сидеть, сидеть нам, батя, в луже!
И в лавочку мою народ валит не дюже,
И к лавочке твоей становится все уже
Травой заросшая тропа.
Исправить мужиков нет никакой надеи:
На шефов молятся злодеи!»
«Никто, как бог!»
«Опять!.. Уж ты меня не зли!..
Давно ли шефы-то свой трахтер привезли,
А нынче новые затеи:
Наладили «сельхозкредит» —
Мол, бедноте кредит весьма не повредит,—
Потом «Машинное товарищество» — нате!—
С припевом на такой оскоминный мотив:
—Чтоб стала жизнь светлей в бедняцкой каждой хате,

Вся беднота должна сплотиться... в коллектив!
 Пусть крепче бьется в ней общественная жилка!
 За коллективом-де никто не пропадет!
 Слышь, поп, машина как гудёт?
 То кол-лек-тив-ная — сгореть ей! — молотилка!
 Везет снопы Аким, а следом — Клим, Федот.
 Сегодня общий обмолот.
 Гудёт!.. В башках у них весь век бы так гудело!
 Один старается, ретив,—
 Другой — того быстрее!.. Общественное дело!..
 Поганый этот... коллектив!..
 Ста-ра-ют-ся!.. Глядеть противно!..
 Машина за снопом глотает жадно сноп.
 Ну, что ж нам делать, а? Скажи мне, глупый поп!
 То ль в петлю вместе лезть? То ль... выпить...
 кол-лек-тив-но?»
 «Ник!.. Ник!.. Ник!.. то, как... бог!»
 «Икаешь богом?.. Во!..
 Ты, вижу, батенька, хвативши без того!»

5

РАДНОФИКАЦИЯ

«Изва-читальня». У избы
 На новом столбике две радиотрубы.
 Пред сельской беднотой — на общем совещанье —
 Рабочий держит речь о радиовещанье,
 Насколько от него нам польза велика:
 Чем селам, деревням — с пустого языка
 Кормиться слухами да всякой небылицей,
 Тут — разговор прямой с советскою столицей!
 О чем? Да обо всем: как выбирать быка?
 Корову как кормить жмыхом да свекловицей,
 Чтоб два ведерка в день давала молока?
 Как поле засеять? Где — рожью? Где — пшеницей?
 Что дал «Октябрь» для мужика?
 Как наш Союз живет? Что слышно за границей?
 Как можно бедноте стреножить кулака?
 Как церковь заменить хорошею больницей?..

Кулак у церкви пред звонницей
 На это зрелище глядит издалека.
 Увидевши, что поп Лука
 Бежит к нему, закрывши уши,
 Кулак смеется: «Что? Придется бить баклуши?
 Шеф-то меня пока,
 А нынче уж тебя хватает за бока?
 Мужички — не ты, а он — спасает души?
 Теперь другой закон!.. Советская скрижаль!
 Ха-ха!.. Одначе, батя, жаль,
 Что не попал ты на начало,
 Когда тут радиё кричало!
 Вот чудеса-то каковы!
 Путь от Москвы до нас — ты знаешь, как он длинен?
 Так вот по радио — сейчас вот — из Москвы
 Кто говорил-то, а? Подумай! Сам Калинин!
 — Крестьяне! — говорил Калинин из трубы.—
 Приветствую!.. И все такое:
 Про Чимбирлена там и каменные лбы
 Врагов, что не хотят оставить нас в покое.
 Я ж думал, слушая: — Эх, если б да кабы
 Пришли спасители... ну, те же Чимбирлены!
 Нет, не дожидаться нам желанной перемены
 Лихой теперешней судьбы!
 Вот эту радио с каким сравнишь ты ядом?
 Калинин говорит — слышать во всей стране,
 А я вот не в Москве, а с мужиками рядом,
 Но вроде нет меня: толкаюсь в стороне!
 Вон середняк Пахом, гляди-ко.
 Мать за рукав его схватила, воеет дико:
 «Куда ты? Господи-Христе!
 Там бес кричал в трубу, усевшись на шесте!»
 Одначе, слышь, Пахом, уже не веря в беса,
 Орет на мать, что та не смыслит ни бельмеса,
 И тянется туда... к трубе и бедноте!
 Новинка шефская... Влечет само собою!..
 Да, времена пошли не те!
 Досель нам был не мед. А с этою трубою..
 Труба нам, батюшка, с тобою!»

О Р Г А Н И З А Ц И Я М О Л О Д Е Ж И

Пред сельскою «избой-читальней»
 Звонкоголосый смех, галдеж:
 Рабочий-отпускник, гость из столицы дальней,
 Организует молодежь.
 Лет двадцать самому приезжому парнишке,
 Одначе — голова! Работа не легка.
 Иное разъяснять приходится по книжке,
 По «памятке отпускника».
 Вопросов уймаща. Не напастьсь ответов:
 Тот спросит про войну, а тот про власть Советов,
 Один — про Волховстрой, другой — про комсомол,
 Кто — про зерно, кто — про помол,
 Кто — про Китай, а кто — насчет декретов,
 Тому — дай книжечку, тому — пяток портретов,
 Тому — крестьянский календарь,
 Мужичкий справочник настенный.
 «Демьяна Бедного видал?»
 «Видал».
 «Сухарь?»
 «Сложить меня с тобой».
 «Да ну? Такой толстенный?
 А хлестко пишет как стишки!»
 «И просто так — не надо проще!»
 «Учитесь, милые дружки,
 Так сами будете писать того похлеще!»
 «Учиться надобно!»
 «Учиться!» — общий крик.
 «А то вон в Змиевке пьют волсовет и рик,
 А гляючи на них, все тонут в самогонке!»
 На молодежь любуюся в сторонке,
 Согнувшись на костыль, стоит Корней, старик.
 «Слышь? — Он толкает в бок середняка Евсея.—
 Слышь, речи там ведут о чем с отпускником?
 Хор-р-ро-ший молодняк!.. С таким молодняком
 Не пропадет Советская Расея!»

А где же Пров, кулак? Он дома заперся
И сына запер тож: «Что рвешься? Не туда ли?..
Мне эта молодежь осточертела вся!
Глаза бы лучше не видали!»

7

ВОЕНИЗАЦИЯ

Кулак глядит в окно и материт сынишку:
«Брось книжку, говорю!.. Брось, говорю я,
книжку!..»

«За-ве-ты Ле-ни-на»!.. Сопляк! Небогомол!

Идти желаешь в комсомол?

Вот в эти самые — ну ж ловок!—

Что учатся стрелять из боевых винтовок?..

А кто их учит, ась?.. Кого он учит, ась?..

Стрелять он учит их в кого, скажи, дубина?

Не понимаешь, ась — чай, родился вчерась!—

Что под пристрелом тут...— от-цов-ска-я
судбина?..

Слышь?.. Слышь, палят как? Тра-та-та!!

Кто учит? — Красный шеф! Палит кто? — Беднота!

А ты, слепой щенок, туда же!

Пристрелка бедноте нужна. И очень даже!

Ей власть Советская не мачеха, кажись!

Ей без нее хоть в гроб ложись!

Им есть что защищать — всем этим голодранцам!

Они дадут отпор не только иностранцам,

Ну, Чимбирленам там или еще кому,

А могут штык всадить еще врагу иному.

Кому, рассукин сын?.. Па-па-ше тво-е-му!

Отцу-у-у род-но-о-му!!

Я — враг унутренний!.. Что выпялил белки?

Риски я только вновь затеять заварушку,

Как эти самые стрелки

Меня в секунт возьмут на мушку!

«А! скажут, ты, подлец, вновь тянешь нас к царю?

Вновь нас мутишь?» И — бац!! Брось книжку,
говорю!

И на стрелков в окно не пялся обалдело!
Как бишь... Язык свихнешь от этих слов одних!..
Во-ен-ни-за-ци-я у них!..
Пушай стараются. Не наше это дело.
И книжку эту тож... Швырни ее в пустырь!
Вот лучше на, читай божественный псалтырь...
Псалом... Псалом... Не то! Кафизма... Вот поди ты!
Ну ж буквы! Без очков слило всю мелюзгу.
...Во-ен-ни-за-ци-я!.. Стреляют!.. У, бандиты!
Стреляло б до смерти у вас у всех в мозгу!»

8

В ГОСТЯХ У ШЕФОВ

Средь мужиков кулак пустил такой слухок:
«Вы шефов нюхали, какой от них душок?
Тьфу! Благодетелей нашли!.. Эх, вы, Митрохи!
Поди-ко-сь, ближе им казенный-то мешок,
Нахапают себе, а чтоб прикрыть грешок,
Так вам какие-то суют с обеда крохи!..
Рядятся — ше-фа-ми!.. Де-рев-не по-могать!
А сами, надо полагать,
Хоть говорят: «Живем в Москве по-пролетарски»,
Живут однакоже по-барски:
За восемь часиков работы — цап денжат!
И на боку потом лежат
Да ездят в отпуска, а кто — и на курорты,
Где за казенный счет в тени под деревцом
Едят пирожные да сладенькие торты
И забавляются... винцом!
Да мне б такую жизнь, примерно,
Я б тоже «шефом» был не хуже их, наверно!»
Бранились мужики, что шеф, мол, не таков,
Что про рабочих, бедняков,
Кулак любую чушь готов плести со злости.
А под конец... в Москву послали ходокон:
«Вы, значит, на завод... нежданно. Вроде в гости!»

«Ну, что? — когда назад вернулись ходоки,

Их обступили мужики.—

Как шефы там живут и как вас принимали?

Да много ль правды в том, что Пров про шефов нес?»

«А где он, этот гад, брехливый этот пес?

Будь здесь он, ребра бы ему мы поломали!»

«Таких, как Пров, за их бесстыжую брехню

Всех изничтожить бы не жалко на корню!..

Про шефов что сказать? Народ они — затейный,

Работают вовсю. А их житье-бытье...

Не знаешь, чем живет из них иной семейный

А урывает нам — затем, что он — идейный,

На пользу общую привык давать — свое,

А не казанное, как брешет Пров злодейный!..

Попали, стало быть, мы на завод литейный,

Где шефы делают литье.

Вот где, ребяташки, нагрето-перегрето!

Да у такого-то огня

Наш брат-мужик, в такой жаре-то,

И часу б выстоять не мог, не то что дня!

А взять горячий цех, где делают прокатку

Железных раскаленных змей,

Где повернуться не сумеи,

Так кончишь горестно с такой змеею схватку:

Останешься с одной ногой или рукой.

Вот он — рабочий труд! Идут на труд такой,

Коль говорить всю правду-матку,

Не с жиру, братцы, нет, не с лишнего достатку!»

«Где Пров, язвы его?!» — Метнулася толпа.

Пров тем лишь избежал жестокого погрома,

Что не нашли его ни дома,

Ни у попа:

Учуяв, что сулит для них мужичья злоба,

И Пров и пьяный поп куда-то скрылись оба!

«ТРИУМФАЛЬНЫЙ ПУТЬ» ИЗМЕННИКА

«Таймсу» сообщают из Гонконга, что в числе пассажиров французского парохода «Шенонсо», отплывающего в Европу, находится и Чан Кай-ши.

(Из газет.)

Героем был, пока не превратился в гада.
И вот — изменнику награда:
Скрипит фортуны колесо,
Добился Чан Кай-ши надежного приюта:
Заместо Пекина — каюта
На пароходе «Шенонсо»!
За плату или так его французы взяли?
И привезут куда? Маршрут узнать нельзя ли?
Охота проследить карьеру подлеца
До самого конца!

НЕЛЬЗЯ ЛИ НАОБОРОТ?

«Томас и Бевин, — пишет консервативный «Спектейтор» от 10 сентября, — охотно признали, что интересы труда и капитала — одинаковы». А потому — путь открыт для «мира в промышленности». И, повторяя избитые фразы об участии рабочих в прибылях и даже в «управлении», орган крупной капиталистической партии восклицает: «Идеалом нашей индустрии является: каждый рабочий должен быть капиталистом»(1).

(П р а в д а, 17 с е н т я б р я).

Вот идеал так идеал!
Рабочие весь век — с глухой тоской... в желудке —
О жареной мечтали б утке,
А толстогубый Капитал
Ее тем временем спокойно б уплетал!
Вот новость! Мудрецы в толк одного не взяли:
Рабочие — они... такой чудной народ:
Они свое твердят: *«нельзя ли,
Чтоб стало все... наоборот?!»*

ЭТАП К ПОБЕДЕ

В новом хозяйственном году промышленность Ленинграда будет полностью снабжаться советским углем. Ввоз заграничного угля прекращен.

(Из газет.)

Под заграничный злой, напористый нахрап
И «хулиганов» и «апашей»¹
Готовя крепче сеть для их когтистых лап,
Отметим радостно еще один этап
Раскрепощения хозяйственности нашей.
На вражий гром из-за границ,
Коль снова нас враги начнут душить блокадой,
Мы им дадим отпор — ответной канонадой
Своих хозяйственных «бойниц»!

¹ Хулиган — слово английского происхождения; апаш — французского.

ГОТОВЯТ «БОЕВИК»

В Женеве (Швейцария) происходит кино-съемка «Лига Наций» по сценарию одного из английских дипломатов. Актерами являются представители входящих в Лигу Наций государств.

(Из газет.)

Сценарий — лондонский. Актеры и актрисы
Из буржуазных всех столиц.
Как много здесь знакомых лиц!
Какие старые, знакомые кулисы!
Как дома, в кино-ателье
С названьем пышным «Лига Наций»,
Бесстыжий Чемберлен гуляет в безбелые,
Не пробуя скрывать коварных махинаций.
Не потому ль сейчас такой в Париже крик,
А в Лондоне такой смешок утробно-жирный,
Что где-то делают старательно всемирный
Антисоветский... «боевик»?!

ГРОЗНЫЙ... ПАНИКЕР...

Найденная в подземной железной дороге Лондона «бомба», по поводу которой английские газеты забили страшную тревогу, оказалась жестяной коробкой с порошком магния для фотографирования.

(Из газет.)

Однажды видеть мне пришлось, как, обалдев
От света магния при съемке, «грозный» лев,
Как недорезанный, рычал на весь зверинец.
 Британский лев как раз льву этому под стать.
 «Ой, бомба! — Он дрожит, не может перестать. —
Не большевистский ли гостинец?»
Ну, вот и говори теперь,
 Что этот хищный зверь
 Породы, мол, не робкой
И может, дескать, сбить врага одним прыжком,
Когда он в ужасе рычит перед коробкой
С фотографическим невинным порошком!

БЕЗ ХЛЕБА — НЕ ОБЕД

Союз булочников, входящий в Унитарную конфедерацию труда, воспретил своим членам работать по поставкам хлеба для бывшего в Париж Американского легиона.

(Из газет.)

«Вот соль, а хлеба — не даем!»
Ужель, ссылаясь на этакий прием,
Американское посольство
В Париже будет врать на языке своем
Дипломатическом, что это — хлебо...солство.

ЯСНЕЕ ЯСНОГО

За последнее время наблюдается снижение добычи нефти в Мексике, которая начинает уступать в этом отношении Венесуэле (Ю. Америка).

(Из газет.)

Нью-йоркские банкиры и дельцы
Доселе Мексику держали под узды:
Нет стран для них приманчивей, чем страны,
Где нефтяные бьют фонтаны.
В Венесуэле, на беду,
Нефть в истекающем году
Так бурно захлестала,
Что Мексика отстала:
Венесуэла впереди.
Теперь того лишь и гляди,
Что у нее появятся припадки
Особой, нефтяной — так скажем — лихорадки,
Потом произойдет борьба, переворот,
Потом у берегов, чтоб «наводить порядки»
Появится... нью-йоркский флот!

*

Чтоб это предсказать, не надо быть пророком
Или кончать советский вуз.
Не натрудит мозгов над таким уроком
И еосьмилетний карапуз!

ЧЕГО ТУТ БОЛЬШЕ?!

Лондон, 20. — Орган рабочей партии «Дейли геральд» публикует заметку о первой речи Франка Ходжеса (бывшего секретаря международной федерации горнорабочих, теперь занимающего пост директора одной из угольных компаний) на собрании акционеров «Броун Кол Компани, Лимитед».

(Из газет.)

Франк Ходжес, давний наш знакомец,
Карьеру сделал — уй-ю-ю!
Рабочей партии питомец
Прославил партию свою.

«Одной из угольных компаний
Он стал директором! Ур-р-ра!»
Ужель без веских оснований
Он проскочил в директора?

О нет! Промышленники туги
На поощренья и чины,
Рабочей партии заслуги
В предателе так почтены!

Рабочей партии газетка
До невозможности горда!

«Ах, это — масличная ветка!
Связь — Капитала и Труда!

Ведь в их основе столько сходства!
Зачем же их разъединять?!»

*

Чего тут больше — идиотства
Иль подлости — нельзя понять!

НЕСОКРУШИМАЯ ТВЕРДЫНЯ

Посвящается Ленинграду

*По случаю открывающейся сегодня в нем
второй — юбилейной — сессии ЦИК СССР
IV созыва*

Гремя, прошел годов десятилетний ряд.
Бессильно злобствуя, как десять лет назад,
Враги сулят нам путь погибельно-ненастный.
И снова им в ответ гранитный Ленинград
Свой голос подает — решительный и властный.

И так же ярко, как тогда,
На пролетарском первом фронте
Сверкает грозная Октябрьская Звезда
На ленинградском горизонте!

ЕСТЬ ЧЕМУ ПОЗАВИДОВАТЬ!

Осталось много ли упорных драчунов,
Старорежимников, кусающихся шало?

Им время — десять лет! — всем зубы обломало.

Но недовольных ворчунов —

Таких у нас еще не мало.

Ворчат: и то не так, и это ни к чему!

Им — про Москву, они — про Чухлому:

Ей, дескать, в пору быть советской столицей—

Не все ль равно? Одна с Москвою стать.

Мы умудрились так отстать,

Что...«То ли дело за границей!

К примеру, взять хотя б Америку — страна-с!

Она сто тысяч раз продаст и купит нас.

А демократия — наипервейшей марки,

Хотя первейшие умы

Там не додумались, как мы,

До... политграмотной кухарки!»

*

Оно, конечно!.. Где уж нам!..

А все ж подобным ворчунам

Не вредно б, сунув нос в газетку,

Весьма обмозговать такую вот заметку:

Из умерших в прошлом году в С.-А.С.Ш.

1¹/₂ млн. человек 20 процентов стали жертвой
убийств, несчастных случаев и самоубийств.

По числу убийств на первом месте стоит Чикаго.

Что, ворчуны?.. Заметочка?! Жевать

И в рот положить ее тем, кто умен, не нужно.

А с дураками толковать

Мне, извините, недосужно!

СЧАСТЛИВАЯ СТРАНА, В КОТОРОЙ...

В законодательный совет штата Массачусетс депутат Аткинд внес законопроект о наказании пожизненным заключением за ношение красного знамени или другой противоправительственной эмблемы.

(Из газет.)

«Он с МОПРовским значком?! Советская идея?!
В тюрьму навек его, злодея!!»

*

Вот так «счастливая страна»!.. Глупцы, другой
Страны счастливой поищите!
А тут... Какой же тут уверенный покой,
Раз прибегать приходится к такой
Отчаянной самозащите?!

УТЕРЯННЫЙ ЖЕНСКИЙ РАЙ

(Старая восточная легенда)

Давно-давно,
Очень-очень давно
Было ханство одно.
А-а-а-а-а-ай!..

Порядок небесный
И порядок земной
В те дни был иной,
Были тогда человек и зверь
Не те, что теперь.
А-а-а-а-а-ай!..

В том ханстве и хан,
И диван-беги,
И джигиты, которых трепетали враги,
И не только джигиты-орлы,
Но и судьи,
И даже кази,
И муллы
Были в том ханстве
В те древние дни
Женщины только одни.
Царство женское. Женский рай.
А-а-а-а-а-ай!..

Город был ханский,
Как храм.
Звали его —
Самирам.
Недоступен он был,
Высок.
В землю,
В камень,
В песок
Сорок тысяч столбов было врыто одних.
И стоял Самирам
На них.
Ни копьем,
Ни арканом
Бродячий туркмен
Не мог достать его стен.
А была в Самираме ханша — Занай.
А-а-а-а-а-ай!..

Женщины были в Самираме везде —
В ханском совете,
В суде, —
На охоту ходили они,
На войну,
А мужчин держали
В плену.
Не велик был числом
Мужской народ.
Оставляли его
Едва на развод.
Было черной работой
Мужской —
Саклю убрать
Да день-деньской,
День-деньской
И ночной
Порой
Нянчиться с детворой:
«Баю-ба-а-а-ай!
Баю-ба-а-а-ай!..
А-а-а-а-а-ай!..»

Не со всей детворой
Возились они.
На руках у них были
Мальчишки одни.
Девочки были
В особой чести:
Жребий их был —
С матерями расти.
Рождалась девочка —
Праздник в дому.
Мальчик рождался —
Горе ему!
Клали его —
Таков был закон! —
В ряд с голышами
Такими, как он.
Со ста рожденных мальчишек всего
Оставляли в живых —
Одного!
Одного!
А-а-а-а-а-ай!..

Со ста мальчишек,
Положенных в ряд,
Отбирался счастливец —
Один!
Наугад!
Наугад отбирался
Старухой слепой,
Каков бы он ни был собой.
А остальных
Со стены городской,
Даровую добычу шакалов,
Волков,
Вниз свергали.
Закон был таков!
А-а-а-а-а-а-ай!..

Однажды время пришло
— Ой-ой! —
Ханше родить

Самой.
Когда осенью поздней,
Перед самой зимой,
Меняет небо
Свой летний наряд —
Синий халат
На серый халат,
Тогда горько-горько
Рыдает оно,
Во всех тогда реках
Слез небесных — полно,
И в озерах те слезы
Бьют через край.
А-а-а-а-ай!..

Так у старухи слепой
В тот раз
Полились потоком
Слезы из глаз
И вниз потекли
По столбам городским.
«Каким ты встревожена горем?»
«Каким?»
Окружил народ старуху
Толпой.
И был ответ старухи
Слепой:
«А-а-а-а-а-а-ай!

Нам страшное горе
Узнать суждено.
В ханском чреве
Растет оно.
Будет ханшею
Мальчик рожден.
Женское ханство
Погубит он.
А-а-а-а-а-а-ай!..»

Иссушили старуху
Слезы-вода.

От вещей старухи
Не осталось следа.
Поникла ханша Занай
Головой.
Поднялся в Самираме
Испуганный вой.
На диван большой
— Трух-трух, трух-трух! —
Прибтели к Занай
Сто седых старух.
Просидели они
Сорок дней
И ночей,
Роняя слезы
Из тусклых очей.
А-а-а-а-а-ай!..

Ни добрый от них совет,
Ни худой.
Был созван тогда диван
Молодой.
Думал он сорок ночей
И дней.
Был старый глуп,
Молодой — не умней:
Глупый от глупого
Не отставай!
А-а-а-а-а-а-ай!

Был третий диван
Из малых детей.
Оказались дети
Взрослых умней:
Малютка совсем,
От земли — ладонь,
Сказала одна
Девчонка-огонь:
«Зачем так плачет
Весь Самирам?
Сын ханши нашей
Не страшен нам.

Как только родится
Мальчишка злой,
Его мы сразу
Со свету долой:
Со стены самирамской
Вниз головой!
Пусть волки и тигры
Его съедят.
Нельзя его класть
С мальчишками в ряд!»
Вот где девчонка!
А еще говорят...
А-а-а-а-а-ай!..

«Велик Алла!»
«Велик Алла!»
То-то радость
В Самираме была!
«Вот так девчонка!»
«Ну, с головой!»
«В самом деле.
Нам ли впервой
У матерей
Сыновей отнимать?»
Молчала Занай,
Злополучная мать,
Сидела она
На ковре золотом,
Занай с большим
Таким животом,
Глаз не желая
Поднять на народ.
«Сын мой умрет!..
Сын мой умрет!..
А-а-а-а-а-ай!»

И сказали все:
«Ой-ё-ё!»
«Ой-ё-ё!»
«Не думы — змеи
Теперь у нее».

И опасаясь
Этих змей,
Злых двух надсмотрщиц
Приставили к ней,
Чтоб обе смотрели
И день и ночь,
Сына родит Занай
Или дочь:
«Отвечаете обе!»
«Ни одна не зевай!»
А-а-а-а-а-а-ай!

Но... Занай подкупила
Стражу свою.
«Двух туркменов,— сказала,—
В мужья вам даю!
Два туркмена —
Не нашим мужчинам чета!»
Соблазнились приставницы —
Эта и та:
Как Занай разрешилась
Крепким мальцом,
Подменили мальчика —
И дело с концом!
Объявили народу:
«Велик Алла!
Девчонку ханша Занай родила».
Девчонку Занай
Баюкала: «Бай!
Баюшки-бай!»
А-а-а-а-а-а-ай!..

Веселье пошло
По всему Самирам.
Потекли подарки
К ханским шатрам,
Золото,
Сахар,
Адрассы
И нах,
Скакали девицы

На лихих скакунах,
Верблюды и овцы
Забили дворы.
С усмешкой смотрела Занай
На дары.
Она обманула
Родной весь край.
А-а-а-а-а-ай!..

Каждый день было солнце
Любовью пьяно.
Каждый день опускалось
На землю оно.
Был ужасен порой
Его знойный хмель.
Много дней прошло
И много недель.
Жались месяцы,
Годы —
Один к одному.
Ханский сын выросстал
В чужом дому.
Выростал под тайным присмотром...
Занай.
А-а-а-а-а-а-ай!

Двадцать лет прошло,
Словно день один.
Вырос ханский сын —
Краше всех мужчин.
Про него враги
Говорят с похвалой:
«Молодец какой!»
«Искандер удалой!»
Как вошел Искандер
В такие года,
Вошла в Самирам
Роковая беда.
От черных туч
Солнца свет потух,
Повеял от них

Недобрый дух,
О чем-то страшном,
Новом,
Ином
Послышались вопли
В ветре степном,—
Средь зверей тревога
И средь птичьих стай.
А-а-а-а-а-а-ай!

Пошли в Самираме
— Худой почин! —
Переглядки,
Шепот
Среди мужчин.
Столковались они
Промеж собой,
Стали женщин звать
На смертный бой.
Среди города стал
Мужской отряд,
Мужчины все
«Долой! — говорят,—
Долой Занай
И бабью власть!
Не хотим поклоны
Перед бабами класть!
Искандер — наш хан,
А не баба Занай!»
А-а-а-а-а-а-ай!

«Искандер — наш хан,
А мы — его рать.
Мы сами хотим
Себе жен выбирать.
Пусть бабы станут
На наши места —
Смотреть, чтоб сакля
Была чиста,
Да плов варить,
Да нянчить ребят.

Да халаты нам шить
До самых пят
Из узорных шелков,
Что шлет нам Китай!»
А-а-а-а-а-а-ай!

«Мужчинам — шлемы,
Стальные клынчи,
А глупым бабам —
Горшки, рогачи!
Мужчине — пику,
И лук, и стрелу,
А глупой бабе —
Пряжу, иглу!
Сдавайтесь, бабы,
Все до одной!
Иначе дело решим
Войной!»
Мужчин всех в битву
Повел великан,
Искандер бесстрашный,
Их новый хан.
А-а-а-а-а-а-ай!

«Мужчины наши
Сошли с ума!» —
Пошла смирать их
Занай сама.
Был женский клич:
«Лучше смерть, но не срам!»
Мужская кровь
Залила Самирам.
Навалились женщины,
Как саранча.
А бойцы-мужчины...
Ни стрел, ни клынча!
Отбиваться трудно
Пятерней одной.
Мужчины сжаты
Цепью тройной!
Кто в живых остался

— А с ними хан! —
Угодили в женский
Тугой аркан!
А-а-а-а-а-а-ай!

И крик был женский:
«Занай! Суди!
Искандер всех злее,
Он шел впереди.
Ты Искандера
Не оставишь живым:
Ножом ему в сердце —
Острым,
Кривым!
Никому не уступишь
Ты чести такой:
Пронзишь ему сердце
Своею рукой!»
И подали нож
Помертвевшей Занай.
А-а-а-а-а-а-ай!

Поднялася Занай
Ни жива
Ни мертва.
И сказала Занай
Роковые слова:
«Слепая старуха
Была...
Права!!
Ее предсказанье
Сбылося точь-в-точь.
Рожден был мною
Сын, а не дочь.
Вы обмануты мною!
Искандеру-врагу
Пронзить его сердце
Я не могу.
Его капли крови
Не пролью ни одной.
Это... сын мой,

Сын мой...
Сын мой родной!
Чем сына рукою своею
Убить,
Мне легче ханство
И себя погубить!
Перед всеми вами —
Моя вина!»
И нож в свое сердце
Вонзила она.
А-а-а-а-а-а-ай!

Злой страх всех женщин
Объял тогда.
Они разбежались
Кто — куда:
Кто в хлев, кто — в поле,
А кто — в жилье,
На бегу бросали
Оружье свое.
С тех пор явилась
Такая напасть:
Что ушла к мужчинам
Вся женская власть,
Что женская доля
Так стала горька,
И конца ей, горькой,
Не видно пока.
А-а-а-а-а-а-а-ай!

Но время настанет,
Придет к нам жена.
С севера дальнего
Придет к нам она,
Из страны холодной,
Из морозной мглы.
Волоса ее будут,
Как снег, белы,
Глаза будут сини,
Как морозная гладь,
А груди, как пара

Ледяных лебедей.
И прольется на женщин
Молоко-благодать
Из непорочных
Этих грудей.
И утерянный женский
Вернется рай!
А-а-а-а-а-а-ай!

Примечание. Сюжет легенды взят из «Древней и новой России», см. № 11 журнала от 1875 г., стр. 290.

Эта старая восточная сказка любопытна и характерна для порабощенных женщин Востока мечтою о том, что идеальная женщина-освободительница, которая, по смыслу сказки, раскрепостит восточную женщину, явится с севера.

Пояснение слов: *диван-беги* — старший сановник, *кази* — старший духовный судья *диван* — совет, *адрассы* — полушелковая узорная ткань, *нах* — хлеб, *клынчи* — сабли.

ТАК ВОТ В ЧЕМ ДЕЛО

*В Риме происходит обучение 800 учителей
нижних школ конструкции танков и
управлению ими; свои зна-
ния они должны передать
учащимся.*

(Из газет.)

Смотрят хмуро итальянки
На родную детвору.
В детских школах вводят... танки,
Деткам — новую игру!

«Нынче — в школе!
Завтра — в поле!»
Материнский общий хор:
«Вот зачем — «рожать поболе»!
Нету дур таких, синьор!»

«ГДЕ ЦВЕТОЧЕК ТОТ ПРЕКРАСНОЙ?»

Новый вид нарциссов, возвращенный голландским садоводом, назван им. «Чемберлен» в честь министра Англии, гостившего в Голландии.

(Из газет.)

Вместо красного яичка
Рад бы сделать я подмен:
Петля... То-бншь, нет, петличка!
А в петличке — Чемберлен!

МОГЛО ЛИ КОНЧИТЬСЯ ИНАЧЕ?

Вашингтон, 21. — Верховный суд Соединенных Штатов оправдал нефтяного магната Гарри Синклера, привлеченного по обвинению в преступном сговоре, в причинении убытков государству при получении нефтяной концессии и в подкупе министра внутренних дел Фолла.

(Из газет.)

Мозгов напрасно не мозоль,
Ища ключа к такой задаче.
Ее решение — вот в чем соль!—
Могло ли кончиться иначе?!

ЛЕГКО ОШИБИТЬСЯ

В Польше недавно издан закон о гражданских палачах. Согласно этому закону палач исполняет свою работу во фраке, в цилиндре, на лице у него шелковая маска, а руки его в белых перчатках.

(Из газет.)

Перчатки белые на них, цилиндры, фраки,
Фашистские, должно быть, знаки...
Сановники!.. Министры!.. Богачи!..
А жутко!.. Дрожь берет от внутренней опасности:
А вдруг наденут сразу маски?!
Подумаешь, что... палачи!!

ГЕР МУСЬЮ

Пресловутый Коти, владелец черносотенных французских газет «Фигаро» и «Ами дю пепль», предпринимает издание немецкой газеты в Эльзасе.

(Из газет.)

Вот ловкач какой! Поди же!
До чего хитер? Ахти!
Он — *мусью Коти* в Париже,
А в Эльзасе — *гер Коти*.
Два добра в одной охапке.
То-то будет «*бон*» и «*гут*»,
Как дадут ему по шапке
Там и тут!

ЧЕРТА С ДВА!

Не та уж кровь. Не те уж годы.
Все ж, не вписавшись в ворчуны,
На молодые хороводы
Люблю смотреть... со стороны.

Певец иного поколения,
С немою радостью порой
Гляжу я, полный умиления,
На комсомольский бодрый строй.

Враги хотят нас сжить со свету.
А комсомольская братва?!
Глядите, сила какова!
И у меня тревоги нету.
Чтоб уничтожить силу *эту?*
Н-ну, черта с два!!

ТО ЖЕ АМЕРИКАНСКИЙ РЕКОРД

Сенат штата Арканзас запретил преподавание во всех без исключения учебных заведениях штата теории дарвинизма.

(И з г а з е т.)

Доллар против дарвинизма!
Арканзасский янки горд:
Хоть по части *кретинизма*,
А поставлен все ж рекорд!

О Ж Г Л И С Ъ

Во время недавних массовых обысков в Токио полицией были изъяты из рабочих библиотек произведения Мольера, как заключающие в себе «опасные для государства мысли».

(Из газет.)

Вот мы чего в стране микадо дождались:
Как накалилась атмосфера!
На книгах Ленина там власти так ожглись,
Что в страхе дуют... на Мольера!

ОХОТНО ПРИЗНАЕМ

(Уважаемым читателям «Журналь де деба»)

*На цоколе памятника погибшим на войне
вблизи Венсенн (Франция) ночью неизвестным
написано крупными буквами: «Долой войну».
«Журналь де деба» озаглавил это сообщение...
«Вандализм».*

(Из газет.)

До-ло-ой войну!! А что?.. И правильно!.. Долой
Войну за ваши капиталы!..
А заодно и вас — поганую метлой!..
Охотно признаем — мы что? Народ не злой! —
Что в *этом* смысле мы — вандалы!!.

«ЗАДУШУ, НО ВЛАСТИ НЕ ОТДАМ!»

*Шестому съезду союза сельскохозяйственных
и лесных рабочих СССР*

Недавно в городе Рудне, Смоленской губернии,
Напоролся на советские судебные «тернии»
Один из деревенских китов,
Кулак *Титов*.
Десять лет, покорная этому живоглоту,
Батрачка *Леонова* работала черную работу,
Десять лет батрачка надрывалася,
Из последних сил выбивалася,
А как подошло дело к расчету,
Зажилил кулак у *Леоновой*, бедняжки,
Ни много, ни мало — целых три сотняжки:
«Чего пристала?.. Опомнися!.. Что ты!..
Штоп тебе!.. Ды штоп я!..»
Не дал кулак батрачке за десять лет работы
Ни копыя!
Не долго кулак над батрачкой потешался.
От расплаты жадному кулаку не уйти.
Советский суд в это дело вмешался:
«Плати!
Плати все триста да за кураж полтораستا!»
Баста!
Платить *Леоновой*! Негаданное дело!
Зашагал *Титов* по ее следам.

«З-з-за-душ-шу! — рычал кулак обалдело. —
Задушу, а денег не отдам!»
И задушил!
«Вот!.. Теперь мы в расчете!»
И труп батрачки утопил в болоте.

*

Вот он, кулак наш, каков!
Пример — да, пример! — для всех батраков.
Нынче кулак везде упирается,
Лютым гадом подбирается
К бывшим батракам:
«Приберу-ко я их попрежнему к рукам!»
Тут-то каждый бедняк должен вспомнить Титова.
Подсказка *обратная* готова:
Где кулак рискнет тягаться с Советом,
Там ему и идуцим за ним господам
«За-ду шу!» — должно быть батрацким ответом:
«Задушу, но в л а с т и не отдам!»

ОСКАЛЕННАЯ ПАСТЬ

На батрацком съезде делегат тов. Зеипалов сообщил о том, что в Азербайджане кулаками убито 23 батрака. На Украине — кулаки перерезали батраку горло пилой...

(Из газет.)

Вот как она
Обозлена —
Осатанелая кулацкая порода!
Вот фронт, кулацкий фронт, оскаленная пасть
Тех змей-горынычей, что не хотят попасть
Под натиск нашего культурного похода!
*Мы этой гадине неукротимо-злой,
До часу смертного воинственно-активной,
Утробу распилим стальной, коллективной,
Сверх-электрической пилой!*

АКУЛЫ ¹

Куба — остров. Америка — континент.
Управляет Кубой божье чадо,
Благочестивый, культурный президент
Господин Мачадо.
Недавно континент изо всех своих частей
Прислал к господину Мачадо гостей.
Гости назывались делегатами,
И дудили они в «панамериканскую» дуду
Про то, как им нужно с Соединенными Штатами
Быть в добром ладу
(То-бишь, ходить у них на поводу).

Но нашлись люди недовольные,
Зловредные смутьяны подпольные,
Рабочие революционеры отважные.
Напечатали они такой манифест:
«Гости Мачадо — прохвосты продажные.
Это — предательский съезд.
Он со всеми своими докладами, рефератами
Начисто куплен Соединенными Штатами!»

Президент Мачадо обомлел от стыда.
Два дня не находил президент себе места
И успокоился только тогда,
Когда поймал всех авторов манифеста.
Настали для Мачадо спокойные дни.

¹ Подлинная история. См. газ. «Хустисия» от 25 сентября 1928 г.

Был честный Мачадо настроен победно.
Рабочие ж манифестанты... Они
Исчезли бесследно.

А дня через три,
Полуоглохший от океанского гула,
Рыбак некий крикнул: «Товарищ, смотри,
Какая распорота мною акула!»

В акульей утробе два рыбака
Находку нашли. Случаются странности!

«Человечья рука!»

«Человечья рука!»

«И рукав рубашки!»

«В полной сохранности!»

Сбежались женщины из прибрежных мест.

Недолго рукав они узнавали.

«Да это ж рука... Вот тебе крест,

Одного из тех, кто писал манифест!»

«Вот зачем их арестовали!»

«Тише, тише! Бежит сюда с криком вдова!»

«Не надо показывать ей рукава!»

«Не надо! Не надо!»

Дошла о страшной находке молва

До президента Мачадо:

«Проникла в столицу жуткая весть:

Акулы рабочих начали есть!»

Закусил Мачадо побелевшие губы,

И сказал он, рот искрививши до скул:

«С сего числа у острова Кубы

Запретить строжайше... ловлю акул!»

ПОСАДИЛИ

Во время пребывания Гувера в Буэнос-Айресе там было арестовано не менее 1000 человек.

(Из газет.)

Вот где порядки! Не пойму!
Приехал Гувер. Гость. Хозяева — к нему.
Парад! Ура! Салют! Сто махинаций прочих!
И попросили — *сесть*... не в кресло, а в тюрьму,
Не гостя, а — своих рабочих!

1 9 2 9

СТАРО

Итальянские газеты отмечают систематическое падение числа туристов, посещающих Италию.

(Из газет.)

Из Америки туристов
Нет и нет!
И из Англии туристов
Нет и нет!
И из Франции туристов
Нет и нет!
Почему? — Простой ответ:
Итальянских журналистов
Не продуманы статьи.
Смысла нету для туристов,
Для господ капиталистов,
На чужих смотреть фашистов,
Если дома есть свои!
«Сэр Водсворти, заходите!
Заходите, поглядите,
Сколь порядок наш неплох!..
С-сакр-р-ра-менто! Он оглох!..
Сэр Водсворти! Мистер Броун!..
Хоть веревочку на крюк!..»

*

Так тоскует старый клоун,
Повторяя старый трюк.

ТАКИЕ КАПИТАЛИЗМУ НЕ НУЖНЫ

В Лондоне покончили самоубийством два врача, братья-близнецы — Артур и Сидней Смит. Оба брата, посвятившие свою жизнь изучению болезни рака, очутились в крайней нужде, так как все свои средства истратили на дорого стоившие опыты, а государство отказалось оказать им поддержку.

(Из белых газет.)

Сколачивать повстанческие штабы
В чужой стране... Свозить оружие, динамит...
Вот тут поддержечка была бы!
Не так, как двум врачам: их шансы были слабы.
Лежат в могиле братья Смит.
А имя Лоуренса «афганского» гремит!

НЕСКРОМНЫЙ ВОПРОС

В районе Панамского канала начались большие маневры американского флота, в которых участвуют 174 боевых единицы. Объект защиты и нападения — Панамский канал.

(Из газет.)

«Пакт Келлога» — и вдруг маневры, дух войны...
Канал Панамский... Тьфу! Дойдешь до обалдения!

Ну, разъясните ж — мы темны! —

А с чьей же это стороны

Ждать нужно на канал Панамский нападения?

ВРЕДИТЕЛИ

I

«Огонь по кулаку!» — «Огонь по темноте!»
— Готово!

Но в дело всюду ль мы переключаем слово?
А вот у кулака так лозунги не те.
Уж если он решил: «Огонь по бедноте!»,
Так тут запахнет уж поджогом,
Внезапно вспыхнувшей избой
— Бедняцкою, само собой! —
И вспыхнувшим бедняцким стогом.
А городской наш враг? Забыли мы о нем?
Мы у него не под огнем?
В газетах пишется, поди-ко-ся, недаром:
Тут уничтожены две фабрики пожаром,
Там невзначай сгорел завод.
«Ведется следствие». И вот —
Еще при помощи карательного свода
Не уничтожен «корень зла»,
Как от соседнего завода
Осталась черная зола!

«Пора, пора прийти нам к выводу простому,
Чтоб натиск вражеский отбить:
«Речей не тратить попустому,
Где нужно власть употребить!»

II

Живут себе да живут на белом свете,
В богатовском сельсовете,
В округе Шахтинско-Донецком,
При правлении советском,
Не один кулацкий кружок, а целых три,
Подтачивая советскую власть изнутри.

В первом кружке кулаки — Коренцов,
Борисов да Назаров —

Стряпают «слушки» для темных базаров,
«Лгут всяк зол глагол»
Про вред колхозов и школ.

Второй кружок, где «за атаманов»
Кулак Кубашкин да подкулачник Пузанов,
Ведет средь бедноты агитацию,
Выдает кулакам аттестацию:
«Выбирайте в совет не бедняков,
Не середняков,
А зажиточных мужиков:
Умный мужик Разуваев,
Дошлый мужик Колупаев.
Они приструнят шалопаев,
Они заставят крикунов
Ходить без штанов.

Зато тем, кто им окажет уважение,
Будет всякое вспоможение,
Бери, получай —
Вот тебе сахар и чай,
И семенная ссуда,
И... с водчонкой посуда!
После выборов выпить извинительно».
До чего соблазнительно!

У третьего кулацкого кружка
Председатель — башка.
Ну, как не назвать его,
Товарища Алпатьева?!
Вот чья ласка мила, чья страшна угроза,
Особливо во внимание беря,
Что он и председатель колхоза
Под названием «Заря».

С кулачем ведет он дружбу большую,
Кулаки у него одесную
И ошую:
Сообща они ратуют за бога,
Сообща борются против сельхозналога,
Сообща делают возражения
Против самообложения,
Сообща пишут в газету:
«У нас кулаков нету!»,
К займу индустриализации не скрывают вражды
И выбалтывают секрет всех кулацких секретов:
«Не видим никакой скоропалительной нужды
В перевыборе сельсоветов!»
Разошелся Алпатьев во всю прыть,
Так объявилась «учительша» Войнова,
Стала она Алпатьева крыть,
Как человека недостойного.
Вломился Алпатьев в амбицию,
Порвал на учительше всю амуницию,
Вцепился учительше в волосья,
Хвать клок! Хвать другой! Хвать! Хвать! Хвать!
«Ах ты, кривая Федосья!
Будешь меня критиковать?!
Иска-ле-чу!
И-зу-ве-чу!»
Притих весь избирком,
Как Алпатьев тенорком
Начал за здравие,
Кончил за упокой:
«Моя власть! Мое самодержавие!
Идите вы все к р-р-растаконной!!!»
Пошел избирком, чуть не плача:
«Вот так зада-а-а-ча!»
«Вот и говори,
Что перевелись цари!»
«Ах, ты мать ево, перемать ево,
Этого самого Алпатьева!»
«Вырос клещ на нашем теле!»
«Ца-арь, всамделе:
Он те плюнет, ты утрешься!»
«Тронь его, беды не оберешься!»

Ай, мужики, надо ж быть храбрей,
Храбрей да мудрей,
Так не будет этаких «царей».
Кто сказал, что Алпатьева страшно трогать?
Вот я беру его под ногти!
А теперь поглядим:
Остался ли он невредим?

III

Терский округ. Хутор Подольский.
Другие люди, другой размах.
Член избиркома, возраст не комсомольский,
Солидный товарищ — Стельмах.
Приехал Стельмах согласно чину-званию
Проводить предвыборную кампанию,
Остановился у знакомого человечка.
Хор-р-ро-шая штучка — печка!
Шуба — с плеч! Валенки — с ног!
Бррррр.
Пр-р-родр-р-рог!
В избу той порой набилось народу,
Не какого-либо сброду,
Пришли не бедняки,
Тем паче не коммунисты,
А первейшие кулаки,
Богомольные баптисты,
И давай Стельмаха «отогревать»,
Баптистские песни ему напевать,
Внушать умному Стельмаху:
«Не дайте, товарищ, маху!
Кулаков у нас нет!
Какая у нас борьба классов?
Перед богом — общий ответ!»
На выборах прошел не бедняк в совет,
А кулак Шелкоплясов!
Ах, ах, ах!
Стельмах, Стельмах!
Сумели тебя баптисты растрогать!

За то, что не поддержал бедноты,
Ложись-ка и ты
Под мой безжалостный ноготы!
Это не божий —но страшный! — суд:
Тут баптисты тебя не спасут!

**МНОГО У НАС КУЛАКОВ,
А ЕЩЕ БОЛЬШЕ...**

Пишет нам товарищ Овчаров из Армавира,
Где окружная посевная штаб-квартира,
Про что, бишь, пишет?.. Да вот
Насчет предвесенних хлопот.

Тут хлопочут,
Там хлопочут,
Везде хлопочут,
А в Армавире хохочут:
«Ха-ха-ха! Москва бьет тревогу
Опять.
Почему, не понять.
А у нас дела, ну, ей-богу,
На яты!»

Пахнет действительно ятью,
Которую подвергли изъятью.
Кой-кого и тут не пришлось бы изъять.

Начнем для разгона
С Ново-Александровского района.
Тут есть районная посевтройка.
Ей уж была однажды головомойка
За не слишком ретивые дела.
Была? — Была!
Попало? — Попало!

Здесь пристанционное положение.
Здесь районное машиноснабжение.
На радость хуторского и станичного люда
Идут повестки отсюда:
«Приезжайте машины получать!»
Подпись. Печать.
Не боясь морозной погоды,
Приезжают подводы.
Стоят подводы.
«Вот беда! Вот беда!»
«Время уходит. Расходы.»
«Нет у людей никакого стыда!»
«Зачем нас вызывали сюда?»
Идут, вздыхая, к машинному штабу,
К пред-ко-оп-маш-снабу:
«Товарищ Пух! А товарищ Пух!
Никак ты от спячки распух?
Где же машины? Ведь это ж не честно:
Вызвал нас, а машин-то и нет!
Когда ж они будут?»

Ответ:

«Не-из-вест-но!
Где-то... есть такой слух...
Задержались на железной дороге».
«Так-так-так!»
«Ух, ты — Пух!»
«Распапух!»
«Ведь весна на пороге!»

Армавир. Казенное здание.
Окружное посевное заседание
С деловым отчетом,
С цифровым подсчетом:
«Семьсот... Пятьсот... Два ноля...
Скоро выйдет из-под снега земля.
Дело у нас идет показательно,
Зерноочистку к 20-му февраля
На все сто процентов проведем обязательно!»
Деловой отчет,
Цифровой подсчет
Не на одной бумажной странице.

А в Ново-Алексеевской станице,
А в Чаплянской станице,
А в Константиновке тоже
Дело на отчет не похоже.
Без пользы — меж тем уходит пора! —
Стоят сортировки и триера.
«Да, зима, братец, это —
Не лето.
В холод этакий ежели не прогреешь нутра...»
Сортировщики дружно с утра
Прогреваются где-то!
Время — советское, а картина — стара.

Еще одна картина бытовая:
Станица — Передовая,
Отраднинский район.
«Передовая отрада!»
Иконы! Лампада!
Портреты вождей у икон!
«Сельхозтоварищи» местные,
Члены правления,
Люди хорошие, честные,
Лучшие из всего населения:
Кендюхов, Дублин и Чернов.
Не суетятся. Не имеют причины.
Спокойные мужчины.
В Передовой — не любят обнов:
Ни одной зерноочистительной машины!
Под тяжестью тайных грехов
Богомольный Кендюхов,
Прерывая с женой перебранку,
Торопится в церковь спозаранку.
А Дублин с Черновым
Занимаются делом тоже не новым:
Пьют и пьют беспросветно!
Пьют да песни поют!
В станице Михайловской не отстают.
Перегнали даже Передовую заметно.
Спрос на машины со всех сторон,
А у михайловских организаторов
На прокатном пункте — район! —

Четыре буккера, шесть борон,
Сколько-то там культиваторов,
Да сеялок пара кукурузных.
Не придумать запасов более конфузных!
А то, что есть на пункте зерноочистительном,—
В порядке самом непростительном:
Триер один — в разряде больных,
А два остальных,
Хоть они не в ремонтной больнице,
А в станции Михайловской пока,
Но — под замком. А ключ от замка
В другой, Петропавловской станции!

Зато у какого-то Максимова
— Пошли ему бог ярового и озимого! —
Собственный триер болезни не обнаруживает,
За плату сторонних посевищиков обслуживает,
Владельцу деньги сколачивает,
Советский фундамент подтачивает,
Советской конкуренции не пугается.
Все как быть полагается,
Потому, что опричь кулаков,
Нам вредящих при самомалейшей возможности,
Много пьяниц у нас, пентюхов, колпаков,
Тормозящих дела боевой неотложности.

НЕ СТРАШНО

Один кулак —
Не дурак,
Прикинувшись селькором,
Настрочил письмишко в газету «Батрак»,
Письмишко, в котором —
Всей бедноте деревенской на страх —
Преподнес такое сообщение:
«Пастушеский прах!»
«Кулацкое мщение!»
«Кулаки пастуха излишне зубастого,
Зубастого да горластого
(Имя, фамилия,
У такой-то деревни, в лесу, на бугре),
За его постоянные усилия
Мешать кулацкой игре
Сожгли живьем... на костре!»

Вот как! Бойтесь кулацкого племени!
Грозен, дескать, кулацкий озлобленный дух!
В «Батраке», однако, по малом времени,
Отозвался письмом... сам «сожженный» пастух!
Он жив. Он находится в полном здравьи.
Он проходит в уезде курсы коровьи.
Он будет не только хлопать бичом:
Он станет сельским коровьим врачом.
Что ж касается шутки кулацкой,
Угрозы газетной, дурацкой:
«Прикуси язычок, а то больно остер!
Не то попадешь на кулацкий костер!» —

То сколько б их ни было, богатеев бодливых,
Пастухи нынче тоже не из пугливых,
Знают крепко, порядок советский каков
Для слишком бодливых кулацких быков.

Нет, пустыми тревогами мы себя не тревожим,
Что кулацкий-де бык не всегда одолим
Любого быка — при нужде — мы стреножим,
Любому быку мы рога подпилим!

СОЮЗ «ПО ГРОБ ЖИЗНИ»

В итоге первой переписи населения Ватиканского государства папских подданных оказалось 450 человек.

Не государство — ерунда:
На полверсты кругом граница.
Но от него вреда, вреда!
Так много яду в нем хранится!

Фашизм подходит неспроста
К поганой папской этой куче,
И с заместителем Христа
Не зря дружит фашистский дуче,

Фашизма с папством темный брак
Свершен с расчетливым цинизмом.
У них один — смертельный! — враг,
И он зовется — коммунизмом!

ЛЕГКОМЫСЛЕННАЯ ОСОБА

Она очень чувствительная,
Очень язвительная,
Очень сварливая,
Очень говорливая,
Неугомонная особа.
Радость и злоба
Перемежаются в ней
По причинам... причинам... причинам...
«Походили б вы в рынок хоть несколько дней!
Хорошо вам, муж-ж-ж-чи-нам!!»
Кто она?
Кто она, говорливая эта гражданка?
Простая мещанка?
Былая княжна?
Деввица? Чья-либо жена?
Как зовут ее: Марья Иванна?
Дарья Степанна?
Тетя Лина
Иль Зина?
Хороша она иль образина?
Не в меру глупа иль не в меру умна?
Кто она? Кто она?
Да базарная просто корзина!
Вот та, что у магазина
Иль у лавки в каком-либо рынке
В очередях
Десятой — двадцатой такой же корзинке
Говорит... вот об этих чертях,

Из-за которых приходится...
«Мать-богородица!
То яичный был кризис весной,
А нынче — мясной,
А завтра,— что будет, я спрашиваю?
Последнее платье — из прежних — донашиваю.
А новое... Новое снится.
Не доступить до ситца.
А до мяса... Мясной уж есть анекдот,
Вот:
Любуясь витриной прекрасной
Советской колбасной,
Один гражданин, подтянувши живот...»
«Ах-ха-ха! Ну, откуда вы все анекдотики?..
Надорвешь прямо с вами животики!»
«А то говорят... У меня есть корзина
Беспартийная тоже корзина,
Но все знает... Кузина Зизи,
Между нами, с одним коммунистом в связи.
Ну так вот. Только вам. По секрету.
Шу-шу-шу! Шу-шу-шу! Шу-шу-шу-шу!»

Про корзину базарную эту
Неспроста я пишу.
Она — несмотря, что по виду банальна
И бубнит о московском борще
И хряще,
А по сути своей она вообще —
Интернациональна.
Ее знает любая страна.
Во все времена
Она
Одна,
Все та же, все та же!
И даже
Ей, базарной корзине, посвящена
У старого сказочника, Андерсена,
Одна — очень мудрая! — сцена.
На кухне исконные,
Так сказать, проф-кухонные
Жильцы и жилички

Ведут разговор вечерком.
На полке жеманно сюсюкают спички,
Бахвалаясь пред котелком:
«Мы не просто — служаночки,
А по нашей родне мы — дворяночки.
Наше место — не кухня, а светлый буфет!»
Котелок им в ответ:
«Да, гражданочки!
А вот я... Котелок я простой
И хотя холостой,
Но никогда после баночки
У меня не болит голова.
Значит, трезвость моя такова».

Единственное мое баловство — это вот лежать после обеда, чистеньким, на полке и вести приятный разговор с товарищами. Все мы вообще большие домоседы, если не считать ведра, которое бывает иногда во дворе. Новости же нам приносит базарная корзинка. Она часто ходит на рынок. Ну, уж и что за язычок у нее! Послушать только, как она рассуждает о правительстве и о народе! Намедни, слушая ее, старый горшок от страха свалился с полки и разбился в мелкие черепки! Да, вот она, базарная корзинка! Легкомысленная особа, скажу я вам.

(Из сказки А н д е р с е н а «С у н д у к - с а м о л е т».)

Не правда ли, сказочка славная?
И мудрая и презабавная?
Какая корзине оказана честь!
Эту сказку полезно прочесть
Тем, кто любит послушать базарные «злобы»
Из уст «легкомысленной» этой особы,
Для того прочесть ее, чтобы,
Поверив не мне,
А старику Андерсену,
Базарно-корзиночной всей болтовне
Установить надлежащую цену.
Переплатишь, хоть грош за нее заплати.
Лучше плюнуть и мимо пройти!

ГРОЗНЫЙ ЗНАК

В Нью-Йорке открыт новый неврологический институт. В связи с этим сообщают, что каждый 25-й житель Сев. Ам. Соед. Шт. лечится в больнице от нервной болезни или от сумасшествия.

Вот так житье!
Вот так Америка!
И рифма не зря для нее:
Истерика!
Вот вам и сверхкапитал!
Как плоды его жутки!
Это — материал
Не для легонькой шутки.
От него не отделаться взмахом одним,
Призадуматься следует крепко над ним.
Ведь не нужно тут даже особой учености,
Просто надобно свежей владеть головой,
Чтоб понять этот знак роковой,
Грозный знак — *обреченности!*

М Р А К!

Ровно 150 лет после выхода в свет известного романа Вольтера «Кандид» бостонский суд на днях издал приказ о запрещении продажи этой книги, как «неприличной». В книжных магазинах Бостона конфисковано 13 экземпляров.

Недавно Дарвина кляли,
Глядь — на Вольтера уж гоненье!
Теперь — вращение земли
Осталось взять лишь под сомненье!

Старорежимных дураков
Громил когда-то смех вольтеров.
И вдруг теперь — пассаж каков! —
*В пещерный мрак каких веков
Идет страна миллиардеров?*

МЕЛОЧЬ, А ВАЖНАЯ

Верховный суд С.-А.С.Ш отказал в правах гражданства одной уроженке Венгрии за «пацифистские убеждения, недостойные американки».

Страх люблю такие факты!
Весь вместился в три строки,
А перед ним все Келлог-пакты
Пустяки!

ФАШИСТСКИЙ СПОР

Итальянский академик Бельтрамелли утверждает, что автор «Дон Кихота» Сервантес — итальянец и родился в итальянском городе Форлимпополи. В этом городе уже собираются торжественно отпраздновать «возвращение блудного сына».

«Он итальянец!»

«Нет, испанец!»

«Нет, итальянец!»

Шум и свист.

Я в этом деле иностранец

И — большевик, а не фашист.

Скажу одно по крайней мере,
Что Сервантес когда б воскрес,
То Муссолини и Ривере
Плохой бы вышел интерес:

О них весь мир в конечном счете —
Ведь типы, типы каковы! —
Прочел бы в мудром «Дон Кихоте»
Две дополнительных главы!

ИЗЛИШНЕЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Лидер либеральной партии Ллойд-Джордж выступил 13 июня с первой речью со времени окончания выборов. Ллойд-Джордж предостерег правительство рабочей партии проводить «социалистические эксперименты».

Что за пламенное «вето»,
Что за выраженье!
Ни к чему, однако, это
Предостереженье.

Может, так, как было ране,
А быть может, хуже
Те же тени на экране
Спляшут пляску ту же,

Так же вгонят их в тревогу
Псевдодокументы.
Нет! Какие уж, ей-богу,
Тут эксперименты!

ПОДЛИННО ЧЕРНЫЙ

Американский миллиардер Кип-Райнлендер возбудил дело о разводе, возмущенный тем, что жена его скрыла наличие в ее роду негритянской крови.

Видали? Сцена не дурна.
Миллионер взбешен! Он гневно сдвинул
брови!
Он не выносит «черной» крови,
Он, совесть чья черным-черна!

ЭТОГО ТОВАРУ ХВАТИТ

«Кельнше цейтунг» сообщает, что 9 германских чиновников, арестованных французскими оккупантами по обвинению в шпионаже, будут обменены на французов, арестованных в Германии по обвинению в шпионаже.

Хоть странен торг таким предметом,
Но — таковы у них порядки.
И в меновом товаре этом
У них не будет недохватки!

ЧТО Ж ТУТ УДИВИТЕЛЬНОГО?

В то время как рабочих в Германии преследуют за ношение хотя бы частичной формы красного союза фронтовиков, суд в Киле оправдал группу фашистов, обвиненных в принадлежности к запрещенному обществу «Викинг». Суд нашел обвинение недоказанным...

(Из газет.)

Все это очень заурядно.
Ведется так не первый год.
Суд демонстрирует наглядно,
Что значит — *классовый подход*.

ЧУВСТВУЮТ ГРОЗУ

Американская полиция открыла авиационную школу К пулеметам и пушкам полиция сможет пгибавить воздушные бомбы для подавления забастовок.

Итак: полиция — в эфире,
А забастовщики — внизу.
О социальном пишут мире,
А шкурой чувствуют — грозу!

НАС ПОБИТЬ, ПОБИТЬ ХОТЕЛИ!

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались,
А мы тоже не сидели,
Того дожидались!

У китайцев генералы
Всё вояки смелые:
На рабочие кварталы
Прут, как очумелые.

Под конец они, пройдохи,
Так распетушились:
На советские «подвохи»
Дать отпор решились:

«Большевистскую заразу
Уничтожить начисто!»
Но их дело стало сразу
Очень раскорячисто.

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались,
Но мы тоже не сидели,
Того дожидались!

Так махнули,
Так тряхнули,
Крепко так ответили,

Что все Чжаны
Сюэ-ляны
Живо дело сметили,

Застрочили быстро ноты
Мирные и точные.
Мастера своей работы
Мы, дальневосточные!

Наш ответ Чжан Сюэ-лянам —
Схватка молодецкая,
А рабочим и крестьянам —
Дружба всесоветская!

Нас побить, побить хотели;
Нас побить пытались,
Но мы даром не сидели,
Того дожидались!

**«КАК В СТАРИНУ МУЖИКОВ
МОЛИТЬСЯ УЧИЛИ»¹**

«Ох-ох-ох! Люди в празднички к богу
Позабыли дорогу.
Бывалыча, прежде-то в праздник до звона
Сойдутся крестьяне у божьего трона.
Все к господу тянутся!
Разве дома останутся —
Старичишка безногий, кто-либо больной,
Либо малые детки».

Богомольною хвалятся так стариной
Обомшелые бабки иные да дедки.
Я спрошу, старину разбирая учтиво,
Так ли было крестьянство к молитве ретиво?
Старину надо по документам судить:
О крестьянах они говорят убедительно,
Что по праздникам божиим в церковь ходить
Заставляли крестьян принудительно,
«Побуждали к молитве»... дворянским кнутом.
Документик о том,
До каких в этом деле доходили конфузов,
Оставил нам попик Ефимий Арбузов.
Плач поповский попал в консисторию,

¹ В основание фельетона положен оттиск: Д. Фаворский, «О побуждении крестьянского населения к хождению в церковь в высоко-торжественные дни». Вятка. Губернская типография.

В оттиске рассматривается одно из дел вятской провинциальной канцелярии 1779 года.

Оттуда — в историю,
Из истории — в мой фельетон.
Так что это — не «звон»,
Не брехня, не ворчание скучное,
А свидетельство строго научное.
Не корите писателя «зло-большевицкого»:
Он-де мастер чернить старину клеветой.
Вот что пишет священник села Кленовицкого,
Крестовоздвиженской церкви святой:

**Преосвященному Лаврентию, епископу
вятскому и великопермскому**

... Приходские крестьяне в дни восшествия, коронации, также рождения и тезоименитства ее императорского величества и их императорских высочеств во святую церковь к божественному служению, хотя весть им от его, священника, послана была, не приходят, а частные де смотрители, старосты, выборные и пищики, приискав какое дело приказное, отговариваются тем, что мы знаем государственные дела, а вы-де, священники, пойте одни, но еще с укоризной и руганием сие производят, а что касается до викториальных дней, то, поколику оные праздники отправляются в воскресные дни, отчасти приходят...

Приходят — и то лишь «отчасти»,
Раз требуют власти!

Поп сзывал мужиков гулким звоном,
А они — черта с два!
Владыкою «на доношении оном
Резолюция учинена такова»:

Сообщить, куда следует в светскую команду, и требовать, дабы в высокаторжественные дни прихожане на славословие божие приходили, подтверждения, а в противном случае со слушниками дабы поступлено было по силе законов.

А «сила законов» была всем известная,
На Руси, на святой, повсеместная:
Глас начальника «светской команды»:
«Вот какие у вас реприманды?
Мужичье все от церкви отбилося?
Ну-ка! Вы! Сколько вас тут столпилося?
Доберусь я до вашей спины!»

Снять рубахи-штаны!
Оголиться!
Я вас, сучьи сыны,
Научу, как молиться!»
«Благодетель!»
 «Родной!»
 «Пожалей!»
 «Ваш-ско-броды!»
«Кома-а-ан-да! Пор-р-роты!»

ПРИМЕЧАНИЯ

*Примечания. помещенные непосредственно
под текстом стихотворений, сделаны автором.*

В настоящий том вошли произведения, написанные Демьяном Бедным в период перехода советской страны на мирную работу по восстановлению народного хозяйства и в годы борьбы Коммунистической партии за социалистическую индустриализацию, то есть с 1921 по 1929 год.

Как и в предыдущих томах, весь материал расположен в хронологическом порядке — по годам, а внутри разделов — по датам написания произведений.

Тексты приводятся по последнему прижизненному однотомнику произведений поэта (Д е м ь я н Б е д н ы й, Собрание сочинений в одном томе, ред. А. А. Волков, Гослитиздат, М. 1937), а не вошедшие в него тексты — по другим, наиболее поздним авторизованным сборникам произведений Демьяна Бедного, а также по отдельным томам собрания сочинений, выходявшим в 1926—1933 годах.

Примечания строятся по тем же принципам, что и в предыдущих томах настоящего издания.

1921

Разбойная жалость (стр. 5).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 9, 15 января.

Басня обличает стремление французского империализма использовать в своих интересах малые страны.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Змеиное гнездо (стр. 6).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 10, 16 января.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Брестский Гофман — Гофман М., кайзеровский генерал, участник первой мировой войны, представитель германского военного руководства на переговорах о заключении мира в Бресте, вторгшийся с немецкими войсками на советскую территорию в 1918 г. Будучи одним из главарей германской военщины, стремился к полному разгрому советской страны. После выхода в отставку в 1919 г. поддерживал белогвардейское охвостье за рубежом и носился с новыми планами «похода на большевиков».

Гучков А. И., Милюков П. Н., Чернов В. М., Мартов Л. — лидеры буржуазных контрреволюционных партий в России, разгромленных Октябрьской революцией (Гучков — партия октябристов, Милюков — кадетов, Чернов — эсеров, Мартов — меньшевиков); активные враги советской власти, ставшие идейными главарями белогвардейской эмиграции.

Либкнехт Карл, Люксембург Роза — видные деятели германской коммунистической партии, руководители германского пролетариата, зверски убитые 15 января 1919 г. в Берлине во время подавления рабочего восстания монархической военщиной, действовавшей по указке военного министра Германии, социал-палача Носке. В канун опубликования стихотворения Д. Бедного отмечалась вторая годовщина гибели К. Либкнехта и Р. Люксембург.

И с к у п л е н и е (стр. 7).— Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1921, 25 января, с подзаголовком «Деревенский рассказ царского гвардейца-инвалида». В 1925 г. выпущено отдельным изданием: Демьян Бедный, «Искупление, рассказ», Гиз, 1925 (переиздания 1928 и 1930 гг.).

Вошло в книгу Д. Бедного «1905 год», 1931, откуда и печатается текст.

П р е д а т е л я м (стр. 15).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 48, 4 марта, с подзаголовком «О Кронштадте» (вместо слов, стоящих в подзаголовке приводимого текста).

Текст печатается по книге «Старое и новое», 1928.

Кронштадтский мятеж имел место 2—17 марта 1921 г. Враги советской власти, использовав тяжелое хозяйственное положение страны после гражданской войны и недовольство крестьян продразверсткой, повели за собою отсталую часть матросов, в большинстве своем представлявшую сырую, политически неграмотную крестьянскую массу. Во главе мятежа стали белогвардейцы, связанные с эсеров-меньшевистским охвостьем, с представителями империалистических государств. «Мятежники забрали первоклассную крепость,

флот, огромное количество вооружения и снарядов. Международная контрреволюция торжествовала победу. Но слишком рано ликовали враги. Мятеж был быстро подавлен советскими войсками. Партия послала против кронштадтских мятежников лучших своих сынов — делегатов X съезда во главе с тов. Ворошиловым... Кронштадтская крепость была взята приступом красных войск. Кронштадтский мятеж был ликвидирован» («История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, стр. 239).

Превосходительный подлец — один из главарей мятежа, белогвардейский генерал Козловский.

Предрешенное (стр. 17).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 93, 1 мая.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Братское дело (стр. 19).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 154, 16 июля, в номере, посвященном сбору продналога. Передовая статья номера называется «Все на продовольствие!». Один из лозунгов, данных на первой полосе, гласит: «Кто за помощь голодающим рабочим и крестьянам Поволжья — помогайте сбору продналога!»

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

Пришла великая народная беда — голод в Поволжье, разразившийся летом 1921 г. Характеризуя причины этого бедствия, В. И. Ленин писал: «Это — тяжелое последствие отсталости России и семилетней войны, сначала империалистской, потом гражданской, которую навязали рабочим и крестьянам помещики и капиталисты всех стран» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 32, стр. 477).

Империалисты Европы и Америки пытались использовать бедствие советских людей в своих корыстных целях. Они препятствовали оказанию материальной помощи голодающим, ставя ее в зависимость от уплаты Советской Россией долгов царского правительства. Вместе с империалистами белогвардейское охвостье за рубежом делало прямую ставку на удушение Советской России с помощью голода. О бесчеловечности и преступном лицемерии, которые обнаружили при этом «белые господа», говорится во второй части данного стихотворения.

Советское правительство приняло энергичные меры по оказанию помощи голодающим и призвало трудящихся к участию в этом деле государственной важности. «Помощь нужна быстрая, — писал В. И. Ленин. — Помощь нужна обильная. Пусть не останется ни одного земледельца, который бы не поделился своим избытком с

поволжскими голодающими крестьянами, которым нечем засеять полей» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 32, стр. 478).

Борьбе с голодом, разоблачению лицемерной буржуазной «помощи» голодающим со стороны паразитирующих на теле народа «алтынников» (нэпманов и спекулянтов) Д. Бедный посвятил целый ряд стихотворений, составивших книгу: Демьян Бедный, «Проклятие», кооп. издательство «Жизнь и знание», М. 1922. В эту книгу вошли стихотворение «Братское дело», приводимое ниже стихотворение «Алтынники» и ряд других. Большинство их дано также в книге: «Братское дело (Библиотечка Демьяна Бедного)», Гиз, М.—Л. 1927.

Л и б е р а л (стр. 21).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 169, 3 августа.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Яблоновский А. А.— русский буржуазный журналист, ставший после Октябрьской революции борзописцем белоэмигрантской прессы.

С в е р х-л и б е р а л (стр. 22).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 179, 14 августа, без заголовка, в подборке фельетонов Д. Бедного, под общим названием «Стружки».

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Недавно я писал...— см. предыдущее стихотворение и примечание к нему.

Тамерлан — восточный завоеватель XIV века, известный своими жестокостями и грабежами.

А л т ы н н и к и (стр. 23).— Впервые опубликовано в специальном выпуске «Правды» (1921, № 221, 3 октября), посвященном помощи голодающим. «Настоящий номер, — сообщалось в нем, — составлен, набран и напечатан в порядке субботника сотрудниками «Правды», РОСТА и рабочими 2-й образцовой газетной типографии МГСНХ (Тверская, 48)».

Номер открывался статьей М. И. Калинина «Все на выручку!». «Только широкая всероссийская помощь рабочих и крестьян, — говорилось в статье, — только их неослабное внимание к делу помощи дадут силы и бодрость миллионам трудящихся встать снова в ряды трудовой армии для восстановления благосостояния Советской Республики... Все на выручку части нашей братской трудовой армии! На выручку!»

О голоде в Поволжье — см. прим. к стихотворению «Братское дело».

Стихотворение «Алтынники» в первоначальной редакции после слов «и то сказать, вчера...» имело сноску: «17/30 сентября 1921 г. Веры, Любви, Надежды, Софьи».

В книге «Проклятие», 1922, Д. Бедный открыл этим стихотворением раздел «Как они голодным помогают. Капиталисты свои и чужие».

Текст печатается по однотомнику 1937 г., где стихотворение ошибочно датировано 1922 г.

Р а б о в л а д е л ь ц ы (стр. 26).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 230, 13 октября.

Текст печатается по книге «Старое и новое», 1928.

«В л а д и м и р к а» (стр. 30).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 251, 6—7 ноября, и параллельно в газете «Беднота», 1921, № 1069, 6 ноября. Написано стихотворение к четырехлетию Великой Октябрьской социалистической революции. Вошло в книги Д. Бедного: «Главная улица», изд. «Московский рабочий», 1924, «Героическое», 1926 (2-е изд., 1928), и др.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Владимирка — тракт Москва — Владимир (ныне — шоссе Энтузиастов), по которому в царское время вели осужденных революционеров на сибирскую каторгу.

А з б у к а («Я не скажу, что нынче вёдро») (стр. 32).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 263, 22 ноября.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

...*хоть на унынье нынче мода.*— Имеются в виду нездоровые настроения, охватившие некоторых советских поэтов при переходе страны к новой экономической политике. Об этих настроениях говорил В. И. Ленин на XI съезде партии: «У нас даже поэты были, которые писали, что вот, мол, и голод и холод в Москве, «тогда как раньше было чисто, красиво, теперь — торговля, спекуляция». У нас есть целый ряд таких поэтических произведений» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 252).

«В а ш и н г т о н с к о е р а з о р у ж е н и е» (стр. 34). — Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 266, 25 ноября.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Стихотворение написано в связи с открывшейся 12 ноября 1921 г. в Вашингтоне международной конференцией, на которой государственный секретарь (министр иностранных дел) США, верный проводник политики американского империализма *Юз* (в тексте — *Льюз*), выступил с фальшивыми речами о «сокращении вооружений» и представил специальный проект по этому вопросу.

Во главе французской делегации был премьер-министр *Бриан* (о нем см. прим. к стихотворению «Были, да перевелись»). *Ллойд-Джордж* (см. то же примечание) возглавлял тогда английское правительство. Конференция, проводившаяся без участия советской страны (что вызвало резкий протест со стороны советского правительства), обнаружила глубокие противоречия между основными ее участниками (США, Англией, Францией, Японией). В результате конференции США добились расторжения англо-японского союза и ограничения тоннажа морского флота Англии и Японии. Как этим, так и другими решениями США создали благоприятные условия для дальнейшего развития своей военной мощи. «Едва ли нужно доказывать,— писал И. В. Сталин 18 декабря 1921 года,— что так называемая «мирная» конференция в Вашингтоне не сулит нам ничего действительно мирного» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 5, стр. 119—120).

Вельзевул — у христиан название сатаны.

Асмодей — по библейской легенде, глава демонов, злой дух.

В е л и к и й п а м я т н и к (стр. 36).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 269, 29 ноября. Вошло в книгу: Демьян Бедный, «К борьбе, труду, победе! Избранные произведения», «Урал-книга», Свердловск, 1925.

Стихотворение написано в связи с Вашингтонской конференцией империалистических держав, которая, по замыслу ее организаторов, должна была продемонстрировать «миролюбие» империалистов. См. прим. к предыдущему стихотворению.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

О т ж и з н и к т л е н ь ю (стр. 38).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 274, 4 декабря.

Текст печатается по книге «Старое и новое», 1928.

С е м е н а (стр. 39).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 275, 6 декабря.

Написано к столетию со дня рождения Н. А. Некрасова.

Текст печатается по X тому собрания сочинений, 1928.

О б м а н у т а я м а д а м (стр. 42).— Впервые без подзаголовка опубликовано в «Правде», 1921, № 277, 8 декабря.

Текст печатается по книге «Разгадка», 1927.

Лига Наций — международное объединение государств, созданное державами-победительницами после первой мировой войны (в 1919 г.). Заявившая о своем намерении содействовать мирному разрешению международных конфликтов, Лига Наций на самом деле

была орудием всякого рода закулисных интриг в руках империалистов и ареной борьбы между собою империалистических государств. Лига Наций прекратила свою деятельность в самом начале второй мировой войны.

Русские беженцы — белая эмиграция.

Увы, немецкие долги...—В этой строфе говорится о военных репарациях, которые Франция и другие страны Антанты взимали с Германии.

Не я ль спасал вас столько лет...— указание на роль, которую сыграли французские империалисты в организации военной интервенции и в поддержке белогвардейских банд в Советской России.

Революционный парад (стр. 45).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 280, 11 декабря.

Стихотворение написано в связи с празднованием четвертой годовщины со дня образования Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (ВЧК). Комиссию возглавлял Ф. Э. Дзержинский.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Труд и порядок (стр. 47).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 281, 13 декабря. В газетной редакции стихотворение имело еще четыре начальные строки, шедшие за эпиграфом и снятые автором при перепечатке в IX томе собрания сочинений, 1928, откуда и печатается текст.

Выступая 2 января 1931 г. на 1-й партийной конференции Ленинского района г. Москвы, Д. Бедный сказал: «Не тем ли мы как раз и сильны, что мы организуем нашу жизнь, что мы вводим в нее тот порядок, которого она прежде не знала? Еще в 1921 году наша партия четко отметила это словами: «В нашем государстве мы — партия порядка».

Далее в речи была полностью приведена выдержка из «Правды», поставленная эпиграфом к стихотворению «Труд и порядок», а в заключение — слова: «Вперед! перед нами» и вторая часть стихотворения:

Простор — для творчества, простор — для жизни новой...
и т. д. до конца.

Были, да перевелись (стр. 48).— Впервые опубликовано в «Правде», 1921, № 290, 23 декабря.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Ллойд Джордж — английский государственный деятель, с конца 1916 г. по 1922 г. премьер-министр Великобритании, проводник внешней политики британского империализма, один из органи-

заторов интервенции против нашей страны. После разгрома интервенции был инициатором возобновления торговых отношений с советским государством. «Первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха», «превосходный приказчик буржуазии» — так называл Ллойд-Джорджа В. И. Ленин еще в 1916 г. (В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 106). В заключительном слове по докладу ВЦИК и Совнаркома на VII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1919 г.) В. И. Ленин отнес Ллойд-Джорджа к числу «самых худших из хищников, зверей империализма» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 217). Ратуя с 1921 г. за торговые связи с Советской Россией, Ллойд-Джордж стремился облегчить послевоенный хозяйственный кризис в Англии.

Бриан А. — реакционный французский государственный деятель, возглавлявший французское правительство в 1921—1922 гг. В 1925—1932 гг. руководил французской дипломатией, проводя политику сколачивания блока империалистических государств, направленного против СССР.

Прощупывают нам бока... — Имеются в виду провокационные действия империалистов против СССР на Западе и Востоке во второй половине 1921 г.: белофинская авантюра в Карелии (нападение на Карелию белогвардейских банд, руководимых и поддерживаемых финским правительством); переброска из панской Польши на Украину двух тысяч петлюровцев и нескольких банд на Украину из Румынии; интервенция Японии на Дальнем Востоке.

«Всё это и многое подобное, — писал И. В. Сталин, характеризуя международную обстановку в статье «Перспективы» («Правда», 1921, № 286, 18 декабря), — представляет по всей видимости, отдельные звенья в общей работе по подготовке нового наступления на Россию» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 5, стр. 120).

Политическая загадка (стр. 50). — Впервые опубликовано в газете «Коммунистический труд», 1921, № 525, 27 декабря.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений 1926 г., где стихотворение ошибочно датировано 1922 годом.

1922

После ужина горчица (стр. 52). — Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 4, 5 января, в подборке фельетонов Д. Бедного, под общим заголовком «Попутно».

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Амфитеатров А. В. — буржуазный писатель и газетный фельетонист, после Октябрьской революции — активный враг советской власти, белоэмигрант.

«*Общее дело*» — белогвардейская газета, издававшаяся в Париже.

Палицын А. И. (Аврамий) — русский деятель периода «Смутного времени» (эпоха крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в.), один из сподвижников Дм. Пожарского.

Советский часовой (стр. 53). — Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 11, 15 января. Вошло в книгу Д. Бедного «Обманутым братьям», Дальгиз, Хабаровск, 1936.

Советская граница по Днестру проходила после того, как боярская Румыния, действовавшая по указке англо-франко-американских империалистов, насильственно захватила (в январе 1918 г.) Бессарабию, являющуюся органической частью советской территории (освобождена в 1940 г.). Граница эта была неоднократно использована зарубежными империалистами для переброски в СССР шпионско-диверсионных и бандитских элементов.

В газетной редакции стихотворение «Советский часовой» имело следующий эпиграф:

«Из-за Днестра выстрелом убит наш часовой.

Донесение с русско-румынской
«мирной» границы.»

Эпиграф снят автором при включении стихотворения в V том собрания сочинений 1927 г., откуда и печатается текст.

Меньшевицская плачя (стр. 55). — Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 22, 29 января, в виде подписи к карикатуре на Мартова, который выведен в стихотворении под именем *Мартушки*.

В газетной редакции сноска к слову «плачя» сопровождалась указанием на словарь Даля, т. 3, стр. 298.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Друг шейдемановцев.. — друг германских социал-предателей (Шейдеман Ф. — лидер германских правых социал-демократов, известный контрреволюционер и социал-шовинист).

...*Генуей и день и ночь он бредит...* — Имеется в виду международная конференция в Генуе, происходившая с 10 апреля по 19 мая 1922 г. с участием СССР, Англии, Франции, Италии, Бельгии, Японии и других стран. Генуэзская конференция явила собою попытку нового нажима империалистов на нашу страну: Советскому государству были предъявлены требования вернуть

иностранным капиталистам национализированные в октябре 1917 г. фабрики и заводы, уплатить все долги царского правительства и буржуазного Временного правительства. Советская делегация отвергла эти наглые требования. Генуэзская конференция не дала результатов. «Теперь Генуя, — писал В. И. Ленин в период конференции (28 апреля 1922 г.), — как раз знаменует опять «передышку» в неизмеримо более крупном, всемирном масштабе, передышку между войной против Советской России, каковую войну всемирная буржуазия вела и проиграла, и новой войной, которую эта буржуазия готовит, но еще не совсем приготовила в данный момент» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 308).

В с е я с н о (стр. 56).— Впервые без эпиграфа опубликовано в «Правде», 1922, № 49, 2 марта.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Эпиграф имеет в виду появившиеся в советской печати заявления двух бывших активных эсеров, Семенова и Коноплевой, о террористической и диверсионной деятельности партии «социалстореволюционеров», о сотрудничестве этой партии со штабами и посольствами иностранных государств, об организации ею покушения на В. И. Ленина в 1918 г. и убийств В. Володарского и М. Урицкого (см. прим. к стихотворению «Осы»).

Приютит ли их «двухполовинный»? Или выгонит даже «второй»? — Имеются в виду международные объединения социал-соглашательских партий — 2-й Интернационал и 2½-й (Венский) Интернационал. Последний был создан социал-предателями для того, чтобы воспрепятствовать переходу наиболее отсталой части рабочих буржуазных стран из Второго Интернационала в коммунистические партии.

«G o l o s R o s s i i» (стр. 57).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 61, 16 марта.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Врангель П.— белогвардейский генерал, выброшенный из России в результате полного разгрома его армии советскими войсками в Крыму в ноябре 1920 года.

Дан Ф.— один из меньшевистских лидеров, белоэмигрант.

Адлер Ф.— австрийский социал-демократ, злейший враг революции, организатор Венского («двухполовинного») интернационала (см. прим. к предыдущему стихотворению), неоднократно инициатор клеветнических выступлений в печати против СССР. В начале второй мировой войны Адлер эмигрировал в США, где выступает со злобными нападками на коммунистов и на Советский Союз.

Львиное угощение (стр. 59).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 105, 13 мая.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

...на генуэзских сковородках!— Имеется в виду упомянутая выше Генуэзская конференция (см. прим. к стихотворению «Меньшевистская плачя»).

Не политическое ратоборство, а юридическое крючкотворство (стр. 61).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 112, 21 мая.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Вандервельде Э. (ум. 1938)— лидер бельгийской «рабочей» партии, крайний ревизионист и оппортунист, один из руководителей 2-го Интернационала, враг СССР.

Стихотворение написано в связи с приездом Вандервельде в Москву для «защиты» на суде вожаков контрреволюционной партии эсеров. Затем эта кончилась провалом: в первые же дни процесса Вандервельде отказался продолжать «защиту» и покинул Москву.

На ту же тему в мае — июне 1922 г. Д. Бедный написал ряд фельетонов, приводимых в настоящем томе далее (см. «Вандервельде в Москве»).

Догенуэзился (стр. 62).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 113, 23 мая.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Догенуэзился. — Имеется в виду Генуэзская конференция (см. прим. к стихотворению «Меньшевистская плачя»).

Агентство Гаваса — французское телеграфное агентство.

Ллойд-Джордж — см. прим. к стихотворению «Были, да перевелись».

Кто поручится?.. (стр. 63).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 122, 3 июня.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

...спешит свою игру перенести в Гаагу.—Имеется в виду международная конференция, происходившая в Гааге 15 июня —19 июля 1922 г. с участием СССР и буржуазных государств. Конференция была продолжением Генуэзской и, вследствие непримиримой позиции, занятой делегатами империалистических стран, не привела к соглашению.

Осы (стр. 64).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 126, 9 июня.

Написано в связи с судом над эсерами, происходившим в Москве с 8 июня по 5 августа 1922 г. Перед Верховным революционным

трибуналом предстало 34 обвиняемых, в том числе 11 членов ЦК партии эсеров. В приговоре, опубликованном 9 августа 1922 г., указывалось, что партия эсеров с первых дней советской власти организовывала вооруженные контрреволюционные заговоры и восстания, поддерживала интервентов и белогвардейцев, совершала террористические акты против руководителей коммунистической партии и Советского государства (см. также прим. к стихотворениям «Все ясно» и «Вот именно!»).

Текст печатается по одному тому 1937 г.

В о л ч ь я з а щ и т н и ц а (стр. 65).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 127, 10 июня. Как и предыдущие стихотворения, является откликом на суд над эсерами.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

В а н д е р в е л ь д е в М о с к в е (стр. 67).— Под этим заголовком объединен ряд фельетонов, написанных в связи с приездом Вандервельде в Москву (см. прим. к стихотворению «Не политическое ратоборство, а юридическое крючкотворство»). Стихотворения «Гряди, гряди!», «Русские пословицы и поговорки в современном применении» и «Под хозяйское крылышко» впервые опубликованы в «Правде», 1922, № 115, 25 мая; «Чудак-покойник» (подпись к карикатуре худ. Дени, изображающей Вандервельде)— в «Правде», 1922, № 118, 30 мая; «Путешествие по сов. России знатного иностранца» — в «Правде», 1922, № 116, 27 мая; «Ах, позвольте вас поздравить!..» — в «Правде», 1922, № 117, 28 мая; «Королевская шансонетка» — в «Правде», 1922, № 121, 2 июня; «Прощай, Эмилия» (написанное в связи с отъездом Вандервельде) — в «Правде», 1922, № 132, 16 июня.

Д. Бедный объединил эти фельетоны в единый цикл при включении их в IV том собрания сочинений 1926 г., откуда и печатается текст.

В о т и м е н н о! (стр. 75).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 136, 22 июня.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

В м а л о м в е л и к о е (стр. 76).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 161, 21 июля. Помещено в книгах Д. Бедного: «Главная улица», 1924, «Героическое», 1926 (2-е изд., 1928).

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

З а э т о й л и н и е й (стр. 78).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 163, 23 июля.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

«Гааги» нету.— см. прим. к стихотворению «Кто поручится?..»

Пугало (стр. 79).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 179, 11 августа, в подборке «Эпиграммы» и с подзаголовком после слова «Пугало»: «Проект надписи на петербургском памятнике Александру III, который решено оставить на месте «в назидание потомству».

Вскоре после опубликования текста подпись была высечена на цоколе памятника. Впоследствии памятник был снят.

Текст печатается по однотомнику 1937 г., где стихотворение ошибочно датировано 11 октября 1922 г.

Юной гвардии (стр. 80).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 197, 3 сентября.

Написано в связи с празднованием международного юношеского дня.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Спокойствие и выдержка (стр. 82).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 232, 14 октября.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Босфор — узкий пролив между Черным и Мраморным морями, который вместе с проливом Дарданеллы запирает вход и выход из Черного моря, чем определяется его важное стратегическое значение. Стихотворение разоблачает внешнюю политику тогдашнего британского правительства по отношению к СССР.

Откуда есть пошел «Крокодил» (стр. 83).— Впервые опубликовано в журнале «Крокодил», 1922, № 8 (20), 15 октября.

Текст печатается по III тому собрания сочинений, 1930.

Нил — река в Египте.

Фивы — древний город в Египте.

Вот тебе эрмитажное увеселение! — «Эрмитаж» — летний театр в Москве.

Панские посулы (стр. 87).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 234, 17 октября, и одновременно в том же номере «Петроградской правды».

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

«Речь посполита» — реакционная националистическая газета, выходившая в панской Польше. Фотоснимок, о котором говорится в эпиграфе, напечатан в газете «Петроградская правда», 1922, № 230. 12 октября.

Пилсудский Ю. — польский буржуазный националист и милитарист, провозгласивший себя в 1918 г. «начальником Польского государства» и произведший себя в ранг «первого маршала Польши»;

в 1920 г., осуществляя планы Антанты, возглавил легионы белопольков в войне с Советской Россией. Потерпев поражение в этой войне, в 1923 г. временно отошел от власти; с помощью международного капитала стал впоследствии (в 1926 г.) диктатором Польши, опиравшимся на реакционную буржуазию и дворянство (шляхту) и служившим оружием в руках зарубежных империалистов.

Жолнеж — солдат.

Социал-мощники (стр. 90).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 237, 20 октября.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Стиннес Г. (ум. 1924) — крупнейший германский капиталист, промышленный и финансовый воротила, разбогатевший на военных заказах в период первой мировой войны, после которой приобрел заметное влияние на внешнюю и внутреннюю политику германского правительства.

Гинденбург П. (ум. 1934) — германский фельдмаршал, представитель реакционной военщины, в 1925—1934 гг. — президент Германии, расчистивший путь к власти Гитлеру.

Стихотворение обличает лакейское прислужничество германских социал-демократов перед капиталом.

В той же связи (стр. 91).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 240, 24 октября, и одновременно в том же номере «Петроградской правды».

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Ллойд-Джордж... ушел с политической авансцены.— Ллойд-Джордж возглавлял английское правительство до октября 1922 г., после чего ушел в отставку (см. также прим. к стихотворению «Были, да перевелись»).

«Ган» — французский официоз, газета, близкая к министерству иностранных дел. В середине октября 1922 г. «Ган» выступила со статьей «Возвращение России», касающейся франко-советских отношений. Газета заявила, что в будущем европейская политика, игнорирующая Россию, невозможна. «...Позиция Москвы, — говорилось в статье, — подтверждает, что шансы на возможность русско-французского соглашения растут, поскольку Московское правительство становится на путь защиты национальных интересов России. В то же время всякого рода политические «комбинации» (т. е. англо-германский блок против России), представляющие опасность для русского народа, являются одновременно угрозой и для Франции». Сообщая об этом выступлении французского официоза, «Правда» сопроводила его заголовком «Сдвиг в русской политике».

Франции» и следом за ним поместила телеграмму из Варшавы под названием «Польша прислушивается к новым настроениям Франции» («Правда», 1922, № 238, 21 октября).

Ходит спесь, надуваючись (стр. 93).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 242, 26 октября, и одновременно в том же номере «Петроградской правды».

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

«*Последние новости*» — белогвардейская газета.

Кирилл, Николай Николаевич — члены бывшей царской фамилии Романовых.

Иловайский Д. И. — русский буржуазный историк.

Цезарь, Помпей (II—I вв. до н. э.) — римские полководцы и политические деятели, боровшиеся между собою за власть.

Рубикон — река в Италии; переход через Рубикон Юлия Цезаря послужил началом войны между ним и Помпеем. Война окончилась поражением Помпея.

Дальневосточным героям (стр. 94).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 244, 28 октября, и одновременно в том же номере «Петроградской правды».

Написано по случаю вступления 25 октября 1922 г. советских войск и партизан Дальнего Востока в гор. Владивосток, означавшего полное очищение советской территории от японских интервентов. В. И. Ленин в «Привете освобожденному Приморью», опубликованном в «Правде» 27 октября 1922 г., указывал, что занятие Владивостока советскими войсками «...объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 345).

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

«*Жестик улынты*» (стр. 95).— Впервые опубликовано в «Петроградской правде», 1922, № 244, 28 октября, на следующий день — в «Правде», 1922, № 245, 29 октября.

Стиннес — см. прим. к стихотворению «Социал-мошенники».

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Главная Улица (стр. 96).— Поэма написана к пятой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и впервые опубликована в «Правде», 1922, № 252, 7 ноября. Отдельными изданиями, со включением ряда стихотворений, выпущена в 1924 г. (изд. «Московский рабочий») и в 1930 г. (Гиз). Вошла в сборники «Героическое», 1926 (2-е изд., 1928), «1905 год», изд. 1931 г., во все книги избранных сочинений поэта, включалась в школьные хрестоматии, в антологии революционной поэзии. «Главная Улица»

принадлежит к числу наиболее популярных произведений Д. Бедного. Перепечатывая поэму, автор вносил в нее ряд изменений. В газетной редакции поэма начиналась словами: «Движутся, движутся...» и т. д. Строки «Трум-ту-ту-тум!» и т. д. внесены автором при перепечатке поэмы в IX том своего полного собрания сочинений. При включении в однотомник 1937 г. были переработаны также 1-я и 3-я строфы эпилога и заменены отдельные слова.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

На боевой страже (стр. 102).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 256, 12 ноября, и одновременно в «Петроградской правде», 1922, № 255, 12 ноября. Написано к пятилетию рабоче-крестьянской милиции.

Текст печатается по X тому собрания сочинений, 1928.

Третьего не дано (стр. 104).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 260, 17 ноября.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Нес того начали (стр. 105).— Впервые опубликовано в «Правде», 1922, № 296, 29 декабря.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Гессен И. В.— один из лидеров контрреволюционной партии кадетов, с 1921 г.— издатель и редактор выходившей в Берлине белоэмигрантской газеты «Руль».

Дерунов 1001-й (стр. 106).— Первоначально цикл «Дерунов 1001-й» состоял из шести басен, каждая из которых печаталась в отдельности. Басня «Сон» впервые опубликована в журнале «Вестник приказчика», 1912, № 1, 25 сентября, и была перепечатана в «Правде», 1913, № 147, 29 июня; одновременно с нею в «Правде» опубликована басня «Съезд» (под названием «Купец»), которую привел на своих страницах и «Вестник приказчика» (1913, № 10, 29 октября). Басня «Сила» впервые опубликована в газете «Рабочая правда», 1913, № 6, 19 июля, затем — в «Вестнике приказчика», 1913, № 11, 3 декабря. Басня «Защита» — в газете «Правда труда», 1913, № 11, 22 сентября; басня «Задаток» — в газете «Трудовая правда», 1914, № 27, 28 июня («Рабочая правда», «Правда труда» и «Трудовая правда» — наименования большевистской «Правды»).

В 1916 г. в журнале «Жизнь для всех» (№ 6, июнь) автор объединил все эти басни в цикл под названием «Корней Гордеич Дерунов, хроника в 6 баснях с эпилогом», присоединив к вышеназванным текстам басню «Утро» и «Эпилог» (позднее переименованный в «Эпилог первый»). Под названием «Дерунов 1001-й» цикл этот был

воспроизведен в книге: Демьян Бедный, «Мошна туга, всяк ей слуга. Басни», Гиз, П. 1920, причем эпилог был назван «Торговый Дом Корнея Дерунова».

Цикл этот был посвящен борьбе торговых приказчиков с хозяевами в дореволюционной России. Профсоюзное движение среди приказчиков, находившееся в значительной мере под влиянием большевиков, сделало в 1913—1914 гг. известные успехи. Борясь против произвола хозяев, за улучшение условий труда, выставляя также и политические требования, приказчики от мелких стачек переходили к организованным выступлениям.

В 1918 г. Д. Бедный, написав басни «Капитуляция» и «Контакт» (первая напечатана в «Правде», 1918, № 103, 26 мая; вторая — там же, 1918, № 106, 30 мая, и повторена спустя четыре года в журнале «Крокодил», 1922, № 11 (23), 7 ноября), продолжил цикл, посвятив новую его часть попыткам торговой буржуазии и кулаков приспособиться к советскому строю. Басня «Нет уверенности» (под названием «Нет главного») была напечатана в журнале «Крокодил», 1922, № 11 (23), 7 ноября. Стихотворение «Ожили», первоначально появившееся в «Правде», 1922, № 25, 2 февраля, в виде подписи к карикатуре художника Дени, было превращено в «Эпилог второй», завершивший весь цикл.

Имя основного персонажа цикла, *Дерунова*, позаимствовано у М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. его «Благонамеренные речи»).

Цикл в полном виде вошел в сборник «Сто басен», изд. «Советский писатель», 1935, и в однотомник 1937 г., откуда и печатается текст.

Приказчиный журнал — «Вестник приказчика», профсоюзный журнал, в котором сотрудничали и большевики (К. Еремеев, Д. Бедный).

В Москву... на съезд. — Имеется в виду Всероссийский съезд приказчиков, состоявшийся в 1913 г. в Москве; съезд был разогнан полицией, часть его делегатов арестована.

Суханов Н. Н. — в прошлом толстовец, эсер, затем меньшевик, в 1920 г. заявил о выходе из партии меньшевиков, однако продолжал вести антисоветскую деятельность и позже был разоблачен как враг народа, участник контрреволюционной организации меньшевиков-интервенционистов.

Пров Кузьмич — персонаж ряда произведений Демьяна Бедного (см. в первом томе настоящего издания басни «Беда», «Опека», «Поджигатель», «Затейник», повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю», во втором томе — повесть «Красноармейцы»).

Благословение («Отец Ипат венчал...») (стр. 123).—Опубликовано в книге: Д. Бедный, «Как крокодил в церковь ходил», изд. «Крокодил», М. 1923. Вошло в книгу: Демьян Бедный, «Попы — трутни, живут на плутни (Библиотечка Демьяна Бедного)», М.—Л. 1927.

Текст печатается по книге «Церковный дурман», 1938.

Брал в церкви ценности...— 23 февраля 1922 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет издал декрет об изъятии церковных ценностей в пользу государственного фонда помощи голодающим (о голоде — см. прим. к стихоизворениям «Братское дело», «Алтынники»).

1923

Ответ на ответ (стр. 125).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 3, 5 января,

Текст печатается по VII тому собрания сочинений, 1926.

Мария Голошубова (стр. 126).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 6, 11 января. Вошло в книгу «Утерянный и возвращенный женский рай (Библиотечка Демьяна Бедного)», Гиз, М.—Л. 1929.

Текст печатается по одному тому собрания сочинений, 1937 г.

Социал-траурным предателям (стр. 129).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 9, 14 января.

Адресовано германским правым социал-демократам, лакеям империализма, при активном содействии которых Германия участвовала в первой мировой войне; эти же социал-предатели устраивали после войны траурные демонстрации по случаю военного поражения Германии.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Риск (стр. 130).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 13, 19 января. Вошло в книги Д. Бедного: «К борьбе, труду, победе», Свердловск, 1925, «Разгадка», 1927, «Старое и новое», 1928.

Текст печатается по книге «Старое и новое», 1928.

Махровые цветы (стр. 133).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 14, 21 января, в подборке фельетонов Д. Бедного, под общим заголовком «Букет».

Текст печатается по VII тому собрания сочинений, 1926.

Социал-болонки (стр. 134).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 22, 1 февраля.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений 1926 г., где стихотворение ошибочно датировано 1922 г.

Вандервельде — см. прим. к стихотворению «Не политическое ратоборство, а юридическое крючкотворство».

На фронте победном (стр. 135).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 23, 2 февраля.

Текст печатается по X тому собрания сочинений, 1928.

«Б и л б ы л б о м» (стр. 136).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 25, 4 февраля.

Текст печатается по X тому собрания сочинений, 1928.

Стихотворение посвящено поэтам, разделявшим творческую программу Пролеткульта — литературной группировки, извращавшей марксизм, противопоставлявшей себя партии и советской власти, борющейся против реализма в искусстве, отвергающей великие традиции русской классической литературы. Деятельность Пролеткульта была сурово осуждена в проекте резолюции «О пролетарской культуре», написанном В. И. Лениным (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 292), и в письме ЦК РКП(б) о Пролеткультах, опубликованном в «Правде» 1 декабря 1920 г. «Под видом «пролетарской культуры», — говорилось в письме, — рабочим преподносили буржуазные взгляды в философии (махизм). А в области искусства рабочим прививали нелепые, извращенные вкусы (футуризм)».

В стихотворении проводится мысль о том, что идейно-творческие позиции Пролеткульта чужды народу, отражают влияние буржуазной идеологии и таят серьезную опасность для молодых советских поэтов.

Увлекаясь «стихопластикой»...— Имеется в виду приверженность ряда писателей Пролеткульта к принципам символистской поэтики.

Брюсов В., Белый А. — поэты-символисты.

Еще раз о том же (стр. 138).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 30, 10 февраля.

Текст печатается по X тому собрания сочинений, 1928.

Танцуй у чужих рысаков на пристяжке!— Имеется в виду влияние буржуазной идеологии на некоторых советских поэтов (см. прим. к стихотворениям «Азбука», «Бил бы лбом»).

Л ю б и м о м у (стр. 140).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 88, 22 апреля, в 53-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина. В том же номере «Правды» помещены два бюллетеня о состоянии здоровья В. И. Ленина. Правительственное сообщение об ухудшении здоровья В. И. Ленина было опубликовано в экстренном

выпуске «Правды» 12 марта 1923 г. С того же дня была установлена ежедневная публикация медицинских бюллетеней.

Стихотворение было включено автором в книги: «Главная Улица», 1924, и «О любимом (Библиотечка Демьяна Бедного)», 1926 (2-е изд., 1928).

Текст печатается по одному тому 1937 г.

Премьер-министр Ллойд-Джорджу (стр. 141).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 105, 13 мая.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Как, мистер, ваше отсутствие заметно! — Имеется в виду уход Ллойд-Джорджа с поста премьер-министра в 1922 г.

Керзон Д. Н. (ум. 1925) — английский лорд, с 1919 по 1924 г. министр иностранных дел, крайний реакционер, один из организаторов интервенции против Советской России. В мае 1923 г. Керзон предъявил советскому правительству «ультиматум», состоявший из клеветнических измышлений и угроз по адресу СССР. Советское правительство отвергло незаконные притязания английского правительства и приняло меры к усилению обороны страны «Угроза новой интервенции в виде ультиматума английского министра иностранных дел Керзона в 1923 году... получила должный отпор» («История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, стр. 259).

Курская аномалия — мощные залежи магнитного железняка в ряде районов Курской области. С 1919 по 1925 г. особой комиссией ВСНХ (Высшего Совета Народного Хозяйства) велись работы по исследованию этой аномалии.

Кровавые долги (стр. 143).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 110, 20 мая, с подзаголовком «У новой могилы», снятым при перепечатке текста в книге «Героическое (Библиотечка Демьяна Бедного)», Гиз, 1926.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

Воровский В. В.— выдающийся деятель коммунистической партии, талантливый большевистский организатор, критик и публицист. Находясь после Великой Октябрьской революции на дипломатическом посту, В. Воровский был делегирован Советским правительством на международную конференцию в Лозанне (Швейцария), где он 10 мая 1923 г. пал от руки фашистского убийцы. Убийство Воровского было звеном в цепи провокаций, организованных империалистами с целью запугать Советский Союз. Советский народ ответил на эти вылазки грандиозными демонстрациями протеста,

прошедшими 12 мая 1923 г. в Москве и других городах. Стихотворение Д. Бедного опубликовано в день прибытия в Москву из-за границы гроба с телом В. Воровского.

У п о с л е д н е й ч е р т ы (стр. 144).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 117, 30 мая.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Абрамович— меньшевик, белоэмигрант, неоднократно выступавший в зарубежной печати с клеветническими выпадами против СССР.

Гендерсон А. (ум. 1935)—английский реакционный политический деятель, один из лидеров лейбористской партии, председатель исполкома 2-го Интернационала, агент буржуазии в рабочем движении, враг СССР.

Л и х а б е д а — н а ч а л о (стр. 146).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 117, 30 мая.

Текст печатается по III тому собрания сочинений 1930 г., где допущена неточность в датировке (стихотворение помечено 31 мая).

Муссолиния — фашистская Италия (по имени фашистского диктатора Муссолини, захватившего в 1922 г. власть в Италии).

Н е и з б е ж н о е и с т р а ш н о е (стр. 148).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 121, 3 июня.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

О первом «ультиматуме Керзона» — см. прим. к стихотворению «Премьер-миннеудел'у мистеру Ллойд-Джорджу». Получив достойную отповедь в ответной ноте советского правительства, Керзон разразился 29 мая новым дипломатическим посланием, о котором и говорится в настоящем стихотворении.

К о с т р о м а (стр. 150).— Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 133, 17 июня. Отдельным изданием вышло в г. Костроме в 1924 г. Вошло в книгу: Д. Бедный, «Счастье земли. Книга поэм», Гиз., М.—Л. 1930.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Что нам английские ноты!— см. прим. к стихотворению «Премьер-миннеудел'у мистеру Ллойд-Джорджу».

...боевого ордена Красной Звезды кавалер...— В апреле 1923 г. постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Демьян Бедный был награжден орденом Красного Знамени.

Г р а б и т е л ь с к и й и н т е р в е н ц и о н а л , и л и Г р а б и н т е р н (стр. 158).—Впервые опубликовано в «Правде», 1923, № 249, 2 ноября.

При публикации стихотворения в «Правде» была допущена опечатка: вместо «интервенционал» в заголовке значилось

«Интернационал». По этому поводу в следующем номере «Правды» (1923, № 250, 3 ноября) Д. Бедный поместил стихотворение «Уважайте же писательский труд!», обращенное к наборщикам и корректорам:

Намедни с новеньким словцом
Носился я, как курица с яйцом.
А что осталось от выдумки задорной?!
Товарищи, за что небрежностью упорной
Вы новью рвете ткань моих трудов дневных?
Ужели у меня заторов нет иных,
Что вы тираните меня еще в ...наборной?

Правильное название было восстановлено в IV томе собрания сочинений 1926 г., откуда и печатается текст.

Стиннес — см. прим. к стихотворению «Социал-мошенники».

Дегут — французский генерал, с октября 1919 г. до ноября 1924 г. командовавший французскими оккупационными войсками в Рейнской области.

Крупп Г. (р. 1870) — германский военный промышленник, глава крупнейшей германской фирмы по производству вооружения, крайний реакционер, пособник Гитлера, один из главных военных преступников в период второй мировой войны.

1924

Помазанники (стр. 159).— Впервые опубликовано в «Правде», 1924, № 49, 29 февраля.

Написано в связи с появлением в американской печати материалов, разоблачающих подкуп членов правительства США нефтепромышленниками.

Текст печатается по IV тому собрания сочинений, 1926.

Миропомазанная пешка — имеется в виду последний русский царь, Николай Романов.

Кулидж А. К. — президент США в 1923—1929 гг.

Юз — см. прим. к стихотворению «Вашингтонское разоружение».

Если бы не... (стр. 160).— Впервые опубликовано в том же номере «Правды», что и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по V тому собрания сочинений, 1927.

Макдональд Д. Р. (ум. 1937)—бывший лидер английской «рабочей» партии (лейбористов), враг коммунизма, враг советской страны, проводник колониальной политики британского империализма.

В январе 1924 г. сформировал лейбористское («рабочее») правительство, в котором занимал пост премьера и министра иностранных дел. На этом посту под сильным давлением рабочих масс осуществил «признание» Англией Советского Союза (в том же году СССР был «признан» Францией, где правительство возглавлял «социалист» Эррио). «Речь идёт о том,— писал И. В. Сталин в сентябре 1924 года,— что нынешние «демократы» и «пацифисты» побили своих буржуазных конкурентов на парламентских выборах *благодаря* платформе «признания» Советского Союза, что Макдональды и Эррио пришли к власти и могут остаться у власти *благодаря*, между прочим, тому, что они блудят языком о «дружбе с Россией», что авторитет этих «демократов» и «пацифистов» является отражённым светом от авторитета Советской власти среди народных масс» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 298—299).

Макдональд (в тексте стихотворения *первопризнатель*) возглавил также второе лейбористское правительство (1929), проводившее по существу политику консерваторов, а в 1931 г. окончательно перешел в лагерь консерваторов (под маркой «национал-лейборизма»), усилив при этом враждебную политику по отношению к СССР. (См. также в настоящем томе стихотворения «Руководство хорошего тона» и «О карасе-идеалисте и пескаре-социалисте...»).

О с л о в ь е (стр. 161).— Впервые опубликовано в журнале «Жизнь», 1924, № 1; перепечатано в журнале «Октябрь», 1924, № 2, июль — август.

Воспоминания Клары Цеткин о беседах с В. И. Лениным по вопросам искусства см. в книге «Ленин о культуре и искусстве», Изогиз, М. 1938. Разрядка в цитате принадлежит Д. Бедному.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Стихотворение представляет собой поэтическую декларацию, направленную против буржуазной идеологии в искусстве. Отвергая идеалистический подход к истории как к деятельности царей и королей, подчеркивая роль народа как двигателя исторических событий, автор стихотворения требует, чтобы и в искусстве центральное место занимал народ. Рецидивы барско-эстетского пренебрежения к народу, преклонение перед «чистым искусством», декадентскими и формалистическими извращениями поэт наблюдает и в советском искусстве. В частности, слова «...нас потчует мистической гилью наш театральный водолей» относятся к одному из наиболее злостных проявлений буржуазного формализма и эстетства, к мейерхольдовщине (еще в 1908 г. Мейерхольд выступил в декадентском журнале «Золотое руно» с проповедью «мистического

реализма», которой он остался верен и в советские годы). Поэт имеет в виду также псевдоноваторов и формалистов в поэзии, буржуазных идеалистов в лингвистике, презиравших в искусстве простоту и насаждавших словесную заумь («речь заумную, косноязычный бред»). Наконец, он обрушивается на сторонников декадентских «изломов» и «мертвечины» в искусстве, на людей, погрязших в формалистической схоластике. Этим враждебным явлениям Д. Бедный противопоставляет принципы народности и реализма и требует от художников «суровой ясности и честной простоты».

В стихотворении, однако, не прояснен и местами запутан вопрос об отношении к классическому художественному наследию. В начале стихотворения автор высмеивает «классическую смесь из выкриков и поз», но при этом упоминает трагедии и драмы, повествовавшие о царях и королях. Эти слова могут быть истолкованы как отрицание ряда произведений мировой художественной классики. В разделе стихотворения, касающемся Крылова, поэт говорит о его басне «Осел и соловей», которую он истолковывает неверно, считая, что «осел был в басне псевдонимом», под которым подразумевался простой народ. Проведенные высказывания, однако, не выражают истинного отношения Д. Бедного к классическому наследию, которое он считал неотъемлемым достоянием народа и с недооценкой которого он боролся (см. его стихотворения «Семена», «Предисловие к поэме А. С. Пушкина «Гавриилиада»). Известно также, что Д. Бедный следовал в своем творчестве реалистическим традициям русской басни, созданной И. А. Крыловым. Развернутую оценку деятельности Крылова, как народного поэта, выдающегося художника-реалиста, Д. Бедный дал в статье «Честь, слава и гордость русской литературы», написанной к 100-летию со дня смерти великого баснописца (см. в пятом томе настоящего издания.)

Т я г а (стр. 168).— Впервые опубликовано в «Правде», 1924, № 134 15 июня. Вошло в книгу «Героическое», 1926 (2-е изд., 1928).

И. В. Сталин в письме к Демьяну Бедному от 15 июля 1924 г. высоко оценил это стихотворение. Рекомендую поэту поездку в Баку, товарищ Сталин писал: «Уверен, что Баку даст Вам богатейший материал для таких жемчужинок, как «Тяга» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 275).

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

Крымтепо — Крымское транспортное потребительское общество.

И х ю б л е й (стр. 174).— Впервые опубликовано в «Правде», 1924, № 176, 5 августа.

Написано к исполнившемуся в августе 1924 г. десятилетию со дня начала первой мировой войны.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Морган, Рокфеллер — американские миллиардеры, нажившиеся на войне.

Крупн — см. прим. к стихотворению «Грабительский интервенционал, или Грабинтерн».

Версальским смазавшись елеем... — Имеется в виду Версальский мир — мирный договор, заключенный в июне 1919 г. в Версале между США, Англией, Францией, Италией, Японией — с одной стороны, и Германией — с другой; этот империалистический договор был навязан Германии, потерпевшей поражение в первой мировой войне. В. И. Ленин называл его «договором хищников и разбойников». «Это,— писал В. И. Ленин,— неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 301). СССР был противником Версальского договора и отказался от получения репараций с Германии.

В п е р е д и в ы ш е! (стр. 175).— Впервые опубликовано в журнале «Октябрь», 1924, № 3, сентябрь — октябрь. Вошло в ряд сборников произведений поэта. Стихотворение является поэтической декларацией Д. Бедного, направленной против псевдонаторов и формалистов: в нем утверждаются принципы народности и жизненной правды, как важнейшие принципы социалистического искусства.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

«Р у к о в о д с т в о х о р о ш е г о т о н а» (стр. 176).— Впервые опубликовано в «Правде». 1924, № 250, 1 ноября.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Написано в связи с провалом лейбористов на парламентских выборах, повлекшим за собою отставку правительства Макдональда. (О нем см. прим. к стихотворению «Если бы не...»)

Цинциннат — римский патриций (V в. до н. э.), известный тем, что вел крайне простой образ жизни.

Асквит — видный представитель британского империализма, лидер либеральной партии, палач рабочих (организатор расстрела бастующих углекопов в Федерстоне в 90-х годах), возглавлявший английское правительство с 1908 до 1916 г., один из ярых врагов советской страны. На парламентских выборах в 1924 г. потерпел поражение, о чем и говорится в стихотворении.

Конструктивный социализм — либерально-буржуазная теория, проникнутая ненавистью к коммунизму, рабочему революционному движению и национально-освободительной борьбе колониальных народов; сущность этой теории заключается в отрицании необходимости классовой борьбы и диктатуры пролетариата, в проповеди классового сотрудничества и мирного «преобразования» капитализма в социализм. Основоположником и проповедником этой теории был Макдональд.

Семь лет — а конца нет! (стр. 179). — Впервые опубликовано в «Правде», 1924, № 255, 7 ноября, под названием «Семь лет — и все конца нет!» Вошло в книгу Д. Бедного «Разгадка», 1927.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

Керенский А. Ф. — эсер, возглавлявший буржуазное Временное правительство после кровавых июльских дней 1917 г.; с ноября 1917 г. находился в белогвардейской эмиграции, откуда вел борьбу с Советской Россией.

Коновалов А. И. — текстильный фабрикант, заместитель Керенского в последнем составе буржуазного Временного правительства, после ноября 1917 г. — белоэмигрант.

Милюков, Гучков, Чернов — см. прим. к стихотворению «Зменное гнездо».

Памяти селькора Григория Малиновского (стр. 186). — Впервые опубликовано в «Правде», 1924, № 270, 27 ноября. Написано на основе текста, присланного в редакцию начинающим поэтом-рабкором из Владимирской губернии. Вошло в книгу «Героическое», 1926 (2-е изд., 1928).

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

Григорий Малиновский — активист-общественник села Дымовки Николаевского округа Одесской губернии, был убит 28 марта 1924 г. шайкой преступников, действовавших по наущению кулаков. В эту шайку входили упоминаемые в стихотворении *Попандопуло, Тюлюпа* и брат убитого, *Андрей Малиновский*. 7 октября 1924 г. в Николаеве начался суд над убийцами. 11 октября на процесс по заданию «Правды» прибыл Демьян Бедный. Судебное дело и уроки «Дымовки» широко освещались в советской печати. 12 октября в «Правде» была опубликована статья В. М. Молотова «О селькорах», в которой говорилось: «Теперь на наших глазах в Николаеве проходит дело селькора Малиновского, который навсегда останется в памяти, как один из лучших образцов общественного работника в деревне». 6 декабря «Правда» напечатала беседу с председателем ЦИК СССР М. И. Калининым «Преследования раб-

коров и селькоров будут пресечены», в которой говорилось о мерах борьбы с вражескими элементами, преследующими рабочих и сельских корреспондентов. На эту же тему на страницах «Правды» выступила М. И. Ульянова.

Уроки «Дымовки» обсуждались на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 26 января 1925 г. ЦК и ЦКК РКП(б) приняли постановление о событиях в Дымовке, опубликованное в «Правде» 6 февраля 1925 г.

О самом близком (стр. 188).— Впервые опубликовано в «Правде», 1924, № 278, 6 декабря, без эпиграфа.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

«Правда» — первая ежедневная легальная большевистская газета, основанная в 1912 г. по инициативе петербургских рабочих. Демьян Бедный участвовал в создании первого номера «Правды», в котором было напечатано его стихотворение «Полна страданий наших чаша...» (см. в томе первом наст. изд.). Незадолго до начала первой мировой войны «Правда» была закрыта петербургской охранкой. Газета возобновилась после февральской революции 5 марта 1917 г., став центральным органом партии большевиков.

«П р а в д е» (стр. 192).— Впервые опубликовано в том же номере «Правды», что и предыдущее стихотворение, и написано по тому же поводу.

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

Н е и н а ч е (стр. 193).— Впервые опубликовано в «Правде», 1924, № 290, 20 декабря.

Текст печатается по книге «Старое и новое», 1928.

О к а р а с е - и д е а л и с т е и о п е с к а р е - с о ц и а л и с т е ... (стр. 195). — Впервые опубликовано в «Правде», 1924, № 297, 31 декабря, и одновременно в том же номере «Ленинградской правды».

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Макдональд — см. прим. к стихотворению «Если бы не...»

Уебб С. (ум. 1947) — английский общественный деятель, один из основателей возникшего в 1884 г. «Фабрианского общества» — буржуазно-реформистской организации, созданной для борьбы с революционным движением и пропаганды «классового мира». Уебб был министром в правительстве Макдональда (1924).

Шоу Б. (ум. 1950) — выдающийся английский писатель, также один из основателей «Фабрианского общества», автор ряда теоретических статей о фабрианстве.

Чемберлен О. (ум. 1937)— крайний реакционер, один из лидеров английской консервативной партии («твердолобых»), злейший враг СССР; был министром в консервативном правительстве, сменившем в ноябре 1924 г. правительство Макдональда.

«*Карась-идеалист*» и «*Премудрый пескарь*» — сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина. Д. Бедный в тексте стихотворения излагает содержание обеих сказок («Карась-идеалист» — в первом разделе, «Премудрый пескарь» — во втором разделе стихотворения, кончая словами «Когда б не исчез бесследно...»).

1925

Учительский съезд в 1913 г., Учительский съезд в 1925 г. (стр. 202, 207).— Оба стихотворения опубликованы в «Правде», 1925, № 12, 15 января. Первое из них было написано в 1914 году и под названием «Наказ», с подзаголовком «баллада», дано автором в I томе собрания сочинений, в разделе басен и стихотворений 1914 года. Сведений о публикации этого стихотворения до 1925 г. нет.

Тексты печатаются по XII тому собрания сочинений, 1928.

Первый всесоюзный учительский съезд открылся в Москве 12 января 1925 г. В нем участвовало более 1500 делегатов. С приветствием от ЦИК и СНК СССР на съезде выступил М. И. Калинин.

Сеньерен-конвент — совет старейшин.

Снежинки (стр. 208).— Впервые опубликовано в «Правде», 1925, № 17, 21 января, в первую годовщину смерти В. И. Ленина. Вошло в сборники Д. Бедного «О любимом», 1926 (2-е изд., 1928), «Главная Улица», 1930, «Ленин», 1931, и в сборники его избранных произведений.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Два уголька (стр. 209).— Впервые опубликовано в «Правде», 1925, № 53, 5 марта. Вошло в книгу Д. Бедного «Разгадка», 1927.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«*Руль*», «*Последние новости*» — русские белогвардейские газеты, выходившие за рубежом.

«*Ахраровцы*» (стр. 215).— Впервые опубликовано в «Правде», 1925, № 54, 6 марта.

В газетной редакции стихотворения к фамилии *Коган* дана сноска: «Президент Академии художественных наук».

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

АХРР — Ассоциация художников революционной России — объединение советских художников, возникшее в 1922 г., боровшееся за правдивое изображение советской действительности, за идейность и реализм, против формализма и эстетства, против тлетворного влияния упадочного буржуазного искусства. В двадцатые годы АХРР была наиболее влиятельной и передовой организацией советских художников. В ее состав входил ряд выдающихся деятелей советского искусства: Авилов, Бродский, Герасимов, Иогансон и др.

В 1932 г. после постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» АХРР вошла в единый Союз советских художников.

К л я т в а З а й н е т (стр. 218).— Впервые опубликовано в «Правде», 1925, № 56, 8 марта, с подзаголовком «эскиз», к которому была сноска: «В этом стихотворении описывается факт из бухарского быта» Вошло в книги Д. Бедного: «Разгадка», 1927, «Старое и новое», 1928, «Утерянный и возвращенный женский рай», 1929, «Главная Улица», 1930, «Восток, поэмы», М. 1933, «Избранное», 1935, и в однотомник 1937 г., откуда и печатается текст.

Д р е с с и р о в а н н ы й (стр. 222).— Впервые опубликовано в «Правде», 1925, № 122, 31 мая. Вошло в книгу Д. Бедного «Разгадка», 1927.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений. 1928.

О б р а т н ы й н а м е к (стр. 223).— Впервые опубликовано в «Правде», 1925, № 123 2 июня.

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

Бронтозавр — доисторическое животное больших размеров, пресмыкающееся.

...жалко нам «пригретого» тобой «демократичного» латв:йца иль эстонца.— Имеются в виду буржуазные республики Латвия и Эстония, реакционные правительства которых действовали по указке зарубежных империалистов.

Н а н я л с я — п р о д а л с я (стр. 225).— Впервые опубликовано в «Правде», 1925, № 126, 5 июня.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Крыл почем зря... Иисуса Христа...— Имеется в виду антирелигиозное произведение Д. Бедного «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна».

Матайя — министр иностранных дел Австрии, выступивший 20 мая 1925 г. в Вене на собрании избирателей с антисоветской речью, полной грубых выпадов и измышлений. Об этом выступлении

«Правда» 23 мая 1925 г. сообщила под заголовками: «Возмутительные выпады австрийского мининдела против СССР. Речь под диктовку Чемберлена». Речь Матайи вызвала резкие протесты демократической прессы за рубежом и возмущение австрийских рабочих, под давлением которых социал-демократы внесли в парламент официальный запрос, указывая, что речь Матайи грозит аннулированием многочисленных заказов СССР австрийской промышленности. Антисоветская вылазка Матайи провалилась с позором. Уже 4 июня 1925 г. печать сообщила, что секретариат австрийского канцлера разослал письменное заявление, в котором берет обратно все обвинения, выдвинутые против СССР в речи министра иностранных дел.

См. также стихотворение «Инцидент исчерпан».

И н ц и д е н т и с ч е р п а н (стр. 227).— Впервые опубликовано в том же номере «Правды», что и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

В с м о т р и т е с ь! П р и с л у ш а й т е с ь! (стр. 228).— Впервые опубликовано в «Правде», 1925, № 163, 19 июля, за день до прибытия в Москву немецкой рабочей делегации. Рядом с русским текстом стихотворения был помещен подстрочный перевод его на немецкий язык («Seht! Hört!» с подписью Demjan Vjedny). Вошло в книгу Д. Бедного «Разгадка», 1927.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

Каутский К. (ум. 1938) — ренегат и контрреволюционер, один из вождей германской с.-д. партии, теоретик 2-го Интернационала. Злейший враг советского народа, открытый проповедник войны и интервенции против СССР.

П а м я т и м и л о г о д р у г а, б о е в о г о т о в а р и щ а (стр. 230).— Впервые напечатано в «Правде», 1925, № 251, 1 ноября, в день опубликования правительственного сообщения о смерти М. В. Фрунзе.

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

«Красный Перекоп» — победоносное сражение за Перекоп, проведенное в ноябре 1920 г. советскими войсками под руководством М. В. Фрунзе и приведшее к полному разгрому Врангеля и освобождению Крыма.

Я врангельский тебе читаю «Манифест»... — см. стихотворение Д. Бедного «Манифест барона фон Врангеля» во втором томе наст. изд.

Ихъ фанге ан — первые слова этого стихотворения.

Р а з г а д к а (стр. 231).— Впервые опубликовано в «Правде», 1925, № 255, 7 ноября. Написано к восьмой годовщине Великой

Октябрьской социалистической революции. Вошло в книги Д. Бедного: «Разгадка», 1927, «Главная Улица», 1930, «Счастье земли, книга поэм», М. 1930, «Избранное», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Ливадия — бывший царский дворец в Крыму, превращенный советской властью в санаторий для крестьян.

1926

Х о р о ш о! (стр. 236).— Впервые опубликовано в «Правде», 1926, № 6, 8 января. Вошло в книги Д. Бедного: «На папиросной коробке», ЗИФ, М.—Л. 1927, и «Удар по врагу», Гослитиздат, М. 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Т о в а р и щ б о р о д а (стр. 240).— Впервые опубликовано в «Правде», 1926, № 100, 1 мая. К подзаголовку была дана авторская сноска: «См. очерк «Студенты революции» в харьковском «Коммунисте» от 10 марта с. г.» Стихотворение вошло в книги Д. Бедного: «Разгадка», ЗИФ, М.—Л. 1927, и «Старое и новое», ЗИФ, М.—Л. 1928.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

П а м я т и р ы ц а р я н а ш е й п а р т и и (стр. 243).—Впервые опубликовано в «Правде», 1926, № 165, 21 июля. Номер этот посвящен памяти Ф. Э. Дзержинского, скончавшегося 20 июля 1926 г.

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

Н е п о в т о р и м ы е (стр. 244).— Впервые опубликовано в «Правде», 1926, № 168, 24 июля. Написано в день похорон Ф. Э. Дзержинского, состоявшихся 22 июля (см. прим. к предыдущему стихотворению).

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

Ч е р т о п о л о х (стр. 245).— Впервые опубликовано в «Правде», 1926, № 220, 24 сентября. Вошло в книгу «Удар по врагу», 1935, откуда и печатается текст.

Н е т о р а с к а п ы в а ю т (стр. 247).— Впервые опубликовано в «Правде», 1926, № 227, 2 октября.

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

Г р о з и т! (стр. 249).— Впервые опубликовано в «Правде», 1926, № 233, 9 октября, в виде подписи к рисунку художника Дени, посвященному всеобщей забастовке английских горняков. Эта

забастовка началась 1 мая 1926 г. Она была организована в ответ на локаут, объявленный шахтовладельцами и направлена против снижения заработной платы и удлинения рабочего дня горняков. 3 мая, в знак солидарности с горняками, забастовали рабочие важнейших отраслей промышленности и транспорта во всей Англии. Борьба горняков продолжалась до ноября 1926 г. Трудящиеся СССР добровольными пожертвованиями пришли на помощь бастующим английским горнякам, испытывавшим большую материальную нужду.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

1927

Б л и ж е г о д о м (стр. 250).— Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 1, 1 января.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Муслили — см. прим. к стихотворению «Лиха беда — начало».

Ривера — испанский генерал Примо-де-Ривера, установивший в сентябре 1923 г. с согласия короля военно-фашистскую диктатуру в Испании.

Пилсудский в роли сверхпремьера...— Имеется в виду звание «начальника государства» которое присвоил себе Пилсудский (о нем см. прим. к стихотворению «Панские посулы»).

Чемберлен — см. прим. к стихотворению «О карасе-идеалисте и о пещаре социалисте...».

«Форвертс» — центральный орган германской с.-д. партии, основанный в 1876 г. Со времени первой империалистической войны находился в руках немецких правых социал-демократов, в 20-е годы вел бешеную травлю коммунистического движения, активно выступал против СССР.

...вести из Китая...— Имеются в виду события китайской революции 1925—1927 гг., приведшие впоследствии (в марте 1927 г.) к занятию национальной китайской армией Шанхая и Нанкина.

З а в е т с р а ж е н н о г о б о й ц а (стр. 252).— Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 29, 5 февраля.

Написано к годовщине смерти *Теодора Нетте* — дипломатического курьера Наркоминдела, убитого 5 февраля 1926 г. в поезде (за пределами СССР) при защите дипломатической почты.

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

Д в а м и р а (стр. 253).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 48, 27 февраля.

Написано по поводу обмена нотами между правительствами СССР и Великобритании. 23 февраля британский министр иностранных дел Чемберлен вручил советскому поверенному в делах ноту, угрожающую полным разрывом торговых и дипломатических отношений с СССР в случае невыполнения Советским правительством ряда незаконных требований английского правительства. 27 февраля 1927 г. была опубликована ответная нота народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинова. «Заявляя, что угрозы в отношении СССР не могут запугать кого бы то ни было в Советском Союзе, — говорилось в ноте, — Советское правительство позволяет себе высказать уверенность в том, что заключение торгового договора 1921 года, как и последующее восстановление дипломатических отношений соответствовали интересам и нуждам как народов Советского Союза, так и Британской империи». В конце ноты говорилось, что Советское правительство будет и впредь следовать своей миролюбивой политике и будет искренно приветствовать встречные шаги по тому же пути к миру со стороны Великобритании.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Э к уд и в и л и , п о д у м а е ш ь ! (стр. 254). — Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 58, 11 марта.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Муссолиния — фашистская Италия.

Чемберлен — см. прим. к стихотворению «О карасе-идеалисте и о пескаре-социалисте ..».

Стихотворение имеет в виду встречи Чемберлена с Муссолини, состоявшиеся в декабре 1925 г. и в сентябре 1926 г.; они ознаменовали собою англо-итальянское сотрудничество на международной арене. Италия обязалась действовать в русле британской внешней политики, в то же время она получила ряд льгот по выплате военных долгов и обеспечила себе условия для проведения агрессивного курса.

Т о ж е ю б и л ь р ы (стр. 256). — Впервые опубликовано в газете «Беднота», 1927, № 2660, 12 марта. Написано к десятилетию со дня свержения самодержавия. Текст сопровождался рисунком: лакей выталкивает из ресторана оборвыша-белогвардейца.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

В е л и к и й п о д в и г (стр. 257). — Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 64, 18 марта, в день годовщины Парижской коммуны.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Разговор с редактором по поводу Шанхая (стр. 259).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 66, 22 марта.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Стихотворение написано в день получения известия о занятии Шанхая национальной китайской армией. В этот день, 21 марта 1927 г., вышел экстренный выпуск газет «Правда» и «Известия» под шапкой «Шанхай в руках восставшего народа». В передовой следующего номера «Правды» говорилось: «Шанхай взят! Шанхай в руках восставшего народа. Наймиты реакции и китайского Деникина — Чжан Цзун-чана — изгнаны из Шанхая революционными рабочими». Через два дня было сообщено также о занятии Нанкина национальной армией.

Скворцов-Степанов И. И. — один из старейших литераторов-коммунистов, редактор «Известий» (умер в 1928 г.).

Чемберлен — см. прим. к стихотворению «О каресе-идеалисте и о пескаре-социалисте...».

«Дипломатический занавес» (стр. 261).— Впервые опубликовано в журнале «30 дней», 1927, № 3, март. Текст сопровождался рисунком-монтажем: Муссолини на фоне черного знамени с надписью: «Вот так Цезарь новоявленный, Муссолини прославленный!!!» За этим знаменем — голова Чемберлена.

Протокол, утверждавший незаконный захват Бессарабии боярской Румынией, был подписан в Париже в 1920 г. представителями Антанты, но ратифицирован только Францией и Англией. Италия медлила с подписанием протокола до сентября 1926 г., когда этот акт был обусловлен в переговорах между Чемберленом и Муссолини (см. прим. к стихотворению «Эк удивили, подумаешь!») и закреплен итало-румынским договором.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Мы будем говорить... (стр. 262).— Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 77, 6 апреля, в сопровождении рисунка и лозунга: «Пролетарии всех стран, пусть громче звучит ваш клич! Руки прочь от китайской революции!» Текст вошел в книгу Демьяна Бедного «Китайская грамота», М. 1927.

Стихотворение направлено против попыток иностранных империалистов задушить освободительное движение китайского народа.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Все мое время (стр. 263).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 80, 8 апреля.

Стихотворение является откликом на опубликованное в этот день в советской печати сообщение ТАСС о налете на советское посольство в Пекине, организованном врагом китайского и советского народов, реакционным китайским генералом Чжан Цзо-лином, с согласия представителей империалистических государств.

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

К и т а й с к и е т е н и («Писать мне тушью иль кармином?») (стр. 264).— Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 87, 17 апреля.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Чан Кай-ши — гоминдановский генерал, ставленник американского империализма, предатель интересов китайского народа, ярый враг трудящихся масс и китайской революции.

Стихотворение написано в связи с контрреволюционным переворотом, совершенным 12 апреля 1927 г. правыми гоминдановцами во главе с Чан Кай-ши. В результате этого переворота в Нанкине было образовано так называемое «национальное правительство», выражавшее интересы реакционного буржуазно-помещичьего блока. И. В. Сталин в 1927 г. указывал, что Чан Кай-ши, расстреливая рабочих и устраивая переворот, шел вместе с национальной буржуазией на сделку с империалистами против трудящихся Китая. «Переворот Чан Кай-ши знаменует собой отход национальной буржуазии от революции, зарождение центра национальной контрреволюции и сделку правых гоминдановцев с империализмом против китайской революции» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 9, стр. 225—226).

Чжан Цзо-лин — см. прим. к стихотворению «Все мое время».

...кто-то третий... — иностранные империалисты, вдохновители и пособники реакционной политики Гоминдана.

П а н т о н в о й н ы (стр. 265).— Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 90, 21 апреля. Стихотворение имеет в виду громадные прибыли, полученные американскими капиталистами за период первой мировой войны; часть этих прибылей взималась у западно-европейских стран в виде военных долгов.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

П а н т о н р е в о л ю ц и и (стр. 266).— Впервые опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

К т о в н у ш а е т , а к т о м е ш а е т (стр. 267).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 91, 21 апреля.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Никто не знал... (стр. 268).— Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 91, 22 апреля, в день 57-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

«Идут навстречу» (стр. 270).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 95, 28 апреля.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Лига Наций — см. прим. к стихотворению «Обманутая мадам».

Да, вспомнить есть о чем (стр. 271).— Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 99, 5 мая.

Текст печатается по IX тому собрания сочинений, 1928.

О «Правде» — см. прим. к стихотворению «О самом близком».

«Разоружались» тройственно и «столковались», как и свойственно (стр. 272).— Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 178, 7 августа.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Тройственная конференция по сокращению морских вооружений происходила в Женеве с 20 июня по 4 августа 1927 г. «О чём говорит провал тройственной конференции по сокращению морских вооружений (Англия, Америка и Япония),— указывал И. В. Сталин в докладе на XV съезде партии,— как не о том, что тихоокеанская проблема является источником новых империалистических войн, что «державы» не хотят ни разоружаться, ни сокращать вооружений? Что сделала Лига наций для того, чтобы предотвратить эту опасность?» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 10, стр. 279).

Сказать по совести... по совести сказать... (стр. 273).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 182, 11 августа.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Что и говорить!.. «Заслужонны й!» (стр. 275).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 184, 13 августа.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Амстердамский Интернационал — международное объединение реформистских профсоюзов, созданное в 1919 г. в Амстердаме. Деятельность его теснейшим образом связана с политикой соглашательских партий 2-го Интернационала, поставивших себя на службу империалистической буржуазии, «...эти профсоюзы, будучи объединены вокруг амстердамских реформистов, представляют ту самую многомиллионную армию реформизма, на которую опирается современный капиталистический строй» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 295).

Удгест — с 1919 по 1927 г. секретарь Амстердамского Интернационала.

Урок другим (стр. 276).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 185, 14 августа, в подборке фельетонов Д. Бедного, под общим названием «Стрелы».

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Типперери — песенка английских солдат.

Не надежные рогатки (стр. 277).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 191, 23 августа, в подборке фельетонов Д. Бедного, под общим названием «Верные признаки».

«Твердолобые» — прозвище английских консерваторов.

Фашистский «дуче» — Муссолини (см. прим. к стихотворению «Лиха беда — начало»).

Рубикон — в данном случае — защитный рубеж.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Урок (стр. 278).— Впервые опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Сакко и Ванцетти — американские рабочие, эмигрировавшие в США из Италии, активные участники рабочего движения. В мае 1920 г. они были арестованы по ложному обвинению в ограблении и убийстве и приговорены к смертной казни. Приговор, состряпанный на основе явных подтасовок и выдуманных улик, вызвал возмущение передовых людей всего мира. «Комитет защиты» Сакко и Ванцетти, созданный в 1921 г., неоднократно ходатайствовал о пересмотре дела, но все эти ходатайства были отклонены. Сакко и Ванцетти были казнены после шестилетнего заключения 23 августа 1927 г. в бостонской тюрьме на электрическом стуле. Их казнь явилась примером зверской расправы американских империалистов с участниками революционного рабочего движения. Стихотворение «Урок» явилось откликом на сообщения прессы о подготовке этой казни.

В Тулоне (стр. 279).— Оба стихотворения впервые опубликованы в «Известиях», 1927, № 197, 3 августа, в подборке фельетонов Д. Бедного, под общим заголовком «Стрелы».

Название «В Тулоне» дано при перепечатке в XI томе собрания сочинений, откуда и печатается текст.

Шефы в деревне (стр. 280).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 202, 4 сентября.

Пров Кузьмич — персонаж ряда произведений Д. Бедного (см. прим. к циклу басен «Дерунов 1001-й»).

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

«Т р и у м ф а л ь н ы й п у т ь» и з м е н н и к а (стр. 290).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 204, 7 сентября, в подборке фельетонов, под общим названием «Стрелы».

Стихотворение имеет в виду предполагающуюся в августе 1927 г. отставку Чан Кай-ши с поста главнокомандующего нанкинской армии и объявленный им «уход» его с политической арены.

На самом деле, как известно, Чан Кай-ши не только не ушел с политической арены, но, возобновив свою реакционную деятельность, усилил борьбу против китайской революции и коммунистов, противился организации отпора японским интервентам в Китае и в конце концов начал открытую войну против народно-революционных армий, поставив себя в услужение американскому империализму. В 1949 г. вместе с гоминдановской кликой Чан Кай-ши изгнан народом из континентального Китая.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Н е л ь з я л и н а о б о р о т ? (стр. 291). — Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 213, 18 сентября.

Томас, Бевин — деятели английской социал-соглашательской партии лейбористов.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Э т а п к п о б е д е (стр. 292). — Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 214, 18 сентября.

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

Г о т о в я т « б о е в и к » (стр. 293). — Впервые опубликовано в том же номере «Известий», что и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Анализируя международное положение на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г., И. В. Сталин говорил: «Возьмём Лигу наций, являющуюся, по мнению лживой буржуазной прессы и не менее лживой социал-демократической прессы, орудием мира. К чему привела болтовня Лиги наций по вопросу о мире, о разоружении, о сокращении вооружений? Ни к чему хорошему, кроме обмана масс, кроме новых вспышек всоружения, кроме нового обострения назревающих конфликтов» (И. В. С т а л и н, Сочинения, т. 10, стр. 279). (О Лиге Наций см. также прим. к стихотворению «Обманутая мадам».)

Чемберлен — см. прим. к стихотворению «О каресе-идеалисте и о пескаре-социалисте...».

Антисоветский... «бсевик»... — Имеется в виду использование Лиги Наций империалистами в качестве орудия антисоветской политики.

Грозный... паникер... (стр. 294). — Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 217, 22 сентября.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Без хлеба — не обед (стр. 295). — Впервые опубликовано в том же номере «Известий», что и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1929.

Унитарная конфедерация труда — объединение революционных профсоюзов Франции.

Я снее ясно го (стр. 296) — Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 220, 27 сентября.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Чего тут больше? (стр. 297). — Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 223, 29 сентября, в подборке фельетонов Д. Бедного, под общим названием «Наотмашь».

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Рабочая партия (лейбористы) — английская партия правых социалистов, предателей рабочего класса, врагов мира и демократии.

Несокрушима я твердыня (стр. 299). — Впервые опубликовано в «Правде», 1927, № 236, 15 октября.

Текст печатается по XII тому собрания сочинений, 1928.

Сессия ЦИК СССР, посвященная десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, происходила с 15 по 20 октября 1927 г. в Ленинграде. На сессии был принят манифест ЦИК СССР к десятилетию Октября. Были заслушаны и обсуждены доклады В. В. Куйбышева об итогах и перспективах хозяйственного развития СССР, А. В. Луначарского об итогах культурного строительства за 10 лет. Сообщая о закрытии сессии, «Правда» писала: «Сессия ЦИК СССР произвела смотр нашему культурному и хозяйственному строительству. Представители самых отсталых, самых забытых при царизме народов всходили на трибуну сессии как равноправные члены одного свободного союза народов. Юбилейная сессия превратилась в демонстрацию солидарности трудящихся СССР и успехов социалистического строительства» («Правда», 1927, № 241, 21 октября).

Есть чему позавидовать! (стр. 300). — Впервые опубликовано в «Известиях», 1927, № 246, 26 октября.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Счастливая страна, в которой... (стр. 301). — Впервые опубликовано в том же номере «Известий», что и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по XI тому собрания сочинений, 1928.

Утерянный женский рай (стр. 302).— Впервые опубликовано в «Правде», 1928, № 58, 8 марта, в Международный женский день. Вошло в книги Д. Бедного: «Утерянный и возвращенный женский рай», 1929, «Главная Улица», 1930, «Счастье земли», 1933, «Восток», 1933, «Избранное», 1935.

В основу легенды положена «Сказка о женском ханстве», позаимствованная из журнала, указанного в примечании автора (см. текст стихотворения).

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Т а к в о т в ч е м д е л о (стр. 315).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1928, № 77, 31 марта, в подборке фельетонов Д. Бедного, под общим заглавием «Обо всем понемногу».

Текст печатается по XIII тому собрания сочинений, 1929.

«Где цветочек тот прекрасной?» (стр. 316).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1928, № 96, 25 апреля, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем понемногу».

Текст печатается по XIII тому собрания сочинений, 1929.

Чемберлен — см. прим. к стихотворению «О карасе-идеалисте и о пескаре-социалисте...».

М о г л о л и к о н ч и т ь с я и н а ч е ? (стр. 317).— Впервые опубликовано в том же номере «Известий» и в той же подборке, что и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по XIII тому собрания сочинений, 1929.

Л е г к о о ш и б и т ь с я (стр. 318).— Впервые опубликовано в той же подборке, что и два предыдущих стихотворения, и печатается по тому же изданию.

Г е р м у с ь ю (стр. 319).— Впервые опубликовано в «Правде», 1928, № 242, 17 октября.

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Коти — французский фабрикант-парфюмер, владелец черносотенных газет «Фигаро» и «Ами дю пепль», на страницах которых проводилась антикоммунистическая, клеветническая кампания.

Ч е р т а с д в а ! (стр. 320).— Впервые опубликовано в «Правде», 1928, № 252, 28 октября. Написано в связи с 10-летием Всесоюзного Ленинского комсомола.

Вошло в книгу Д. Бедного «Юной гвардии», 1932, откуда и печатается текст.

Т о ж е а м е р и к а н с к и й р е к о р д (стр. 321).— Впер-

вы опубликовано в «Правде», 1928, № 266, 16 ноября, в подборке стихотворений Д. Бедного, под общим названием «Эпиграммы».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Дарвинизм — материалистическое учение о природе и ее развитии, названное по имени его создателя, английского биолога Ч. Дарвина, и изложенное в его труде «Происхождение видов».

Доллар против дарвинизма!— Имеется в виду гонение американских реакционеров на учение Дарвина, имевшее место в ряде штатов США начиная с июля 1925 г., когда в штате Теннесси учитель колледжа был привлечен к суду за преподавание дарвинизма.

О ж г л и с ь (стр. 322).— Впервые опубликовано в той же подборке эпиграмм и печатается по тому же изданию, что и предыдущее стихотворение.

О х о т н о п р и з н а е м (стр. 323).— Впервые опубликовано в «Правде», 1928, № 268, 18 ноября, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

«З а д у ш у , н о в л а с т и н е о т д а м !» (стр. 324).— Впервые опубликовано в «Правде», 1928, № 276, 28 ноября. Посвящено шестому съезду профессионального союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР, происходившему в Москве в ноябре 1928 г. Вошло в книги Д. Бедного «Главная Улица», 1930, «Чудесное письмо», 1934.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

О с к а л е н н а я п а с т ь (стр. 326).— Впервые опубликовано в «Правде», 1928, № 279, 1 декабря, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем». Вошло в книгу Д. Бедного «Чудесное письмо», 1934.

Текст печатается по одному тому 1937 г.

А к у л ы (стр. 327).— Впервые опубликовано в «Правде», 1928, № 284, 7 декабря.

Мачадо — президент Кубы с 1925 по 1933 г., установивший в 1925 г. реакционный террористический режим и подчинивший политику Кубы интересам американского капитала.

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

П о с а д и л и (стр. 329).— Впервые опубликовано в «Правде», 1928, № 297, 22 декабря, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Гувер Г. К.— известный американский реакционер, деятель республиканской партии, с 1928 по 1932 г. президент США.

Старо! (стр. 330).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 11, 13 января, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Такие капитализму не нужны (стр. 331).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 22, 27 января, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Лоуренс — агент британской разведки, известный своей подрывной и колонизаторской деятельностью в странах Востока.

Нескромный вопрос (стр. 332).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 27, 2 февраля, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Пакт Келлога — договор, подписанный 27 августа 1928 г. по инициативе государственного секретаря США Келлога между США, Францией, Англией, Германией и другими странами, обязавшимися якобы «исключить обращение к войне для урегулирования международных споров». На самом деле пакт служил прикрытием для подготовки империалистов к войне.

Панамский канал — искусственный водный путь, соединяющий Тихий и Атлантический океаны и имеющий большое военно-стратегическое значение. Контроль над ним принадлежит США, создавшим у обоих выходов канала сильно укрепленные военно-морские базы.

Вредители (стр. 333).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 28, 3 февраля. Вошло в книги Д. Бедного: «Чудесное письмо», 1934, «Удар по врагу», 1935.

В первоначальном тексте первым трем строкам соответствовали следующие строки:

По части лозунгов у нас хоть отбавляй.

«Огонь по темноте!»

— Валяй!

— Огонь!.. Огонь!.. Не дело, слово.

Изменение внесено автором в текст при перепечатке в названных сборниках.

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

Много у нас кулаков, а еще больше... (стр. 338).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1929, № 47, 26 февраля, в

подборке материалов о предвесенних полевых работах на Северном Кавказе. Вошло в книги Д. Бедного: «Чудесное письмо», 1934, и «Удар по врагу», 1935.

Стихотворение основано на корреспонденции, из которой в газете приведены выдержки: «В Армавире, как и в других окружающих центрах, уверяют, что на местах все обстоит благополучно... С.-х. товарищество станицы Передовой до сих пор не имеет ни одной зерноочистительной машины, и беспокоиться ему о них некогда. Член правления Кендюхов все дни пропадает в церкви, два других члена правления—Дублин и Чернов—беспросветно пьянствуют».

Текст печатается по книге «Удар по врагу», 1935.

Н е с т р а ш н о (стр. 342).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 66, 22 марта, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем». Вошло в книги Д. Бедного: «Главная Улица», 1930, «Чудесное письмо», 1934, и «Удар по врагу», 1935.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

С о ю з « п о г р о б ж и з н и » (стр. 344).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 119, 28 мая, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Ватикан — «государство-город» в Риме, резиденция главы католической церкви — папы римского. Тесно связанный с капиталистическими монополиями, Ватикан является одним из центров международной реакции, активным участником борьбы с коммунизмом, с интересами демократии и всеобщего мира.

Л е г к о м ы с л е н н а я о с о б а (стр. 345).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 120, 29 мая, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Андерсен Х. К. (1805—1875) — выдающийся датский писатель, автор широко известных сказок, многие из которых основаны на сюжетах народных рассказов и древних поэтических произведений.

Г р о з н ы й з н а к (стр. 348).— Впервые опубликовано в том же номере «Правды» и в той же подборке, что и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

М р а к ! (стр. 349).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 121, 30 мая, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Вольтер М. Ф.— один из крупнейших французских просветителей XVIII в., философ, историк и поэт.

«Кандид» — сатирический роман Вольтера, обличающий средневековое мракобесие.

Недавно Дарвина кляли... — см. прим. к стихотворению «Тоже американский рекорд».

Мелочь, а важная (стр. 350).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 123, 1 июня, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Пакт Келлога — см. прим. к стихотворению «Нескромный вопрос».

Фашистский спор (стр. 351).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 134, 14 июня, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Сервантес М.— классик испанской литературы (XVII в.), автор всемирно известного романа «Дон Кихот».

Муссолини — см. прим. к стихотворению «Лиха беда — начало».

Ривера — Примо-де-Ривера, см. прим. к стихотворению «Ближе годом», 1927 г.

Излишнее предостережение (стр. 352).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 135, 15 июня, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1928.

Ллойд-Джордж — см. прим. к стихотворению «Были, да перевелись».

Подлинно черный (стр. 353).— Впервые опубликовано в том же номере «Правды» и в той же подборке, что и предыдущее стихотворение.

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Этого товару хватит (стр. 354).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 136, 16 июня, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XIV тому собрания сочинений, 1930.

Что ж тут удивительного? (стр. 355).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 247, 25 октября, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XVI тому собрания сочинений, 1931.

Союз красных фронтовиков — организация рабочей самообороны в Германии, созданная в 1925 г. по инициативе и под руковод-

ством Э. Тельмана и существовавшая до прихода Гитлера к власти.

Чувствую т грозу (стр. 356).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 271, 21 ноября, в подборке фельетонов Д. Бедного «Обо всем».

Текст печатается по XVI тому собрания сочинений, 1931.

Н а с п о б и т ь, п о б и т ь х о т е л и! (стр. 357).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 279, 29 ноября. Вошло в книги Д. Бедного: «Удар по врагу», 1935, «Избранное», 1935, и в ряд сборников советских песен.

Стихотворение написано в связи с победой войск Особой Дальневосточной армии над бандами китайских милитаристов, спровоцировавших при поддержке японских империалистов конфликт на КВЖД и организовавших летом и осенью 1929 г. ряд нападений на советскую территорию.

На слова Д. Бедного написал музыку композитор А. Давиденко. Песня получила в народе широкое распространение.

Текст печатается по однотомнику 1937 г.

Чжан Сюэ-лян — китайский милитарист, организатор анти-советской провокации 1929 г.

«К а к в с т а р и н у м у ж и к о в м о л и т ь с я у ч и л и» (стр. 359).— Впервые опубликовано в «Правде», 1929, № 306, 26 декабря, под названием «Святая старина, или как мужиков молиться учили». Вошло в однотомник 1937 г. и в сб. «Церковный дурман», Гослитиздат, 1938, откуда и печатается текст.

При включении в однотомник 1937 г. стихотворение подверглось значительному сокращению. Автором было отброшено начало стихотворения, которое заменено двумя начальными строчками приводимого текста. Та же редакция (с изменением заглавия) сохранена в сб. «Церковный дурман».

СОДЕРЖАНИЕ

1921

Разбойная жалость	5
Змеиное гнездо	6
Искуплские	7
Предателям	15
Предрешенное	17
Братское дело	19
Либерал	21
Сверх-либерал	22
Алтынники	23
Рабовладельцы	26
«Владимирка»	30
Азбука («Я не скажу, что нынче вёдро»)	32
«Вашингтонское разоружение»	34
Великий памятник	36
От жизни к тленью	38
Семена	39
Обманутая мадам	42
Революционный парад	45
Труд и порядок	47
Были, да перевелись	48
Политическая загадка	50

1922

После ужина горчица	52
Советский часовой	53
Меньшевистская плачя	55

Все ясно	56
«Golos Rossii»	57
Львиное угощение	59
Не политическое ратоборство, а юридическое крючкотворство	61
Догенуэзился	62
Кто поручится?	63
Осы	64
Волчья защитница	65
Вандервельде в Москве	67
Вот именно!	75
В малом великое	76
За этой линией	78
Пугало	79
Юной гвардии	80
Спокойствие и выдержка	82
Откуда есть пошел «Крокодил»	83
Пинские посулы	87
Социал-мошенники	90
В той же связи	91
Ходит спесь надувающимся	93
Дальневосточным героям	94
«Жестикулянты»	95
Главная Улица	96
На боевой страже	102
Третьего не дано	104
Не с того начали	105
Дерунов 1001-й	106
Благословение («Отец Ипат венчал...»)	123

1923

Ответ на ответ	125
Мария Голошубова	126
Социал-траурным предателям	129
Риск	130
Махровые цветы	133
Социал-болонки	134
На фронте победном	135
«Бил бы лбом»	136
Еще раз о том же	138

Любимому	140
Премьер-министру мистеру Ллойд-Джорджу	141
Кровавые долги	143
У последней черты	144
Лиха беда — начало	146
Неизбежное и страшное	148
Кострома	150
Грабительский интервенционал, или Грабин- терн	158

1924

Помазанники	159
Если бы не...	160
О соловье	161
Тяга	168
Их юбилей	174
Вперед и выше!	175
«Руководство хорошего тона»	176
Семь лет — а конца нет!	179
Памяти селькора Григория Малиновского .	186
О самом близком	188
«Правде»	192
Не иначе	193
О карасе-идеалисте и о пескаре-социалисте...	195

1925

Учительский съезд в 1913 г.	202
Учительский съезд в 1925 г.	207
Снежинки	208
Два уголька	209
«Ахраровцы»	215
Клятва Зайнет	218
Дрессированный	222
Обратный намек	223
Нанялся — продан	225
«Инцидент исчерпан»	227
Всмотритесь! Прислушайтесь!	228
Памяти милого друга, боевого товарища . . .	230
Разгадка	231

1926

Хорошо!	236
«Товарищ борода»	240
Памяти рыцаря нашей партии	243
Неповторимые	244
Чертополох	245
Не то раскапывают	247
Грозит!	249

1927

Ближе годом	250
Завет сраженного бойца	252
Два мира	253
Эк удивили, подумаешь!	254
Тоже юбиляры	256
Великий подвиг	257
Разговор с редактором по поводу Шанхая	259
«Дипломатический занавес»	261
Мы будем говорить...	262
Всему свое время	263
Китайские тени («Писать мне тушью иль кар- мином?»)	264
«Пантеон войны»	265
«Пантеон революции»	266
Кто внушает, а кто мешает	267
Никто не знал...	268
«Идут навстречу»	270
Да, вспомнить есть о чем	271
«Разоружались» тройственно и «столкова- лись», как им свойственно	272
Сказать по совести... по совести сказать...	273
Что и говорить!.. «Заслужонный!..»	275
Урок другим	276
Ненадежные рогатки	277
Урок	278
В Тулоне	279
Шефы в деревне	280
«Триумфальный путь» изменника	290
Нельзя ли наоборот?	291
Этап к победе	292

Готовят «боевик»	293
Грозный... паникер...	294
Без хлеба — не обед	295
Яснее ясного	296
Чего тут больше?!	297
Несокрушимая твердыня	299
Есть чему позавидовать!	300
Счастливая страна, в которой...	301

1928

Утерянный женский рай	302
Так вот в чем дело	315
«Где цветочек тот прекрасной?»	316
Могло ли кончиться иначе?	317
Легко ошибиться	318
Гер мусью	319
Черта с два!	320
Тоже американский рекорд	321
Ожглись	322
Охотно признаем	323
«Задушу, но власти не отдам!»	324
Оскаленная пасть	326
Акулы	327
Посадили	329

1929

Старо	330
Такие капитализму не нужны	331
Нескромный вопрос	332
Вредители	333
Много у нас кулаков, а еще больше...	338
Не страшно	342
Союз «по гроб жизни»	344
Легкомысленная особа	345
Грозный знак	348
Мрак!	349
Мелочь, а важная	350
Фашистский спор	351
Излишнее предостережение	352

Подлинно черный	353
Этого товару хватит	354
Что ж тут удивительного?	355
Чувствуют грозу	356
Нас побить, побить хотели!	357
«Как в старину мужиков молиться учили».	359
ПРИМЕЧАНИЯ	365

Редактор *В. Борисва*
Художник *Н. Шишловский*
Художеств. редактор *Н. Мухин*
Технич. редактор *Д. Ермоленко*
Корректоры *В. Брагина* и
В. Покровская

*

Сдано в набор 1/IX 1953 г. Подпи-
сано к печати 19/II 1954 г. А 00924.
Бумага 84×108¹/₃₂ — 26 печ. л. =
21, 32 усл. печ. л. 15, 84 уч. изд. л.
+1 вкл. = 15, 89 л.
Тираж 75 000 экз. Заказ № 617.
Цена 10 р.

Гослитиздат
Москва, Ново-Басманная, 19

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Валовая, 28

При обнаружении полиграфического брака в экземпляре покупатель имеет право обменять данный экземпляр в Книготорге (независимо от времени и места его покупки). В случае отсутствия исправного экземпляра для замены Книготорг обязан возместить покупателю номинальную стоимость данного экземпляра.

